

ИЗВЕСТИЯ

**ВОЛГОГРАДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
СОЦИАЛЬНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

**№2 (02)
2023**

ИЗВЕСТИЯ

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
СОЦИАЛЬНО - ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№2(02)

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

2023 г.

ОСНОВАН
в 2023 г.

Учредитель:
Федеральное
государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»

Издатель:
ВГСПУ.
Научное издательство
ВГСПУ «Перемена»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций

ПИ № ФС77-84741
от 17 февраля 2023 г.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО- СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

- ПАНЧЕНКО Н.Н. Мотивационный дискурс: проблемы и
перспективы исследования..... 4
- ЮРЛОВ В.С. «Властные игры» в китайском обществе и их
реализация в дискурсе 9
- ДЖАМБИНОВА Н.С. Аксиогенная ситуация как ценностная
база этического поведения (на примере жанра притчи).....13
- СИРОТА Е.В. Семантика «световое состояние» в коммуни-
кативно-дискурсивном аспекте.....17
- ЧЭНЬ ЮЙЛИНЬ Лингвокультурные характеристики клик-
бейта (на материале китайского языка)26
- ШТЕБА А.А., НИКОДИМОВА А.Д. Неопределенная эмоци-
онность: языковая категоризация микроэмоций36
- ФЕЛЬКИНА О.А. Перевод непереводаемого: «пересоздание»
Алесем Рязановым стихотворений Велимира Хлебникова43
- БОБЫРЕВА Е.В., ЙЕГНИ Х. Передача национально-куль-
турной специфики при переводе рассказов А.П. Чехова
«Смерть чиновника» и «Толстый и тонкий» на арабский
язык.....48
- ТИХОНОВА Е.А. Культурно-маркированная лексика в лири-
ке С.А. Есенина и способы ее передачи при переводе на ки-
тайский язык55
- ГАРЬКУША А.А. Лингвокультурная специфика британских
иппонимов.....60

Главный редактор

Н.А. Красавский,
д-р филол. наук, проф.

Зам. главного редактора

К.И. Декатова, д-р филол. наук, доц.

Редакционная коллегия

Е.В. Брысина
С.Г. Воркачев
А.Х. Гольденберг
Л.В. Жаравина
В.И. Карасик
А.А. Кораблёв
О.А. Кравченко
Л.П. Крысин
М.Ч. Ларионова
О.А. Леонтович
Г.Б. Мадиева (Казахстан)
В.М. Мокиенко
Н.Н. Панченко
С.В. Перевалова
Л.Н. Савина
В.И. Супрун
Н.Е. Тропкина
А.А. Фокин
Ван Цзиньлин (КНР)
Э.Ф. Шафранская

Научно-редакционный совет

А.М. Коротков
Н.А. Красавский
М.В. Великанов

КРИВЧЕНКО Е.А. Приемы убеждения и манипулирования
в диалогах врача и пациента (на материале рассказов
М.А. Булгакова и А.П. Чехова).....65

ТУМАНОВА А.В. Осмысление особенностей мировосприя-
тия народа через призму фразеологических единиц73

ШУЛЯТЕВА Э.В. Языковая политика Каталонии: государ-
ственная поддержка и гражданские инициативы81

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

МОСКВИН В.П. Антономасия: к уточнению понятия.....87

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

КАТЕРМИНА В.В. Новые тенденции в туристическом дис-
курсе (на материале английских неологизмов).....95

ЛЕНЕЦ А.В. Язык и культура как факторы конструирования
национальной идентичности в кинодискурсе (на матери-
але австрийских фильмонимов).....99

НИКИТИНА Т.Г. Венгерские фразеологизмы: этимологичес-
кие версии на фоне славянских аналогов и ассоциаций107

КРАСАВСКИЙ Н.А., РЯБУХ К.В. Функции образного срав-
нения в новелле Роберта Музиля «Гриджия»112

ГОРБАТОВСКИЙ А.С. Лингвокультурный аспект оппози-
ции «protestantisch – katholisch» в культурном простран-
стве романа Д. Кельмана «Tyll».....117

ОГАНЕСЯН А.О. Место фиесты в этнокультурной картине
испанской ментальности123

ХРОНИКА И РЕЦЕНЗИИ

СУПРУН В.И. Международный форум русистов в Казани129

КУЗНЕЦОВА Е.В. Международная научно-практическая
конференция «Сталинградская гвоздика»132

КАРАСИК В.И. Рецензия на монографию Е.В. Савицкой
«Когнитивный субстрат семантической системы англий-
ского языка и английского языкового мышления» (Сама-
ра: СГСПУ, 2021).136

*Перевод на английский язык
А.С. Караваевой.*

Сведения об авторах.....	139
Information about authors.....	141
Состав редакционной коллегии	143
Состав научно-редакционного совета.....	143

Подписано в печать
30.06.2023

Формат 60×84/8.
Бум. офс. Уч.-изд. л. 15
Тираж 1000 экз.

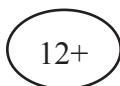
Адрес издателя, редакции:
400005, Волгоград,
пр. им. В.И. Ленина, 27,
ВГСПУ.

Великанову М.В.
☎(8442)60-28-86
E-mail: philolog-izvestia@mail.ru

Отпечатано в типографии
ИП Миллер Андрей Георгиевич
400005, Волгоград,
пр. им. В.И. Ленина, 27.
Заказ № 05/07/1

Выход в свет
28.07.2023

Цена свободная

© Волгоградский государственный
социально-педагогический
университет, 2023

Н.Н. ПАНЧЕНКО
Волгоград

МОТИВАЦИОННЫЙ ДИСКУРС: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассматриваются проблемы и перспективы исследования мотивационного дискурса. Выделены проблема отсутствия четкого определения мотивационного дискурса и его интенционального аспекта, проблема дифференциации понятий воздействия и мотивации. К перспективе исследования относятся возможности его типологической, жанровой классификации, описание вербальных и невербальных средств выражения.

Ключевые слова: мотивация, мотивационный дискурс, воздействие, стратегия.

Произошедшая во второй половине XX в. переориентация научно-исследовательской парадигмы в сторону дискурсивной проблематики по-прежнему является актуальной и сегодня, в XXI в.

Очевидно, что трактовка понятия дискурса детерминирована исследовательской позицией соответствующей научной парадигмы – философии, социологии, антропологии, психологии или лингвистики и теории коммуникации. Научной общественности хорошо известно базовое понимание дискурса, изложенное в трудах Н.Д. Арутюновой, В.И. Карасика, В.В. Красных и др., которое в самом общем виде формулируется как текст/вербализованная речемыслительная деятельность, погруженная в жизнь, т. е. речь, представленная в целостном восприятии, в совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов [1; 3; 5].

Исследование научного феномена неизменно требует разработки его типологии. Одним из оснований классификации типов дискурсов становится институциональный характер коммуникации, который определяется такими параметрами, как набор типичных для данной сферы ситуаций общения, типичные модели речевого поведения исполнителей тех или иных социальных ролей, определенные тематики общения, интенции и речевые стратегии [9]. Соответственно в рамках социолингвистической классификации правомерным является выделение политического, юридического, педагогического, медицинского, научного, религиозного и прочих видов дискурсов.

Прагмалингвистическая классификация базируется на иных критериях, к числу которых относятся одноплановость и многоплановость смыслов; фиксированность и открытость реакции; серьезность и несерьезность общения; кооперативность и конфликтность общения; приоритет содержания и формы общения; конкретность и отвлеченность тематики [3]. Предложенные ученым параметры обуславливают выделение таких видов дискурса, представленных в виде оппозитивных коррелятов, как серьезный и юмористический; этикетный и агональный; информативный и фасцинативный; перформативный и аргументативный и под. [Там же]. Думается, что число видов дискурса, выделяемых на основании прагмалингвистических критериев, не является конечным и может быть расширено с учетом разнообразия коммуникативных интен-

ций говорящего. Закономерным в этой связи считаем выделение деструктивного дискурса как особого вида дискурса, коммуникативной целеустановкой адресанта которого является сознательное и преднамеренное причинение собеседнику морального и физического вреда и получение чувства удовлетворения от страданий жертвы и/или сознания собственной правоты [2]. Целесообразно и логично, на наш взгляд, ряд укоренившихся в научном обиходе дискурсов дополнить мотивационным дискурсом, который в последнее время все больше укрепляет свои позиции в русскоязычной коммуникации.

Проблемы мотивации и упоминания о мотивационном дискурсе встречаются в исследованиях зарубежных авторов, отсылающих к академическому дискурсу и тьюторству [11, с. 599–614; 13, с. 1223–1233] или обсуждающих возможные средства достижения связанных с внешним видом и здоровьем целей [12].

Попытки обосновать существование мотивационного дискурса предпринимаются в последние годы и в отечественной лингвистике [7; 8, с. 121–136], хотя и преимущественно со ссылкой на англоязычную коммуникацию [Там же]*.

Несмотря на появляющиеся в последние годы публикации, посвященные анализируемому виду дискурса, следует признать, что понятие мотивационного дискурса пока не получило однозначного определения в современной лингвистике. Это обусловлено, во-первых, новизной данного термина для научного обихода, во-вторых, широкой вариативностью и разнообразием жанров, соотносимых с мотивационным дискурсом. И не в последнюю очередь неоднозначность его толкования связана, как нам видится, с нечеткостью формулирования основной коммуникативной цели рассматриваемого дискурса. В частности, Ж.И. Подоляк предлагает трактовать мотивационный дискурс как «вербальное взаимодействие адресанта и адресата с целью оказать положительное воздействие на эмоциональную, волевою и деятельностьную сферу последнего» [7] (выделено нами. – Н.П.).

Очевидно, что отличительной особенностью дискурса всегда выступает интенциональность, а обозначенная выше формулировка цели не является дискурсообразующей и соотносима с различными дискурсами агитационного характера, например, с политическим предвыборным дискурсом. Другими словами, напрашивается вывод о необходимости уточнения интенционального аспекта обсуждаемого дискурса.

Критерий интенциональности находится в прямой зависимости от фактора адресата. Мотивационный дискурс относится к адресатному типу дискурсов, который направлен не на отвлеченного, абстрактного адресата, а на конкретного человека, принимающего участие в коммуникации. Более того, мотивационный дискурс как никакой другой ориентирован на адресата, реализуя апеллятивную функцию или функцию воздействия на адресата. В связи с этим возникает закономерный вопрос: чем воздействие отличается от мотивации?

В психологии под воздействием принято понимать «воздействие одного индивида на психику другого индивида (группы), которое в своей произвольной форме исходит из определенного мотива и преследует цель изменения или укрепления взглядов, мнений, отношений, установок и других психологических явлений» [4, с. 117]. Соответственно, воздействие всегда осуществляется извне, как «проникновение» одного субъекта (социального или индивидуального) в психологию личности другого субъекта (социального или индивидуального).

Мотивацию же можно рассматривать и как самоизбираемую направленность поведения, как процесс выбора субъектом цели, влияющей на результаты деятельности. «Ж. Нюттен называет этот процесс формированием цели (по аналогии с процессом фор-

* «Растущую важность мотивационного дискурса для современного англоязычного социума можно подтвердить наличием отдельных устных и письменных жанров, выполняющих мотивирующую функцию» [7].

мирования плана). Объектом-целью мотивации человека часто оказывается не уже существующий материальный объект, а определенный уровень исполнения или результатов, достичь которого собирается человек или достижения которого от него требует, как он полагает, общество» [10, с. 73].

Инвариантным семантическим признаком, который можно выделить в определениях психологического воздействия и мотивации, является понятие изменения: психологическое воздействие есть «*изменение* психологического состояния человека, его поведения, его личностно-смысловых образований (установок, мнений, целей, оценок и др.) другим человеком или группой людей» [6, с. 13, выделено нами. – Н.П.]; мотивацию в свою очередь можно рассматривать как побуждение к *изменению*, принятию решений и выполнению действий, необходимых для достижения целей. Взаимосвязь данных явлений проявляется в том, что оба способны изменить установки и поведение субъекта или группы субъектов.

Если принять во внимание, что психологи выделяют три стратегии воздействия: 1) императивную стратегию, ориентированную на кратковременный эффект психологического воздействия и не затрагивающую глубинные структуры психической организации личности; 2) манипулятивную стратегию, способную существенно изменить психологическое поле личности с помощью приемов подсознательного стимулирования, действующих в обход психического контроля личности; 3) развивающую стратегию, обеспечивающую актуализацию потенциала собственного саморазвития каждой из взаимодействующих психологических систем в группе тренинга [4, с. 117], то логично предположить, что развивающая стратегия «работает» на мотивацию. Следовательно, феномены воздействия и мотивации можно представить как общее и частное соответственно.

Необходимо также заметить, что в психологии личности отмечаются характерные для индивида две противоречивые стратегии «мотива достижения» – стремление к успеху и избегание неудачи. Представляется, что в этой связи можно говорить о двух типах субъектов:

1) субъект, который ориентирован на успех и не испытывает страха перед неудачей (у него преобладает стремление к успеху). Мотивированные на успех индивиды уверены в успешном результате, им свойственны решительность, ответственность, готовность идти на риск и решать задачи повышенной трудности, настойчивость при достижении поставленной цели;

2) субъект, который ориентирован на избегание неудачи. Он испытывает при этом страх перед потенциальной неудачей, и стремление к успеху у данного индивида выражено слабо или не выражено совсем. Ориентированным на избегание неудач индивидам характерен средний или низкий уровень ответственности, они готовы к решению легких (с гарантированным успехом) задач или тех задач, за фиаско которых индивид ответственность не несет. Согласно К.И. Юровой и И.А. Юрову, исследователи Р. Бирни, Г. Бардик, Р. Тиван дифференцируют три типа боязни неудачи: боязнь обесценивания себя в собственном мнении, боязнь обесценивания себя в глазах окружающих и боязнь не затрагивающих «Я» последствий [10].

Первый тип личности, как нам кажется, способен к внутриорганизованной мотивации, при которой он самостоятельно «детерминирует свою деятельность, исходя из внутренних побуждений (потребностей, желаний)» [10, с. 93].

Второй же тип личности в большей степени испытывает потребность во внешнеорганизованной мотивации, возникающей в результате внешних стимулов со стороны другого субъекта/группы, и является потенциальным адресатом мотивационного дискурса, поскольку нуждается в переориентации жизненных целеустановок и дополнительном стимулировании мотивации.

С точки зрения плана содержания мотивационный дискурс можно рассматривать как определенный вид воздействия, процесс «заражения» адресата, эмоционального и/или рационального побуждения его/их к совершению поступков или осуществлению им/ими некой деятельности.

С точки зрения плана выражения мотивационный дискурс может быть представлен целым рядом речевых жанров, например, различного рода мотивирующих речей и проповедей и побудительных речевых актов, в частности, суггестивов.

С точки зрения конституирующих мотивационный дискурс речевых жанров он может быть подразделен на институциональный и персональный типы. В состав мотивационного дискурса институционального типа будут включаться мотивационные речи, например, в рамках академического (напутственная речь на вручении дипломов), административного (мотивирующая речь руководителя организации или структурного подразделения), религиозного (проповедь) видов дискурсов. К персональному типу мотивационного дискурса можно отнести речи разного рода мотивационных спикеров – коучеров и тьюторов, коммуникативная деятельность которых нацелена на развитие личностного роста адресата, содержит отсылку к собственному положительному опыту и историям из реальной жизни.

Коммуникативному поведению мотивационных спикеров, как правило, свойственны умение управлять вниманием аудитории, артистизм, высокий уровень экспрессивности, заряжающей энергетики, оказывающей влияние на адресата. Цель подобных коучеров – на примере собственного опыта создать мотивационную установку следовать какому-либо привлекательному образцу, воодушевить адресата и сформировать у него состояние готовности к подражанию и позитивной трансформации.

Резюмируя сказанное, заметим, что вопросы изучения мотивационного дискурса в современной лингвистике становятся все более актуальными. Очевидна тем не менее определенная лакуарность в его исследовании, связанная с проблемой дефиниции мотивационного дискурса, его структуры и интенционального аспекта. К перспективе исследования рассматриваемого дискурса следует отнести возможности его типологической, жанровой классификации, описание вербальных и невербальных средств выражения.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136–137.
2. Волкова Я.А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте: монография. Волгоград, 2014.
3. Карасик В.И. Языковые ключи. М., 2009.
4. Ковалев Г.А. Психологическое воздействие: теория, методология, практика: дис. ... д-ра психол. наук. М., 1991.
5. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
6. Матяш Н.В., Павлова Т.А. Методы активного социально-психологического обучения: учеб. пособие. М., 2010.
7. Подоляк Ж.И. К вопросу о выделении мотивационного дискурса [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 5. URL: <https://human.snauka.ru/2016/05/14850> (дата обращения: 10.01.2023).
8. Хутыз И.П. Особенности реализации сконструированного диалога в мотивационном дискурсе // Коммуникативные исследования. 2022. Т. 9. № 1. С. 121–136.
9. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М., 2004.
10. Юрова К.И., Юров И.А. Проблема смысла жизни в психологии: уч. пособие. Пенза, 2017.

11. Gao X. Shifting motivational discourses among mainland Chinese students in an English medium tertiary institution in Hong Kong: A longitudinal inquiry // *Studies in Higher Education*. 2008. V. 33. № 5. P. 599–614.
12. Kwan S. Competing motivational discourses for weight loss: Means to ends and the nexus of beauty and health // *Qualitative Health Research*. 2009. V. 19. № 9. P. 1223–1233.
13. Matthews P.H. Effects of tutoring discourse structure on motivation among university foreign language learners. Dissertation. Atlanta, 2001.

* * *

1. Arutyunova N.D. Diskurs // *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'*. M., 1990. S. 136–137.
2. Volkova Ya.A. Destruktivnoe obshchenie v kognitivno-diskursivnom aspekte: monografiya. Volgograd, 2014.
3. Karasik V.I. Yazykovye klyuchi. M., 2009.
4. Kovalev G.A. Psihologicheskoe vozdejstvie: teoriya, metodologiya, praktika: dis. ... dokt. psihol. nauk. M., 1991.
5. Krasnyh V.V. «Svoj» sredi «chuzhih»: mif ili real'nost'? M., 2003.
6. Matyash N.V., Pavlova T.A. Metody aktivnogo social'no-psihologicheskogo obucheniya: ucheb. posobie. M., 2010.
7. Podolyak Zh.I. K voprosu o vydelenii motivacionnogo diskursa [Elektronnyj resurs] // *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*. 2016. № 5. URL: <https://human.snauka.ru/2016/05/14850> (data obrashcheniya: 10.01.23).
8. Hutyk I.P. Osobennosti realizacii skonstruirovannogo dialoga v motivacionnom diskurse // *Kommunikativnye issledovaniya*. 2022. T. 9. № 1. S. 121–136.
9. Shejgal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa. M., 2004.
10. Yurova K.I., Yurov I.A. Problema smysla zhizni v psihologii: uch. posobie. Penza, 2017.

Motivational discourse: issues and prospects of study

The article deals with the issues and prospects of the study of the motivational discourse. There is revealed the problem of the absence of the clear definition of the motivational discourse, its intentional aspect and the issue of the differentiation of the concepts of manipulation and motivation. The prospects of the study are the opportunities of its typological and genre classification and the description of the verbal and non-verbal means of the expression.

Key words: *motivation, motivational discourse, manipulation, strategy.*

(Статья поступила в редакцию 20.04.2023)

В.С. ЮРЛОВ
Волгоград

**«ВЛАСТНЫЕ ИГРЫ» В КИТАЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ
В ДИСКУРСЕ**

Рассматривается комплекс понятий под общим названием «властные игры» с целью выявить особенности их реализации в дискурсе. Материал исследования – 55 устойчивых выражений китайского языка, включающих в себя слова «связи», «симпатии» и «лицо». Описана роль власти в китайском обществе; рассмотрены понятия «связи», «симпатии» и «лицо», их репрезентация в китайском языке и использование в процессе коммуникации.

Ключевые слова: *Китай, власть, властные игры, симпатии, лицо, дискурс, межкультурная коммуникация.*

Данная статья, написанная в рамках социолингвистики, посвящена так называемым «властным играм» (*quánlì yóuxì*, 权力游戏) – ритуалам, обеспечивающим превосходство одних коммуникантов над другими в процессе межличностного общения. Цель статьи – выявить составляющие «властных игр», определить их функции и взаимодействие в коммуникации. Материалом исследования послужили 55 китайских устойчивых выражений, отражающих отношение к власти и включающих в себя слова «лицо» (*miànzǐ*, 面子), «симпатии» (*rénqíng*, 人情) и «связи» (*guānxì*, 关系), которые были отобраны методом целенаправленной выборки из русско-китайского словаря [1].

Теоретическая база исследования опирается на труды по «властным играм», написанные тайваньским социологом Хуан Гуанго [9]. В его статье впервые был упомянут термин «властные игры» и был проведен анализ совокупности всех составляющих «властных игр». В основу исследования также легли работы ученых Линь Юйтана [2], Минь Дина и Цзэ Сюя [8], посвященные анализу китайского менталитета и культуры КНР.

Что же такое власть в глазах представителей китайской лингвокультуры? Под властью, по словам Хуан Гуанго [9], подразумевается социально-моральное давление, которое можно использовать с целью изменить отношение, мотивацию или поведение других людей, чтобы они соответствовали нормам общества или социальной группы в процессе социального взаимодействия. Ю.Г. Смертин [5] отмечает, что первоначально функции хранителей власти выполняли жрецы, являвшиеся посредниками между людьми и почитавшимися в древности Небом. С появлением первых династий и конфуцианства эти жрецы преобразовались в чиновников, став уже не посредниками, а полноценными хранителями власти, а император считался первым последователем Конфуция, воплощавшим в жизнь его идеи о всеобщей гармонии. Идея о власти как о средстве поддержания конфуцианской гармонии в обществе пережила и все императорские династии, и сложный XX в., сохранившись в китайском обществе по сей день.

Значимость власти в китайском социуме воплощается в языке. Само слово «власть» (*quánlì*, 权力) можно буквально перевести как «сила взвешивания»; это слово можно также трактовать как «равновесие». Фраза «наделять властью» (*shòuquán*, 授权) буквально переводится как «передавать весы», а фразу «узурпировать власть» (*shànquán*, 擅权) можно перевести как «единолично овладеть весами». Внутренняя форма данных языковых единиц показывает, что в китайском языке присутствует связь между властью и весом: человек, имеющий власть, обладает условной гирей или весами, имеет право на взвешивание, на осуждение других. Власти в Китае уделяется значительное внимание, неслучайно в классификации Г. Хофстеде [7] Китай относится к странам с большой дис-

танцией власти, где социальное неравенство считается естественным и не оспаривается, а руководители чувствуют свое превосходство над подчиненными. Также, согласно классификации Г. Хофстеде, в Китае наблюдается высокий уровень избегания неопределенности. Страх перед неясными ситуациями в какой-то степени объединяет людей вокруг лидеров, обладателей власти. Соответственно, «властные игры» созданы для регуляции отношений между руководителями и подчиненными.

Согласно проведенному нами исследованию, к составляющим «властных игр» относятся понятия «связи» (*guānxi*, 关系), «симпатии» (*rénqíng*, 人情) и «лицо» (*miànzǐ*, 面子). Рассмотрение взаимосвязи этих понятий, а также их реализации в дискурсе позволяет дать комплексный анализ «властных игр» в китайской лингвокультуре.

1. «Связи». Понятие «связи» (*guānxi*, 关系), также известное в деловой среде как «гуаньси», считается важным для институциональной коммуникации, в частности в сфере бизнеса. А.Н. Лядов [3] называет их «особым видом личных отношений, подразумевающим глубокое уважение, дружеское расположение и готовность оказать друг другу взаимную услугу или одолжение». В качестве их западных аналогов он приводит термины «доверие» (trust) и «сеть личных контактов» (network). Без установления «гуаньси» в Китае практически невозможно ведение успешной хозяйственной деятельности. Как китайские, так и зарубежные бизнесмены обязаны учитывать «гуаньси» в отношениях как с другими деловыми партнерами, так и с государственными структурами.

Устанавливая деловые отношения, китайцы не вступают в переговоры сразу, а сначала стремятся установить «связи» (*lā guānxi*, 拉关系): знакомятся, проявляют гостеприимство, пытаются узнать как можно больше о потенциальных партнерах. Считается, что уже налаженные «гуаньси» необходимо поддерживать (*bǎochí guānxi*, 保持关系).

А.А. Маслов [4] отмечает, что вопрос от китайца «Есть ли у Вас “гуаньси” с кем-нибудь из этой фирмы?» («你和这家公司的任何人有关系吗?») синонимичен вопросу «Знаете ли Вы кого-нибудь из этой фирмы?», т. к. для китайцев наличие «связей» важнее простого знакомства. Старое правило гласит: «Важно не что ты знаешь, а кого ты знаешь». Испытывая сомнения, один собеседник может спросить другого: «Насколько прочным является “гуаньси” между нами?» («我们之间的关系有多强?»). Все поведение китайцев строится на персональных отношениях [6].

Именно из-за «гуаньси» в Китае так распространен бизнес, управляемый родственниками, друзьями или даже земляками. Организация может состоять исключительно из выходцев из одной деревни, т. к. руководитель будет ставить своего земляка без особых профессиональных навыков выше талантливого и способного незнакомца, ведь с первым у него есть «гуаньси», а со вторым – нет.

Злоупотребление «гуаньси» в китайском языке с долей иронии называется 关系学 (*guānxi xué*), т. е. «наукой или искусством гуаньси». Также в языке присутствуют такие негативные устойчивые обороты, как 私人关系 (*sī rén guānxi*, «гуаньси для своих», кумовство) и 裙带关系 (*qún dài guānxi*, «женское гуаньси», использование связей своих родственниц женского пола).

2. «Симпатии». Регулятором «связей» служат «симпатии». В словаре [1] этот многозначный термин определяется и как повседневные человеческие чувства, и как эмпатия, и как ресурс для социального обмена, и как совокупность всех оказанных одним человеком другому любезностей, на «возврат» которых он может рассчитывать позднее, причем момент «воздаяния» может наступить и спустя длительный промежуток времени, а отсутствие ответной «симпатии» наказывается либо разрывом отношений, либо и вовсе враждой. Во многом ожидание обмена «симпатиями» стимулирует поддержание «связей», люди стараются не забывать своих «должников» или тех, у кого они сами в долгу.

В Китае ценятся люди, которые понимают «симпатии» (*dǒng rénqíng*, 懂人情), т. е. способны чувствовать чужие проблемы и сопереживать окружающим. Если же человек

не слышит (*bùjìn rénqíng*, 不近人情) или не понимает (*bùdǒng rénqíng*, 不懂人情) «симпатий», то он считается бестактным и лишенным эмпатии.

«Симпатии» проявляются не только в чувствах, но и в физических подарках. Когда кто-то дарит подарок (*sòng rénqíng*, 送人情), он рассчитывает на соразмерный ответный подарок позднее. Скромные, но бесценные подарки вовсе не порицаются и называются в китайском языке «подарками сюэя» (*xiùcái rénqíng*, 秀才人情). Сюэяй – это нищий ученый, способный подарить лишь пол-листа бумаги со стихотворением или красиво написанным иероглифом. В наше время более популярны денежные подарки (*rénqíngqián*, 人情钱). Минь Дин и Цзэ Сюй [7] осуждают денежные подарки и пишут: «Дарение стало способом обеспечения финансовой поддержки. В сельской местности во время проведения большого пира или свадьбы хозяева или организаторы получают денежные подарки от гостей для компенсации расходов на празднование. Денежные подарки такого же или большего размера будут отданы взамен позднее, когда гости сами будут проводить торжества и пригласят организаторов предыдущего праздника. В какой-то степени люди, прикрываясь дарением, одалживают друг другу деньги».

Осуждение неискренних «симпатий» получает языковое выражение. Человека, получившего повышение из-за проявления фальшивых чувств, называют *人情货* (*rénqíng huò*), т. е. креатурой и любимчиком начальства, буквально «живущим на симпатиях негодником». Самую неискреннюю любезность обозначают словами «*卖人情*» (*màirénqíng*, «продавать чувства», играть на эмоциях) и «*空头人情*» (*kōngtóu rénqíng*, «пустые симпатии»).

3. «Лицо». Третьей составляющей «властных игр» считают понятие «лицо», известное в Китае как «*miànzi*» (面子). Это слово в китайском языке обозначает и лицо как часть тела, и лицевую или внешнюю сторону любого предмета. В китайском обществе под «лицом» понимают эффективный социальный регулятор поведения. Ближайший западный эквивалент «лица» – это честь. Одни исследователи, как, например, Минь Дин и Цзэ Сюй [8], сопоставляют «лицо» и честь, в то время как другие, в том числе Линь Юйтан [2], разграничивают эти два понятия и не видят сходств между ними.

Наказанием за несоблюдение установленных в обществе правил является потеря «лица» (*diū miànzi*, 丢面子). Потерять можно не только свое «лицо», но и «лицо» другого человека, а сохранить «лицо» (*bǎoquán miànzi*, 保全面子) собеседника значит в какой-то степени сохранить и собственное «лицо», в связи с чем китайцы особенно осторожны и стремятся к взаимному уважению. Сохранение «лица» подразумевает отказ от публичной критики (в особенности старших или вышестоящих), разоблачения чужих недостатков, конфронтации и проявления негативных эмоций. Полная потеря «лица», описываемая такими эпитетами, как «опустошенное лицо» (*yánmiàn wú cún*, 颜面无存) и «втоптанное в грязь лицо» (*yánmiàn sǎodì*, 颜面扫地), практически означает собой изгнание из общества.

В свою очередь, человек, сделавший себе имя, обладает «красивым лицом» (*tǐmiàn*, 体面) и пользуется большим уважением в обществе. В трудной ситуации такой человек может сказать: «Посмотри на мое лицо» (*kàn wǒ de miànzi*, 看我的面子), т. е. «Положись на мой авторитет».

Китайский специалист по образованию и вице-мэр города Ханчжоу Чжу Юнсинь приписывает китайцам «комплекс Париса» [10], названный в честь завистливого и подчинявшегося своему старшему брату персонажа «Илиады». Этот комплекс выражен в виде страха перед властью, зависти к власти имущим, жажды карьерного роста, мечты стать честным чиновником и злоупотребления властью. Данный комплекс напрямую связан с понятием «лицо», т. к. китайцы склонны «приукрашивать лицо», преувеличивая собственные заслуги.

Для демонстрации взаимодействия всех трех составляющих «властных игр» приведем следующий пример. Когда собеседник А предлагает свою поддержку собеседни-

ку Б, собеседник А отдает свою «симпатию» с гарантией ее возвращения. В ответ он получает от собеседника Б «связи» с перспективой их поддержания как минимум до возвращения одолженной «симпатии». При правильном «управлении лицом» оба собеседника сохраняют свои «лица» или даже усиливают их.

Таким образом, можно сделать вывод, что все три составляющие «властных игр» эффективны в поддержании порядка в китайском обществе и применяются вместе: «симпатии» обеспечивают обмен подарками или услугами, «связи» помогают строить деловые и дружеские отношения, а «лицо» защищает репутацию всех сторон диалога. Китайский язык располагает достаточным количеством средств для выражения всех трех понятий, которые играют важную роль как в межличностном, так и в институциональном, в частности деловом, дискурсе. Перспективы дальнейшего исследования мы видим в более детальном рассмотрении составляющих «властных игр» с позиций социолингвистики и определении их места в китайском дискурсе в сопоставлении с русским.

Список литературы

1. БКРСО – Большой китайско-русский словарь онлайн [Электронный ресурс]. URL: <http://bkrs.info/> (дата обращения: 25.11.2021).
2. Линь Юйтан. Китайцы: моя страна и мой народ / пер. с кит. Н.А. Спешнева. М., 2010.
3. Лядов А.Н. Гуаньси. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cfin.ru/management/people/culture/guanxi.shtml> (дата обращения: 24.12.2021).
4. Маслов А.А. О чем думают китайцы? 1127 фактов от риса до Конфуция. М., 2013.
5. Смертин Ю.Г. Культ власти в Китае и вызовы народной религиозной культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 7(21): в 3 ч. Ч. II. С. 147–151.
6. De Mente B.L. Chinese Etiquette & Ethics In Business 2nd Edition. N.Y., 1994.
7. Hofstede G. Cultures and Organizations: Software of the Mind, Third Edition. N.Y., 2010.
8. Min Ding, Jie Xu. The Chinese Way. N.Y., 2014.
9. 黄光国. 人情与面子: 中国人的权力游戏 – 台北: 远流出版事业股份有限公司, 1988
10. 朱永新. 滴石集 – 上海: 复旦大学出版社, 2012

* * *

1. BKRSO – Bol'shoj kitajsko-russkij slovar' onlajn [Elektronnyj resurs]. URL: <http://bkrs.info/> (data obrashcheniya: 25.11.2021).
2. Lin' Yujtan. Kitajcy: moya strana i moj narod / per. s kit. N.A. Speshneva M., 2010.
3. Lyadov A.N. Guan'si. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.cfin.ru/management/people/culture/guanxi.shtml> (data obrashcheniya: 24.12.2021).
4. Maslov A.A. O chem dumayut kitajcy? 1127 faktov ot risa do Konfuciya. M., 2013.
5. Smertin Yu.G. Kul't vlasti v Kitae i vyzovy narodnoj religioznoj kul'tury // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2012. № 7(21): v 3 ch. Ch. II. С. 147–151.

“Power games” in the Chinese community and their implementation in the discourse

The article deals with the complex of the concepts with the general title “power games”, aimed at revealing the specific features of their implementation in the discourse. The material of the study consists of 55 fixed expressions of the Chinese language, including the words: “contacts”, “sympathies” and “face”. There is described the role of the power in the Chinese society, there are considered the concepts of “contacts”, “sympathies” and “face”, their representation in the Chinese language and the use in the communication.

Key words: China, power, power games, sympathies, face, discourse, intercultural communication.

(Статья поступила в редакцию 02.04.2023)

**АКСИОГЕННАЯ СИТУАЦИЯ КАК ЦЕННОСТНАЯ БАЗА ЭТИЧЕСКОГО
ПОВЕДЕНИЯ (на примере жанра притчи)**

Рассматриваются культурные ценности, а также аксиогенные ситуации и события на основе жанров коммуникации, в частности притч. В их содержании описаны аксиогенные ситуации, служащие морально-нравственными правилами. Аксиогенная ситуация определяет доминанты той или иной культуры и является референтной базой для ценностей, выраженных в сценариях поведения. Суть притчи сведена к смысловым ориентирам поведения, позволяющим быть для человека этическими предписаниями.

Ключевые слова: культурные ценности, аксиология, аксиогенная ситуация, мифы, притча.

Новизна рассматриваемой проблемы, на наш взгляд, заключается в материале – притчах, которые отражают аксиогенные ценностные ситуации, служащие морально-нравственными правилами для человека и общества в целом. Данная тема еще не до конца осознана и широко не обсуждается в лингвистике.

Люди, представляющие разновозрастные и неодинаковые по биологическому полу слои социума, обычно объединены взглядами, нравственными установками и жизненными правилами. Однако для некоторых из них общественные законы добра и зла важны, для других – это просто условности, необязательные для соблюдения.

Важнейшая жизненная ориентация носит название «ценность», что свято каждому человеку для его полноценного бытия. Само понятие «ценность» появилось в XVIII в. в трудах Иммануила Канта. И. Кант, по мнению П.П. Гайдено, противопоставлял сферу нравственной свободы сфере необходимости [3, с. 16]. Добродетели служат духовными опорами, сложившимися в течение исторического становления общества. Они помогают каждому его члену устоять в трудных жизненных ситуациях, упорядочивают порядок бытия, придают ему значимость и смысл.

Отказ от ценностей, традиционно существующих в собственной культуре, и создание новых установок – все это повышает ответственность человека за его поступки и проступки. Так, философ, психолог Виктор Эмиль Франк указывал, что «духовность, ответственность и свобода» [6, с. 19] – характеристики существования человека. Иерархически расставляя ценности, он делает выбор своих установочных приоритетов. Например, человек думает: «Без знаний невозможно обойтись в современном мире. Мне нужно, прежде всего, получить знания, чтобы сделать карьеру, быть лучшим специалистом в своем деле», – и ставит получение образования в начале своих ценностей. В эпоху социализма труд был первой потребностью, и человека, который не работал, презирали, считали тунеядцем, труд был ценностью. В настоящее время труд, по представлению современника, необязателен, главное – иметь деньги, которые можно получить и не трудясь, например, можно выиграть в лотерею. Главное, считает человек, лишь бы была удача. Бывает, что люди считают, как будто ценности вечны и непреходящи, но ценности изменяются, перестраиваются, появляются и исчезают, тогда как сама культура остается. По мнению Л. Витгенштейна, «исчезновение культуры не означает исчезновения человеческих ценностей, а просто гибель некоторых способов выражения этих ценностей» [2, с. 31].

В каждой культуре существует набор специфичных ценностных ориентации, которые группируются в зависимости от преобладающей тенденции в обществе и связаны с

нравственными правилами целой эпохи. Так, при рабовладельческом строе удивились бы, узнав, что рабов нельзя бить, т. к. это влияет на производительность труда.

Ценности не угасают, а возрождаются в новой реальности. Но это вовсе не означает, будто наши предпочтения жестко сопряжены с тем, что принято в данной культуре. В любой культуре существует система ценностных ориентаций, и каждый человек выбирает из них свои.

Многие люди обращаются к арсеналу общечеловеческих идеалов, но радикально отвергают ценности, принятые, скажем, сегодня. Например, в настоящее время можно наблюдать стремление людей к роскоши, богатству, рост потребительских желаний, что вызывает тревогу, т. к. природные ресурсы не бесконечны, они имеют предел и никогда не смогут удовлетворить увеличивающееся желание человека потреблять все больше и больше. Хотя в истории человеческого общества в некоторых эпохах были стоики или отшельники, которые придерживались аскетического жизненного кредо «ничего лишнего», однако аскетизм никогда не был ценностью.

Как говорилось ранее, члены любого общества не просто так выбирают для себя ценностные ориентиры. Придавая значимость выбранным ценностям, люди строят их иерархические ступени, для кого-то ценно одно, для другого – иное, некоторые ценности существуют в определенной эпохе, а в другой эпохе они умирают, или культуры меняются, а ценности остаются. Также ценности бывают как общечеловеческие, универсальные, так и относительные. Например, если для собаки, гонящейся за добычей, скорость – это благо, то для жертвы быстрый бег собаки – это зло.

Таким образом, ценность является человеческим измерением общественного сознания, воплощением отношения человека к своему существованию, к жизни. Это стяжение всего многообразия духовно-нравственного, волевого, разумного, чувственного в человеке. Это эмоционально окрашенное личностное отношение к окружающему миру, взгляд на него через призму внутреннего содержания. И, конечно, оно возникает на основе как человеческих знаний, так и его личного опыта.

Люди, живущие в какой-либо культуре, имеют свои святыни, которые в свою очередь связаны с аксиологией, с учением о ценностях. Слово «аксиология» образовано от греческого корня *axios* – теория общих принципов, диктующих направление деятельности человека и мотив его поступков.

Одним из важных факторов утверждения общечеловеческих и традиционных ценностей служит аксиогенная ситуация. В.И. Карасик определяет аксиогенную ситуацию как ценностно порождающую специфическую референтную ситуацию, обладающую способностью служить в качестве фактора ценностной мотивации и демонстрирующую свойство значимости для коммуникантов в качестве неотъемлемого признака, описывающего разнообразные (трагические, героические, смешные и др.) ценностно окрашенные события, зафиксированные в памяти людей и символически переосмысленные. По мнению В.И. Карасика, «аксиогенные ситуации объективируются <...> в высказываниях, определенных сюжетах и жанрах речи» [4, с. 65–66]. Данные ситуации представляются в виде динамических событий или стабильно-статистических положений дел, имеющих ценностный маркер. Они могут быть как героическими, так и нелепыми, смешными, но в том и другом случае они запоминаются и хранятся в коллективной народной памяти.

Будучи действенным средством ценностно направленного осмысления действительности, аксиогенные события вербализуются в специальных для этого жанрах коммуникации – легендах, мифах, притчах, пословицах и поговорках, анекдотах и т. д., в которых говорится, как люди себя вели и что из этого получилось.

В культуре разных народов существуют свои жанры коммуникации, которые развиваются специфично. Так, у восточных славян, в том числе у русских, например, мифы устроены иначе, чем у греков и римлян. У русского народа, как и у восточных славян в

целом, нет олимпийских богов: Афродиты, Аполлона, Геркулеса, нимф, – а существует такая нечисть, как баба-яга, водяной и подобное, однако нельзя считать, что мифы славян хуже [5].

Рассмотрим подробнее аксиогенные события в жанрах притчи. В сюжетах разных народов фигурирует аксиогенное событие «братоубийство». Так, в библейской истории повествуется о первочеловеке Адаме, который имел сыновей – Авеля и Каина. Каин занимался земледелием, а Авель пас скот. У Авеля дела шли хорошо, у Каина нет. Каин позавидовал младшему брату и в гневе убил его. Когда Бог спросил его об Авеле, Каин ответил, что не знает. Бог рассердился и прогнал Каина, он сделал его вечным скитальцем, которого невозможно было уничтожить. Из данного мифа можно вывести следующие максимы поведения: а) убивать родных и близких людей нельзя; б) завидовать родным также не положено; в) надо контролировать свой гнев и чувства. Данные нравственные правила поведения человека стали заповедями Библии.

Другая притча – «Волшебная водица», в которой передается аксиогенное событие «ссора супругов». В былые годы молодости они жили в дружбе и согласии, однако в старости стали часто ругаться: старик сделает одно замечание старухе, она в ответ скажет десять слов, так начиналась ссора. Станут старики разбираться, снова начинают друг друга обвинять да ссориться. Надоело это старухе, обратилась она за советом к соседке. Та и говорит: «Есть у меня волшебная водица. Если начнет муж твой ругаться, возьми в рот водицы и не глотай, держи во рту». Взяла старуха водичку и вернулась домой. А дома старик с криком к ней: «Ты где была так долго? Уже пора ужинать! Ставь самовар!» Старуха сразу за водицу, держит ее во рту и, молча, готовится к ужину. Старик видит, старуха молчит, и сам тоже не стал больше ничего говорить. С этих пор, как только муж начинает браниться, жена сразу в рот водицу берет. Так они перестали ругаться и зажили в мире. В этой притче говорится о важных принципах поведения в семье: а) муж и жена, находящиеся в браке, не должны ссориться; б) жена не должна противоречить мужу, чтобы жизнь была дружной и слаженной; в) женщине надо следить за своей речью. Это правило почитания женой мужа входило когда-то в устав супружеской жизни и закреплены в заповеди Библии «да убоится жена мужа своего».

Притча «Дедушкин стол». Один человек переехал жить в семью своего сына. Стар был мужчина, уже глаза не те, зрение слабое, руки трясутся, сил нет. Обедать старик садился с сыном и его семьей. Старость есть старость, все, что не ест старец, на пол роняет, все, что не пьет, проливает. Не нравилось все это семье сына, и решили они посадить старика отдельно в уголок и чашку дали из дерева, чтобы не жалко было, если разобьется, когда уронит старик посуду. За всем этим наблюдал маленький мальчик. Однажды отец застал сына за работой и спросил о том, что он делает. На вопрос малыш ответил: «Я делаю плошку из дерева, чтобы из нее кормить вас, когда вы станете старыми». После этих слов мужчина пригласил старика к общему столу, и больше их не раздражала его неловкость и неуклюжесть.

Если дети видят нас терпеливыми, поддерживающими атмосферу любви в доме, они будут копировать это поведение всю свою оставшуюся жизнь. Мудрый родитель понимает, что каждый день закладывает кирпичики в будущее своего ребенка. Давайте будем разумными строителями и достойным образцом для подражания.

Буддийская притча. Однажды один бедный человек, встретив Будду, стал жаловаться: «Я очень беден! Почему это так?» Божество ответило: «Потому что ты не щедр». Бедняк сказал: «Как же я могу быть щедрым, если мне нечего дать людям?» Слова Будды были такими: «У тебя есть пять возможностей и вещей, которые ты можешь дать другим: лицо, с помощью которого ты можешь дарить людям улыбку; глаза, с помощью которых ты можешь смотреть на окружающих с добротой и любовью; рот, с помощью которого ты можешь сказать другим слова одобрения и поддержки; сердце, которое может пожелать счастья людям; тело, которым ты можешь делать хорошие дела для дру-

гих» [1]. Из этой притчи мы можем вывести несколько нравственных правил: а) у нас есть возможности для добрых дел; б) нам это ничего не стоит; в) надо быть щедрыми и внимательными к окружающим нас людям.

Таким образом, сюжетные линии притч любой культуры имеют ценностный характер. В их содержании описаны аксиогенные ситуации, служащие морально-нравственными правилами. Аксиогенная ситуация – ценностно-порождающаяся ситуация. Она определяет доминанты той или иной культуры и является референтной базой для ценностей, выраженных в языке, в коммуникации, в поведенческих паттернах, сценариях поведения. Это такого рода ситуации, которые хранятся в коллективной памяти. Ценности выражены в особых речевых жанрах, в частности, в притчах. Аксиогенные ситуации в притчах представляют собой нарратив с внезапной развязкой. При этом действие и суть его здесь вступают в контраст. Прежде всего, суть притчи сведена к смысловым ориентирам поведения, позволяющим им быть для человека этическими предписаниями в реальном мире.

Список литературы

1. Буддийские притчи [Электронный ресурс]. <https://wisdomlib.ru/catalog/buddiyskie-pritchi> (дата обращения: 12.01.2023).
2. Витгенштейн Л.В. Культура и ценность. О достоверности. М., 2010.
3. Гайденко П.П. Аксиология // Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М., 2001. С. 17–19.
4. Карасик В.И. Аксиогенная ситуация как единица ценностной картины мира // Политическая лингвистика. 2014. № 1(47). С. 65–76.
5. Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа. М., 2000.
6. Франкл В.Э. Основы логотерапии. Психотерапия и религия. СПб., 2000.

* * *

1. Buddiyskie pritchi [Elektronnyj resurs]. <https://wisdomlib.ru/catalog/buddiyskie-pritchi> (data obrashcheniya: 12.01.2023).
2. Vitgenshtejn L.V. Kul'tura i cennost'. O dostovernosti. M., 2010.
3. Gajdenko P.P. Aksiologiya // Filosofskij slovar' / pod red. I.T. Frolova. M., 2001. S. 17–19.
4. Karasik V.I. Aksiogennaya situaciya kak edinica cennostnoj kartiny mira // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 1(47). S. 65–76.
5. Levkievskaya E.E. Mify russkogo naroda. M., 2000.
6. Frankl V.E. Osnovy logoterapii. Psihoterapiya i religiya. SPb., 2000.

Axiogenic situation as a value-based basis of the ethical behavior (based on the genre of parable)

The article deals with the cultural values, the axiogenic situations and events on the basis of the genres of the communication, in particular, parables. In their content there are described the axiogenic situations, serving as the moral and ethical rules. The axiogenic situation defines the dominants of the definite culture and serves as a referential basis for the values that are represented in the script of the behavior. The essence of the parable is limited to the semantic focuses of the behavior, allowing to exist as the ethical prescriptions for a man.

Key words: cultural values, axiology, axiogenic situation, myths, parable.

(Статья поступила в редакцию 03.04.2023)

Е.В. СИРОТА
Бельцы, Молдова

**СЕМАНТИКА «СВЕТОВОЕ СОСТОЯНИЕ» В КОММУНИКАТИВНО-
ДИСКУРСИВНОМ АСПЕКТЕ**

Исследуется структура концепта «световое состояние» в рамках когнитивной лингвистики; анализируются этимология и семантика ядерного компонента концепта; выявляются ядерные и периферийные элементы концепта, а также инвариантные и дифференциальные признаки семантики вербализаторов концепта. Применяется метод моделирования фрейма «световое состояние», описываются облигаторные и факультативные компоненты данного фрейма.

Ключевые слова: *концепт, фрейм, ядро, периферия, система узлов, семантика, поле, этимология.*

Издавна феномен света олицетворяет сознание человека. Явление света, выполняя ключевую роль для людей, получило объективацию во всех языках и культурах. Феномен «свет» позволяет воспринимать внешние свойства денотатов. Особое значение указанного явления для существования социума способствует тому, что оно находит средства вербализации, отличающиеся своей спецификой. Этим обусловлен тот факт, что, исследуя лексику с семантикой светового состояния в различных аспектах, в частности, лингвистическом и когнитивном, ученые выявляют особенности перцепции и концептуализации подобных феноменов в языке. Этим обстоятельством объясняется выбор темы статьи.

Многоаспектность такого явления, как «световое состояние», является результатом сложной и многоуровневой взаимосвязи различных элементов зрительной перцепции.

Актуальность нашего исследования обусловлена важнейшей ролью визуальных впечатлений в жизни индивида, а также функционированием большого пласта метафорических смыслов, сформировавшихся на базе световой перцепции. Проблема восприятия светового излучения человеком принадлежит области когнитивистики, т. к. для обработки зрительных сигналов человеческий организм осуществляет определенные когнитивные операции, которые находят отражение в языке. Так, обращение к когнитивному аспекту проблемы в данном исследовании обуславливает применение методов когнитивно-дискурсивной лингвистики: построение концепта и фреймовое моделирование.

В связи с функционированием смежных понятий в трудах лингвистов – концепт «свет», «свечение», «световое состояние» – считаем необходимым обосновать употребление в качестве имени концепта сочетания «световое состояние». Так, термин «свечение» обозначает процесс, «свет» – состояние как предметность, а «световое состояние» входит в качестве гипонима в гипероним *состояние*, следовательно, именно данное имя концепта является наиболее корректным. Кроме того, специфика рассматриваемого концепта заключается в его бинарности – возможности как наличия, так и отсутствия светового состояния, что отражается в двух ядрах концепта – «свет»\«тьма».

В философской интерпретации понятия «состояние» выделяются следующие дифференциальные признаки исследуемого значения: одна из форм существования объекта, качественная определенность объекта, фаза в генетическом развитии целого, момент устойчивости в изменении, бытие объекта реальности в определенный момент времени в данном пространстве [9, с. 32]. Таким образом, под состоянием понимаем фазу в су-

ществовании, характеризующуюся сохранением свойств (качественно-количественных и пространственно-временных).

Особо отметим, что следует дифференцировать два термина – состояние и качество. Значение состояния отличает от семантики качества следующее:

Отличия значения состояния от семантики качества

Состояние	Качество
Обозначает существование объекта (облигаторность)	Может заявить о себе в существовании (факультативность)
Фаза в бытии объекта	Носит, как правило, оценочный характер
Совокупность однородных признаков	Отдельный выделительный признак

Очевидно, что одним из семантических типов состояния является световое, которое получает вербализацию в языке единицами, структурирующими концепт «световое состояние».

Объектом нашего исследования выступают языковые единицы репрезентации концепта «световое состояние». Научная новизна определяется построением фразеологического поля концепта «световое состояние» и анализом способов формирования транспозитивных значений, которые основываются на базовой семантике. В качестве фактического материала использовались данные этимологических, толковых, энциклопедических, фразеологических словарей, словарей пословиц и поговорок, художественных дискурсов современных авторов.

В лингвистике проблемами когнитивно-дискурсивного рассмотрения языковых фактов занимались такие ученые, как: Ю.С. Степанов, Е.М. Позднякова, Л.В. Бабина, Н.Н. Болдырев, Л.Г. Бабенко и др.

Суть когнитивно-дискурсивного подхода состоит в том, что языковую единицу можно рассматривать в единстве с ее репрезентацией в мышлении индивида, в котором знание отображается как концепт. Когнитивистика исследует языковую систему в тесном единстве с познавательной деятельностью его носителя, следовательно, в центре находится именно такой процесс, как концептуализация.

Чтобы выявить понятийное содержание концепта, необходим в том числе этимологический анализ слов, его вербализующих, и компонентный анализ лексем, репрезентирующих исследуемый концепт.

Рассмотрим этимологию одной из ядерных лексем поля «световое состояние» – *свет*.

По данным этимологических словарей корни современных номинаций светового состояния восходят к индоевропейским и праславянским языковым архетипам [12]. Так, В.Н. Топоров указывает на очевидную родственную близость корней с семантикой *свет, сияние, святость* на древнейшей стадии развития русского языка. Это, по мнению ученого, демонстрирует сакральное восприятие слов со значением «светлый», «блестящий» [11, с. 30].

Т.В. Григорьева, исследуя пути семантического движения лексемы *свет*, указывает на то, что этимологический смысл данного слова «предопределяет развитие <...> полисемии» [3, с. 203]. Первоначальная структура семантики общеславянского слова *svetъ – обозначение того, что видимо глазу – постепенно с развитием культуры начина-

ет расширяться, вбирая в себя новые семемы, возникновение которых было обусловлено влиянием таких значимых событий, как распространение христианства на Руси. Рассматриваемая лексема, как и ее производные, с древнерусского периода развития языка начинают употребляться в контекстах нравственно-религиозного характера, в результате формируется «высокая» образная семантика, дающая возможность оценивать духовную сущность индивида. Так номинации светового состояния становятся обозначениями явлений, оцениваемых положительно: *светлый ум*, *светлая вера* и др.

Обобщив этимологические сведения, Т.В. Григорьева отмечает следующие компоненты этимологии, способствовавшие развитию многозначности лексемы *свет*: блеск, зрение, день, цвет, хороший, мир, святость [3, с. 205]. Указанные семы лексема *свет* приобретала в процессе формирования русского национального языка.

Проанализируем современную семантическую структуру слова *свет*.

В Большом академическом словаре перечисляются 9 ЛСВ у *свет*₁, (8 самостоятельных ЛСВ, 1 оттенок значения), три семемы у *свет*₂. Основное значение лексемы *свет* – «лучистая энергия, воспринимаемая глазом и делающая окружающий мир доступным зрению». Данное значение встречается в качестве основного в большинстве толковых словарей и соотносится с этимологическим синонимом «блеск». Это значение разделяется на четыре ЛСВ: 1) «лучистая энергия, воспринимаемая глазом и делающая окружающий мир видимым» (живой свет), 2) «освещение» (искусственный свет), 3) «источник освещения», 4) «место, откуда исходит освещение» [2].

От этимологического компонента «мир» произошли несколько ЛСВ, а впоследствии и омоним *свет* [10]. Значение «мир, земля» так или иначе фиксируется во всех современных толковых словарях.

В семантической структуре лексемы *свет* в современных толковых словарях отмечается ЛСВ «просвещение», входящее в состав значения «символ истины, разума, просвещения или радости, счастья».

Существует также ряд значений слова «свет», которые возникли на основе метафорического или метонимического переноса относительно первого значения: «источник освещения», «место освещения», «освещение», «то, что делает мир ясным и понятным». Дефиниции толковых словарей позволяют выделить дифференциальные признаки светового состояния: лучистая энергия; наличие источника освещения; наличие степени яркости; периодичность модификации степени яркости; наличие локализации; наличие цвета.

Таким образом, анализ семантической структуры лексемы *свет* на синхронном этапе развития языка демонстрирует расширение семантики, возникновение новых ЛСВ под влиянием представлений о мире древних славян, что зафиксировано в этимологических словарях, и социально-исторических факторов.

Анализируя словообразовательный потенциал лексемы *свет*, Т.В. Григорьева приводит 8 семантических подгнезд словообразовательного гнезда с вершиной *свет*: «лучистая энергия», «день», «цвет», «зрение», «мир», «эмоциональное состояние», «оценка», «познание». Такие богатые возможности деривации исходной лексемы свидетельствуют о значимости концепта «световое состояние» для современных носителей языка и очерчивают все семантическое пространство концепта.

Имя исследуемого концепта входит в парадигматические отношения с другими языковыми единицами разными семемами. Так, ЛСВ «лучистая энергия, воспринимаемая глазом и делающая окружаемый мир видимым» лежит в основе синонимического ряда: *свет* – *сияние* – *блеск* – *сверкание* – *блистание* – *свечение* – *отблеск* – *отсвет* – *мерцание*. Здесь световое состояние предстает во всех своих проявлениях: *сияние* – «очень сильный и яркий свет», *блеск* – «яркий свет, излучаемый или отражаемый чем-либо», *сверкание* – «яркий, переливчатый свет», *блистание* – «излучение или отражение яркого света», *свечение* – «излучение ровного света», *отблеск* – «сияние отраженного

света», *отсвет* – «отблеск, отраженный свет», *мерцание* – «свечение неровным, колеблющимся светом» [4, с. 60]. ЛСВ «освещение, исходящее от какого-либо источника» образует синонимический ряд: *освещение* – *свет* – *огонь* – *электричество*. Синонимический ряд со значением «рассвет, восход солнца» включает в себя следующие компоненты: *рассвет* – *восход* – *свет* – *заря* – *зорька*.

Специализированное значение «пятно, которое изображает на картине наиболее освещенный участок, блеск» объединяет синонимы: *блик* – *свет* – *блеск* – *отблеск* – *отсвет*, содержащие в своих значениях указание на отраженный свет (*блик* – «световое пятно или отблеск света на темном фоне», *блеск* – «яркий свет, отражаемый чем-либо», *отблеск* – «сияние отраженного света», *отсвет* – «отблеск, отраженный свет») [4, с. 60].

Имя концепта входит в антонимические отношения, выстраивая такие антонимические пары, как: *свет* («лучистая энергия») – *тьма*, *свет* – *мрак*, *свет* – *темнота*, *свет* – *тьма*; *свет* («символ образованности, общей культуры») – *тьма*, *темнота* («символ необразованности, культурной отсталости»). Не образует антонимические пары ЛСВ «источник света».

Энциклопедический словарь дает понятие «световые величины» – величины, характеризующие процессы излучения и распространения света, которые могут быть оценены по зрительному ощущению: световой поток, светимость, освещенность, сила све-

Рис. 1. Номинативное поле концепта «световое состояние»

та, яркость. Это позволяет нам определить инвариантное значение поля концепта светового состояния как «распространение света и процесса излучения, оцениваемые по зрительному восприятию» [8, с. 393].

Ранее проведенный анализ семантической структуры лексем «светлый» и «темный» [8, с. 393–396] позволяет сделать вывод о полицентричности поля концепта светового состояния, которое включает в себя классы, производные от инвариантного значения поля:

1) излучающий свет или лишенный света (о естественных и искусственных источниках света): *сияющий, сияние, блеск, блестящий, сиять, блестеть, светать*;

2) достаточно освещенный, насыщенный светом или характеризующийся отсутствием света либо слабо наполненный светом: *полутьма, темнота, тьма, мрак, солнечный, ясный, рассвет, утро, вечер, день, ночь, сумерки, затуманить, обволакивать, погаснуть, смеркаться*;

3) яркость, интенсивность света: *яркий, блестящий, ослепительный, ослепляющий, неяркий, тусклый, пасмурный, хмурый, блеклый*;

4) изменение света: *светлеть, посветлеть, темнеть, потемнеть, помрачнеть*.

На периферии поля располагаются лексемы, соединяющие семантику светового состояния, которая является вторичной, и времени. В этих лексемах ядерная сема – период времени, а периферийные семы характеризуют степень интенсивности света (рис. 1).

Лексическая репрезентация концепта «световое состояние» представлена словами разных классов слов. Субстантивными репрезентантами концепта «световое состояние» являются имена существительные с семантикой света, блеска, лучистой энергии, огня, сияния, мерцания, бликов, отсветов, источников освещения – другими словами, всего, что противоположно понятию «темноты» в значении ‘отсутствие света, освещения, мрак, тьма’ [8, с. 351].

Лексические единицы, репрезентирующие концепт «световое состояние», вербализуют ряд концептуальных компонентов, таких как: агенс, локативность, объект, каузатор, фазовость и др. Данные компоненты учитываются при анализе фрейма «световое состояние». Лексические средства репрезентации исследуемого концепта могут трансформировать свою семантику, и ситуация света может быть перенесена на другие явления путем метафорического или метонимического переноса, что является следствием действия когнитивных механизмов. Метафорическое употребление репрезентантов концепта «световое состояние» можно обнаружить в художественных дискурсах: «Счастье – это где сияет пронзительный свет любви?» (А. Волос); «Свет был таким грубым и жестким, что она зажмурилась» (Л. Улицкая); «В темноте она увидела холодный блеск его глаз» (Г. Бакланов).

В переносном значении репрезентанты концепта светового состояния способны передавать положительные эмоции – радости, восторга, удовольствия. Для выражения положительных эмоций используются лексемы *блеск, свет, сияющий, блестеть, лучиться, сиять*: «Карие глаза *лучились* искренней благодарностью»; «”Купленные” в этот проход лейтенанты *лучились* от счастья» (Б. Васильев).

В художественных дискурсах концепт «световое состояние» может иметь негативную коннотацию: «здесьшний свет немного пыльный», «дряблый вечеряющий свет», «робкий свет» (Н. Кононов).

Содержание концепта «световое состояние», выраженное фразеологическим фондом русского языка, соединяет разнообразные оттенки значения, составляющие эмпирическую, эмоционально-оценочную и гносеологическую области.

Во фразеологических оборотах *видеть что-то в розовом свете* – «идеализированно, лучше, чем есть на самом деле»; *в ложном свете* – «искаженно, неправильно», *представлять (выступать и т.п.) в свете (каком)* – «в каком-либо виде, с какой-либо стороны, каким-либо образом» – идея света представлена в виде зрительно воспринимае-

мого спектра, меняющего свой состав, что обусловлено эмотивным восприятием индивида. Во фразеологической единице *в ложном свете* световое состояние представлено некой субстанцией, бывающей истинной или ложной. *Конец света* означает и достижение предела существования энергии света, которая позволяет увидеть, и уход из пространства бытия человека [5].

Простое, обывательское отношение носителя языка к жизни и смерти отражено в таких фразеологизмах, как: *отойти на тот свет*, *покинуть свет*, *выходец с того света*, *смотреть вон из света* и др.

Обладея горизонтальной ограниченностью, световое состояние во фразеологии может содержать сему бесконечности (*ходить, скитаться по белу свету* – «повсюду, везде») или сему отдаленного предела (*на край света* – «очень далеко»). В семантике фразеологических сочетаний, к которым относятся следующие: *вывозить в свет*, *выезжать в свет*, *выходить в свет* («посещать балы, вечера в светском обществе») – наблюдаем трансформацию узкого пространства в более широкое, населенное людьми.

Персонификацию идеи света наблюдаем в следующих фразеологизмах: *свет не знал*, *свет не видывал*, *на чем свет стоит*.

Рис. 2. Фразеологическое поле концепта «световое состояние»

**ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-
СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА**

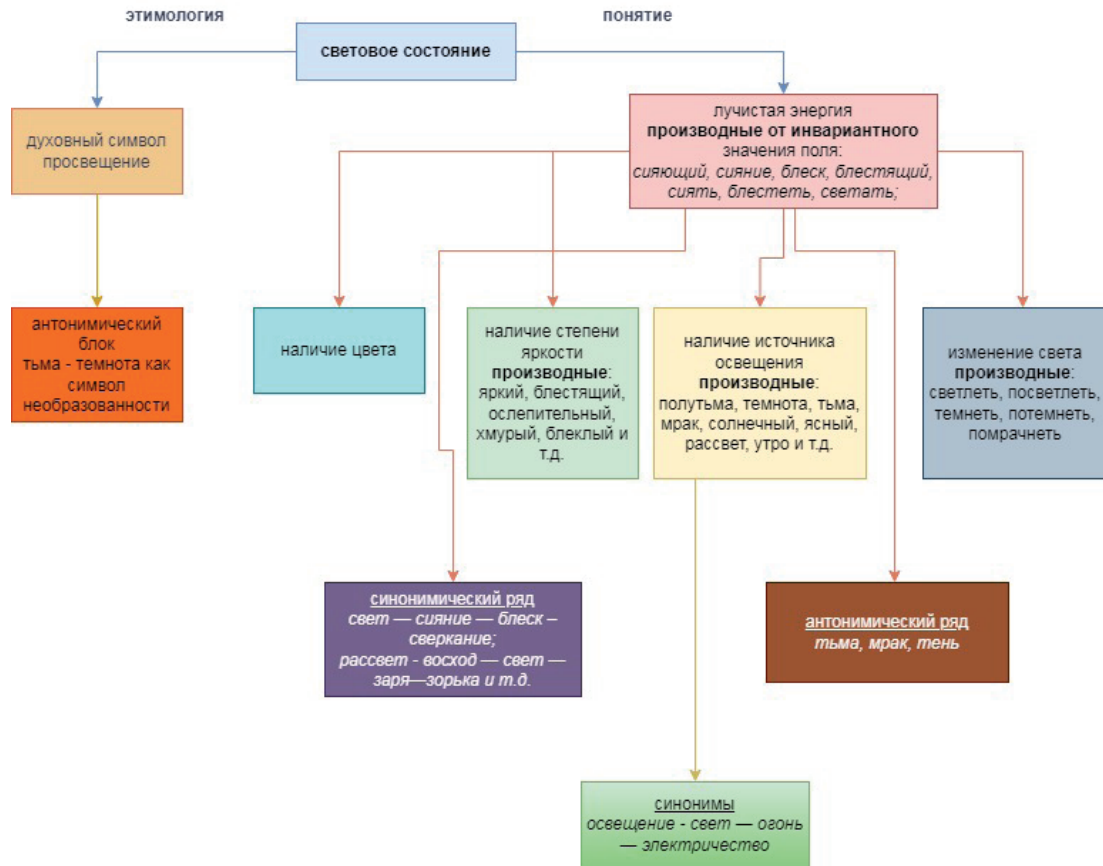

Рис. 3. Фрейм «световое состояние»

В семантике фразеологизмов *пролить (бросить) свет на что-то* и *делать (устраивать) темную* пересекаются визуальный аспект эмпирической сферы и гносеологическая сфера. *Свет в окошке* («надежда, единственная радость») – фразеологизм, который отражает исключительную важность светового состояния в сознании носителей русской ментальности. И наоборот – *свет померк в глазах* – указывает на невозможность бытия человека при отсутствии света. *От темна до темна* и *от светла до светла* указывают на древнейшее отношение русских людей к временам суток – день воспринимался как безопасное время, а ночь – как опасное, неизведанное, таящее некое зло.

Эмоционально-оценочная сфера концепта «световое состояние» наглядно отражена в сочетаниях: *свету белому не рад* (тоска, подавленность), *на свет божий не глядел бы* (ненависть, неприязнь к чему-либо, горе), *свет очей моих* (радость, положительная оценка).

Итак, фразеологическое поле концепта «световое состояние» представлено на рис. 2.

Теперь на базе изложенной информации построим фрейм. Важно подчеркнуть, что, по М. Минскому, фрейм – это структура данных для описания стереотипных ситуаций. Фрейм как схематизацию опыта можно представить системой узлов и связей меж-

ду ними. Суперординатные (верхние) узлы определяются достаточно четко и адекватно отображают ситуацию. В отличие от суперординатных (верхних) нижние узлы характеризуются множеством «слотов», дополняющихся частными сведениями, применимыми к данной ситуации [6, с. 74]. Таким образом, фрейм – иерархическая, или атомарная, организация пирамидальной формы [7, с. 112].

Необходимо отметить, что синонимический и антонимический ряды, относящиеся к этимону и первичной фиксации денотата, формируют ядро, т. к. это всего лишь обратная полярность перманентных когнитивных признаков фрейма. Метафорические и фразеологические единицы будут наслаивать данную фреймовую организацию в соответствии с дифференциальной характеристикой результатов идентификации гиперфрейма «световое состояние» (рис. 3).

Таким образом, структура и содержание концепта «световое состояние» доказывают чрезвычайную важность такого феномена, как свет. Наличие или отсутствие светового состояния для сознания носителей русского языка имеют весьма важное значение с древнейших времен: они оказывают огромное влияние на жизнь человека, так как свет символизирует безопасное время суток – день, а тьма – таящую опасность ночь. Более того, в русском языке репрезентантами указанного бинарного концепта выражаются положительные и отрицательные эмоции человека. Дискурсивное функционирование единиц поля концепта расширяет семантическое пространство концепта «световое состояние», т. к. вследствие действия когнитивных механизмов образуются метафорические значения, использующиеся в художественных дискурсах.

Список литературы

1. Авдеева М.Д. Когнитивно-дискурсивный аспект семантики глаголов лексико-семантической группы «свечение»: дис. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2020.
2. Большой академический словарь русского языка: В 30 т. / Под ред. К.С. Горбачевича. СПб., 2019. Т. 25.
3. Григорьева Т.В. Вехи семантического движения слов свет и тьма // Исследования по семантике: Межвузовский научный сборник в честь д-ра филол. наук, профессора Л.М. Васильева. Вып. 21. Уфа, 2001. С. 203–215.
4. Григорьева Т.В. Семантическая интерпретация концептов «свет» и «тьма» в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004.
5. Жуков А.В. Фразеологический словарь русского языка (с лексико-грамматическим комментарием). М., 2017.
6. Минский М. Фреймы для представления знаний / пер. с англ., под ред. Ф.М. Кулакова. М., 1979.
7. Парахонько Л.В. Сопоставительный анализ концептуально-фреймового конструирования женской идентичности (на материале романа Ш. Бронте „Джейн Эйр“) // МОА. 2021. № 35. С. 110–123.
8. Сирота Е.В. Анализ единиц семантического поля светового состояния в русском языке // *Filologia moderna: Realizari si perspective in context European*. Chisinau, 2009. С. 390–398.
9. Сирота Е.В. Структурно-семантическая и функциональная характеристика категории состояния: дис. ... канд. филол. наук. Бельцы, 1989.
10. Словарь русского языка: В 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1999.
11. Топоров В.Н. Из славянской языческой терминологии: индоевропейские истоки и тенденции развития // *Этимология*. М., 1989. С. 30–42.
12. Царегородцева О.В. История и этимология русских светообозначений рефлексов славянской основы *svet- // *Вестник Томского государственного университета*. 2009. № 324. С. 56–59.

1. Aydeeva M.D. Kognitivno-diskursivnyĭ aspekt semantiki glagolov leksiko-semanticheskoiĭ gruppy «svechenie»: dis. ... kand. filol. nauk. Mytishchi, 2020.
2. Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo yazyka: V 30 T. / Pod red. K.S. Gorbachevicha. SPb., 2019. T. 25.
3. Grigor'eva T.V. Vekhi semanticheskogo dvizheniya slov svet i t'ma // Issledovaniya po semantike: Mezhvuzovskij nauchnyj sbornik v chest' d-ra filol. nauk, professora L.M. Vasil'eva. Vyp. 21. Ufa, 2001. S. 203–215.
4. Grigor'eva T.V. Semanticheskaya interpretaciya konceptov «svet» i «t'ma» v russkom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk. Ufa, 2004.
5. Zhukov A.V. Frazеologicheskij slovar' russkogo yazyka (s leksiko-grammaticheskim kommentariem). M., 2017.
6. Minskij M. Frejmy dlya predstavleniya znaniy / per. s angl., pod red. F.M. Kulakova. M., 1979.
7. Parahon'ko L.V. Sopostavitel'nyj analiz konceptual'no-frejmovogo konstruirovaniya zhenskoiĭ identichnosti (na materiale romana Sh. Bronte „Dzhejn Ejr”) // MOVA. 2021. № 35. S. 110–123.
8. Sirota E.V. Analiz edinic semanticheskogo polya svetovogo sostoyaniya v russkom yazyke // Filologia moderna: Realizari si perspective in context European. Chisinau, 2009. S. 390–398.
9. Sirota E.V. Strukturno-semanticheskaya i funktsional'naya harakteristika kategorii sostoyaniya: dis. ... kand. filol. nauk. Bel'cy, 1989.
10. Slovar' russkogo yazyka: V 4-h t. / pod red. A.P. Evgen'evoy. M., 1999.
11. Toporov V.N. Iz slavyanskoj yazycheskoj terminologii: indoevropskie istoki i tendencii razvitiya // Etimologiya. M., 1989. S. 30–42.
12. Caregorodceva O.V. Istoriya i etimologiya russkih svetooboznacheniiĭ reflektsov slavyanskoj osnovy *svet- // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 324. S. 56–59.

The semantics “light state” in the communicative and discursive aspect

The article deals with the study of the structure of the concept “light state” in the context of the cognitive linguistics. The author analyzes the etymology and semantics of the core component of the concept and reveals the core and periphery elements of the concept and the invariant and differential traits of the semantics of the verbalization of the concept. There is used the method of modelling the frame “light state”, there are described the obligatory and optional components of this frame.

Key words: *concept, frame, core, periphery, system of nodes, semantics, field, etymology.*

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КЛИКБЕЙТА
(на материале китайского языка)**

Рассматриваются структура заголовков, содержащих кликбейт, а также текст, стоящий за ссылкой. Выводится шкала ценностных приоритетов, которыми манипулируют создатели кликбейтов, а именно установлена прямая связь заголовка и стремления пользователя перейти по ссылке.

Ключевые слова: кликбейт, креолизированный текст, интернет, лингвистика, китайский язык, реклама.

Расхожая фраза «меняющаяся коммуникация в меняющемся мире» как нельзя лучше отражает состояние современного общества, уровня технического прогресса, а также характерное клиповое мышление, оцениваемое специалистами как «цивилизационный сдвиг», связанное с ослаблением характерного для человека вида деятельности – передачи информации средствами языка – словесной коммуникации [17]. Таким образом, возникает проблема – «человек и линейный текст», т. е. у носителя клипового мышления отсутствует целостная картина восприятия окружающего мира, а сам процесс отражения свойств объектов характеризуется фрагментарностью информационного потока, алогичностью, разнородностью поступающей информации, высокой скоростью переключения между клипами информации [14]. На эту почву благодатно ложится кликбейтинг, функциональная особенность которого заключается в коротком наборе фраз на странице сайта, не связанных с контекстом, которые превращаются в сознании потребителя в информационный шум, поток информации, в котором количество превосходит качество: польза полученных данных уменьшается прямо пропорционально количеству этих данных [5].

Как показывает анализ многочисленных сайтов, кликбейт – норма современной коммуникации на просторах интернета, не имеет географических границ, не связан с типом языка, на котором оформляется кликбейт. Безусловно, столь распространенный феномен не мог не попасть в поле зрения ученых гуманитарного профиля, в том числе и лингвистов. Среди российских ученых можно отметить наиболее детальное исследование, проведенное А.В. Николаевой [12], исследователь описала понятие, характеристики кликбейта и его функции в СМИ; Е.С. Кузнецов [9, с. 43–47] установил происхождение и эволюцию кликбейта; в работе И.А. Качанова и Д.В. Яковчик [8, с. 176–178] представлена манипулятивная функция кликбейта; Д.А. Богданова рассмотрела кликбейты в качестве приема современной подачи информации онлайн-медиаресурсами [2, с. 203–210]; З.З. Чанышева проанализировала информационные технологии смысловых искажений в кликбейт-заголовках [18, с. 54–62]; И. Битнер, А.В. Коршунова, Б.О. Лузин [1, с. 24–36] отнесли кликбейтные заголовки к классу директивных иллюкутивных актов; кроме этого, ряд исследований проведен в рамках сравнительно-сопоставительного анализа на материале русского, английского и французского языков [3, с. 105–112; 19, с. 163–167]. Стоит отдельно остановиться на кандидатской диссертации «Прагматика кликбейтинга в интертекстуальном пространстве медиадискурса» О.А. Гавриковой [4]. Исследователь установила историю возникновения кликбейтинга, определи-

ла структуру кликбейта и механизм воздействия на реципиентов, предложила критерии идентификации заголовков-кликбейтов.

Интересно отметить, что, несмотря на широкое распространение в китайской массовой коммуникации, кликбейт не получил всестороннего рассмотрения в качестве объекта исследования. Среди исследований, так или иначе связанных с феноменом кликбейтинга, можно назвать работу Сяо Анфа, проанализировавшего этимологию, механизм и лингвистические характеристики кликбейта на материале английского языка.

В рамках данной статьи мы планируем рассмотреть структурную специфику кликбейта на китайском языке и определить аксиологический характер, определивший саму суть появления «заголовков-ловушек».

Материалом исследования послужили 340 заголовков-кликбейтов, размещенных в китайском сегменте интернета. Структурно, учитывая сочетание вербального и невербального компонентов, кликбейт относится к креолизированным текстам. Первоначально под креолизацией понимался процесс формирования нового языка (смешанного по лексике и грамматике) в результате взаимодействия нескольких языков [14]. В 1990 г. Ю.А. Сорокин и Е.Ф. Тарасов предложили термин «креолизированные тексты» для обозначения текстов, «фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной и невербальной» [15, с. 181]. Креолизированный текст отличается от так называемого «иллюстрированного текста», рисунок которого представляет собой только отражение или иллюстрацию текста. Иллюстрация креолизованного текста выступает как эквивалент слова: значения слова и рисунка образуют сложно построенный смысл [16, с. 46], в то же время вербальные и невербальные элементы начинают функционировать в едином семантическом пространстве, проникают друг в друга, что ведет к связности и новой целостности текста, а также к достижению определенного коммуникативного эффекта [11, с. 420].

Изучение креолизированных текстов достаточно актуально, т. к. их роль в современной коммуникации постоянно возрастает, поскольку иконические и аудиальные средства наряду с вербальными компонентами отражают национальную картину мира, морально-эстетические ценности, идеалы, мировоззрение нации, ее духовую, культурную составляющую [10, с. 203]. Анализ креолизованного текста позволяет установить сходства и различия культурологических национальных представлений индивида о мире, что весьма важно при изучении иностранных языков [10, с. 202], и является одним из существенных аспектов современных теорий текста [6, с. 107]. Вышеизложенное справедливо относится и к заголовкам-кликбейтам.

Популярность и широкое распространение кликбейта объясняется не только психологическими причинами, указанными выше, но и физиологическими особенностями человека в восприятии окружающей среды [7, с. 17]. Зрительная перцепция является ведущим способом познания окружающей среды по сравнению с аудиальной и кинестетической.

Как показал проведенный нами анализ заголовков-кликбейтов на китайском языке, их структура соответствует признакам, которые описала А.Л. Ломоносова [11, с. 422]: 1. Малый объем. 2. Экономия процесса восприятия [3, с. 7], так, если инструкция к лекарственному препарату содержит только текст, то при чтении из нее усваивается всего 70% информации. Если же в инструкцию добавить рисунки, то уровень усвоения повысится до 95% [Цит. по: 7, с. 17]; 3. Долговременный эффект и глубокое воздействие. 4. Распространенность. Компьютерные технологии и интернет-коммуникация способствуют созданию особой среды для порождения и функционирования креолизированных текстов: они могут быть не только скопированы и переданы другим пользователям, но и легко создаются с помощью специальных шаблонов, имеющихся на различных интернет-сайтах [10, с. 204].

Основными функциями кликбейта являются: обеспечение посещаемости страницы (ресурса), расширение сферы распространения контента с целью привлечения потенциальных клиентов, повышение популярности за счет активного комментирования увиденного, повышение дохода от рекламы [2, с. 204]. Напомним, что кликбейт имеет

Рис. 1. Обложка обзора видеоигры

Рис. 2. Реклама кредитной карты

Рис. 3. Пирамида Маслоу

Рис. 4. Реклама методов борьбы с бессонницей

разный формат: заголовки статей и постов, баннеры, анимированные картинки, автоматическое включение звука на сайтах, всплывающее видео, YouTube (кликбейт часто содержится в превью и названии видеоролика). Для нашего исследования ценность представляют те формы, которые содержат вербальную и невербальную составляющую,

помня о том, что кликбейт нельзя классифицировать просто по формальным языковым признакам, т. к. заглавие может быть образным, но уместным, относящимся именно к теме текста. Но в другом случае название может быть выстроено как информативное и при этом являться настоящим кликбейтом. «Кликбейт можно встретить и в прессе, и на ТВ, и в онлайн-СМИ, и в рекламе. По сути, он везде, но не всегда под кричащим заголовком кроется пустышка. Яркий, творческий заголовок без дурновкусия и обмана всегда может стать хорошим способом привлечения читателей» [12, с. 47]. По этой причине мы анализировали соответствие заголовка контенту, следующему по ссылке, для выявления обмана, вводящего пользователя в заблуждение.

Перейдем к анализу кликбейта в виде креолизованного текста на китайском языке.

Рис. 1 является обложкой обзора видеоигры. В центре – лицо человека, выражающее шок, справа надпись: «эмоциональное потрясение», слева изображено животное, похожее на Ктулху (популярный отрицательный вымышленный персонаж), именно оно стало причиной эмоционального потрясения. Заголовок «Влюблен в бога Ктулху!

Рис. 5. Пример кликбейта, манипулирующего страхом пользователей интернета перед опасностью утечки личной информации

不服来辩!盘点国内最有影响力的十支摇滚乐队!

1月24日 不服来辩!盘点国内最有影响力的十支摇滚乐队! 10、万能青年旅店 万青是很厉害的乐队,冀西南林路行这样的专辑,很难再有第二张。不论是编曲、旋律、立意,都是一流的。这些用心去听都可以...

搜狐网 百度快照

Рис. 6. Пример кликбейта «Самые влиятельные рок-группы в Китае! Если не согласишься, возражай мне!»

Игра с полным возбуждением» вызывает у реципиента определенный ассоциативный ряд. Возникает вопрос о взаимоотношениях персонажей, дополнительную интригу внесит существительное 刺激 (возбуждение), обещание 充满“刺激”的游戏 (игры с полным возбуждением) провоцирует пользователя посмотреть данный видеобзор. Сочетание иллюстрации и надписи усиливает манипулятивное воздействие: пользователь видит Ктулху, получает эмоциональное потрясение, думая о развитии событий. Обложка демонстрирует содержание видео, посмотрев на нее, читатель прогнозирует сюжет игры, однако там отсутствует эротическая составляющая. Заголовок и иллюстрация усиливают воздействие друг друга: заголовок соответствует иллюстрации, иллюстрация демонстрирует содержание видео, к которому ведет заголовок.

На рис. 2 изображена реклама кредитной карты. В центре надпись: 办理平安信用卡, 心动好物免费拿 (Подашь заявку на кредитную карту, получишь хорошие вещи бесплатно). Ниже демонстрируются обещанные подарки: предметы быта, бытовая техника, игрушки. На данной иллюстрации вербальные и изобразительные компоненты полностью зависят друг от друга, создавая новый прагматический эффект [11, с. 420]. Согласно рекламе клиент банка при подаче заявки на оформление кредитной карты обязательно получит подарок, представленный в рекламе, но это не соответствует реальности, пройдя по ссылке, пользователь не всегда замечает небольшое предупреждение всего лишь о возможности получить какую-то вещь, но не о гарантии. Можно сказать, что разработанный креолизованный заголовок-кликбейт апеллирует к чувству наживы, носит манипулятивный характер, построенный на обмане [3, с. 109].

Тематика кликбейтов, особенно популярных и успешных, может быть представлена с помощью пирамиды Маслоу (рис. 3), демонстрирующей все человеческие потребности: от наиболее простых до возвышенных. Именно с опорой на эти уровни кликбейт создает определенный мотив для воздействия на сознание реципиента.

Первый уровень пирамиды «физиологические потребности» связан с голодом, жаждой, т. е. с витальными потребностями, соотносим с мотивом снижения рисков или сохранения жизнеспособности организма [13, с. 109]. Опираясь на витальные ценности, авторы кликбейта выбирают соответствующие темы и иллюстрации. Перейдем к примерам.

Заголовок 立即入睡的7个惊人技巧 (7 методов погружаться в сон быстро) (рис. 4) сопровождается иллюстрацией – фотографией спящей девушки. Этот заголовок привлекает внимание читателя, страдающего бессонницей. Пройдя по ссылке в надежде обнаружить методы погружения в сон, пользователь находит ряд бессодержательных картинок, не связанных с темой заголовка.

Второй уровень пирамиды Маслоу – «потребности в безопасности и защите» – связан с осознанием реципиентом стабильности, порядка, защиты и т. д. Безопасность – инстинктивное желание выжить, оно неконтролируемо, также относится к витальным ценностям. В современном мире безопасность важна как в реальной жизни, так и в виртуальной реальности. К безопасности в реальной жизни относят личную безопасность, т. е. избегание угрозы и мошенничества, стабильность в карьере или обществе, к безопасности в виртуальной реальности относится информационная безопасность, а именно: предотвращение утечки личной информации, защита компьютера или телефона от вирусов, сохранение электронных документов и т. д. Постепенно безопасность в виртуальной жизни начинает доминировать в условиях цифровизации общества, в которых трансформируются угрозы реальной действительности. Рассмотрим пример кликбейта, манипулирующего страхом пользователей интернета перед опасностью утечки личной информации (рис. 5).

В центре иллюстрации девушка – героиня видео – в окружении языков пламени, символизирующих ее гнев и недовольство. Слева – экран телефона и надпись 隐私? («Секрет?»), справа заголовок 我被手机监视了?! («За мной наблюдает теле-

фон?!»). Согласно замыслу автора кликбейта пользователь, переживающий по поводу сохранения личных данных, пройдет по ссылке, чтобы узнать, какая опасность исходит от привычного гаджета. Заголовок акцентирует внимание на проблеме безопасности в виртуальном пространстве, однако, пройдя по ссылке, читатель не найдет никаких доказательств шпионажа с помощью телефона, соответственно, и методов борьбы со слежкой.

Третий уровень пирамиды Маслоу – «социальные потребности» – включает в себя потребность в общении, заботе, внимании и т. д. Вследствие развития интернета люди получили больше возможностей общаться и выражать свое мнение, таким образом, и потребность в общении постепенно повышается. По существу, сам феномен кликбейта строится на потребности общения – автор кликбейта стремится получить больше внимания, как и пользователи, попадающие в ловушку. Таким образом, кликбейт отвечает

Рис. 7. Пример кликбейта «Эти 5 движений большинство не может выполнить. Сколько из них Вы сможете повторить?»

Рис. 8. Пример кликбейта «6 профессий, которые станут самыми прибыльными в ближайшие 5 лет»

Рис. 9. Пример кликбейта «Эти привычки способствуют вашим успехам!»

потребностям и разработчиков кликбейта, и пользователей интернета. Проиллюстрируем примером.

На фоне фотографии надпись **不服来辩! 盘点国内最有影响力的十支摇滚乐队!** («Самые влиятельные рок-группы в Китае! Если не согласишься, возражай мне!») (рис. 6). Этот вид кликбейта часто появляется в китайских соцсетях. Целью создания подобных заголовков является стремление привлечь читателей, заставить их сделать клик и обсудить эту тему. Иногда для достижения цели автор противоречит факту намеренно, чтобы заставить читателей возражать ему.

Четвертый уровень пирамиды Маслоу – «потребность в самоуважении и признании» – соотносится с желанием получать уважение, признание или завоевать престиж. В качестве примера приведем следующую иллюстрацию.

Заголовок видео гласит «**五个大多数人都做不到的事情, 你能做到几个?**» («Эти 5 движений большинство не может выполнить. Сколько из них Вы сможете повторить?») (рис. 7) и сопровождается изображением девушки со сложным определенным образом языком. По замыслу автора кликбейта, увидев заголовок и фото, пользователь попытается удовлетворить любопытство и узнать подробности о «5 движениях», чтобы сложить гармошкой язык, пройдя по ссылке. В случае успеха читатель испытает чувство самоуважения, поскольку в заголовке акцентируется внимание на том, что далеко не каждый сможет это сделать.

Пятый уровень пирамиды Маслоу – «потребность в самоактуализации/самореализации» – обозначает стремление человека к саморазвитию и самосовершенствованию, т. е. стремление получить образование, стать богатым, построить карьеру. Рассмотрим примеры.

В заголовке на рис. 8 говорится о 6 профессиях, которые станут самыми прибыльными в ближайшие 5 лет. Предлагается пройти по ссылке, чтобы узнать секрет обогащения в ближайшем будущем. Как нетрудно догадаться, никакой ценной информации статья не содержит, кроме пространных рассуждений о возможных дефицитах некоторых профессий в недалеком будущем.

На рис. 9 приводятся фото и высказывание профессора Цзен Шичян: **曾仕强教授: 只要养成这些习惯, 保证你做什么事都成功.** («Эти привычки способствуют вашим успехам!»). Перед нами типичный метод, когда автор кликбейта использует упоминание влиятельных людей с целью вызвать еще больший интерес к заголовку, приписывая медийной персоне фразы, которые он никогда не произносил.

Резюмируем. Заголовки, содержащие кликбейт, получили широкое распространение в китайском сегменте интернета. Структурно мы относим кликбейты к креолизо-

ванным типам текстов. Основная функция, которую несут на себе кликбейты – привлечение внимания посредством манипуляции пользователем интернета. Проанализировав выборку, мы установили, что тематика связана с ценностными приоритетами личности. Преобладающее количество кликбейтов строится на манипуляции витальными ценностями, что соответствует первой и второй ступеням пирамиды Маслоу.

Список литературы

1. Битнер И.А., Коршунова А.В., Лузин Б.О. Кликбейтные заголовки в зеркале теории речевых актов // Сибирский филологический форум. 2021. № 2(14). С. 24–36.
2. Богданова Д.А. Кликбейты и листиклы – современные приемы подачи информации онлайн-новыми медиа // Народное образование. 2019. № 4(1475). С. 203–210.
3. Буряковская В.А., Дмитриева О.А. Кликбейт как лингвокультурный феномен // Филологические науки в МГИМО. 2020. № 3(23). С. 105–112.
4. Гаврикова О.А. Прагматика кликбейтинга в интертекстуальном пространстве медиадискурса. Уфа, 2020.
5. Гирняк Е.М. Лингвокогнитивный анализ рекламных текстов: сопоставительный аспект (на материале китайской и русской рекламы): дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2011.
6. Гришаева Л.И. Креолизованные тексты – тексты XXI века? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. № 2. С. 106–108.
7. Инновационные подходы в лингводидактике / А.М. Иванова, Е.А. Кожемякова, А.А. Коропченко, А.А. Обжогин, М.Е. Петухова, И.А. Симулина. М., 2017.
8. Качанов И.А., Яковчик Д.В. Кликбейт-заголовки как инструмент манипуляции // Курсантские исследования: сборник научных работ. Вып. 7. Могилев, 2020. С. 176–178.
9. Кузнецов Е.С. Эволюция кликбейта: от инструмента желтой прессы к ключевой технологии интернет-СМИ // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2(25). С. 48–54.
10. Левченко М.Н., Изгаршева А.В. Креолизованный текст в системе «Интернет» // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 4. С. 200–216.
11. Ломоносова А.Л. Социокультурный аспект креолизованных текстов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 18(816). С. 417–425.
12. Николаева А.В. Кликбейт в СМИ [Электронный ресурс] // Русская речь. 2018. № 3. С. 43–47. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/114323343/> (дата обращения: 07.11.2022).
13. Пирогова Н.В., Юдина Е.А. Мотивы личности и пирамида потребностей: актуализация в туристической рекламе // Аграрный вестник Урала. 2016. № 5(147). С. 108–114.
14. Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература. М., 2007.
15. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия / Н.А. Безменова, В.П. Белянин, Н.Н. Богомолова и др.; Отв. ред. Р.Г. Котов. М., 1990. С. 180–186.
16. Трошина Н.Н. Креолизованный текст (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6. Языкознание: Реферативный журнал. 2020. № 1. С. 45–50.
17. Фрумкин К.Г. Клиповое мышление и судьба линейного текста [Электронный ресурс] // Топос: литературно-философский журнал. 2010. № 9. URL: <http://www.topos.ru/article/7371> (дата обращения: 17.09.2022).
18. Чанышева З.З. Информационные технологии смысловых искажений в кликбейт-заголовках // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2016. № 4. С. 54–62.
19. Чэнь Юйлинь. Сравнительно-сопоставительные характеристики кликбейта на материале русского, китайского и английского языков // Актуальные проблемы русистики: взгляд молодых, научно-практ. конф. с междунар. участием (2022; Элиста). II научно-практическая конференция с международным участием «Актуальные проблемы русистики: взгляд молодых», 15 апреля 2022 г.: материалы / отв. ред. Э.В. Эрдниева. Элиста, 2022. С. 163–167.

1. Bitner I.A., Korshunova A.V., Luzin B.O. Klikbejtnye zagolovki v zerkale teorii rechevyh aktov // Sibirskij filologicheskij forum. 2021. № 2(14). S. 24–36.
2. Bogdanova D.A. Klikbejty i listikly – sovremennyye priomy podachi informacii onlajnovymi media // Narodnoe obrazovanie. 2019. № 4(1475). S. 203–210.
3. Buryakovskaya V.A., Dmitrieva O.A. Klikbejt kak lingvokul'turnyj fenomen // Filologicheskie nauki v MGIMO. 2020. № 3(23). S. 105–112.
4. Gavrikova O.A. Pragmatika klikbejtinga v intertekstual'nom prostranstve mediadiskursa. Ufa, 2020.
5. Girnyak E.M. Lingvokognitivnyj analiz reklamnyh tekstov: sopostavitel'nyj aspekt (na materiale kitajskoj i russkoj reklamy): dis. ... kand. filol. nauk. Omsk, 2011.
6. Grishaeva L.I. Kreolizovannyye teksty – teksty XXI veka? // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2003. № 2. S. 106–108.
7. Innovacionnye podhody v lingvodidaktike / A.M. Ivanova, E.A. Kozhemyakova, A.A. Koropchenko, A.A. Obzhogin, M.E. Petuhova, I.A. Simulina. M., 2017.
8. Kachanov I.A., Yakovchik D.V. Klikbejt-zagolovki kak instrument manipulacii // Kursantskie issledovaniya: sbornik nauchnyh rabot. Vyp. 7. Mogilev, 2020. S. 176–178.
9. Kuznecov E.S. Evolyuciya klikbejta: ot instrumenta zheloj pressy k klyuchevoj tekhnologii internet-SMI // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2021. № 2(25). S. 48–54.
10. Levchenko M.N., Izgarsheva A.V. Kreolizovannyj tekst v sisteme «Internet» // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. 2018. № 4. S. 200–216.
11. Lomonosova A.L. Sociokul'turnyj aspekt kreolizovannyh tekstov // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2018. № 18(816). S. 417–425.
12. Nikolaeva A.V. Klikbejt v SMI [Elektronnyj resurs] // Russkaya rech'. 2018. № 3. S. 43–47. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/114323343/> (data obrashcheniya: 07.11.2022).
13. Pirogova N.V., Yudina E.A. Motivy lichnosti i piramida potrebnostej: aktualizaciya v turistskoj reklame // Agrarnyj vestnik Urala. 2016. № 5(147). S. 108–114.
14. Skoropanova I.S. Russkaya postmodernistskaya literatura. M., 2007.
15. Sorokin Yu. A., Tarasov E. F. Kreolizovannyye teksty i ih kommunikativnaya funkciya // Optimizaciya rechevogo vozdejstviya / N.A. Bezmenova, V.P. Belyanin, N.N. Bogomolova i dr.; Otv. red. R.G. Kotov. M., 1990. S. 180–186.
16. Troshina N.N. Kreolizovannyj tekst (obzor) // Social'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 6. Yazykoznanie: Referativnyj zhurnal. 2020. № 1. S. 45–50.
17. Frumkin K.G. Klipovoe myshlenie i sud'ba linejnogo teksta [Elektronnyj resurs] // Topos: literaturno-filosofskij zhurnal. 2010. № 9. URL: <http://www.topos.ru/article/7371> (data obrashcheniya: 17.09.2022).
18. Chanyшева Z.Z. Informacionnye tekhnologii smyslovyh iskazhenij v klikbejt-zagolovkah // Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznanija i pedagogiki. 2016. № 4. S. 54–62.
19. Chen' Yujlin'. Sravnitel'no-sopostavitel'nye harakteristiki klikbejta na materiale russkogo, kitajskogo i anglijskogo yazykov // Aktual'nye problemy rusistiki: vzglyad molodyh, nauchno-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem (2022; Elista). II nauchno-prakticheskaya konferenciya s mezhdunarodnym uchastiem «Aktual'nye problemy rusistiki: vzglyad molodyh», 15 aprelya 2022 g.: materialy / otv. red. E.V. Erdnieva. Elista, 2022. S. 163–167.

Linguocultural features of clickbait (based on the Chinese language)

The article deals with the structure of the titles, containing the clickbait and the text behind the link. There is introduced the scale of the value priorities, that the creators of the clickbaits manipulate by, in particular, there is made the direct connection of the title and the desire of the user to follow the link.

Key words: *clickbait, creolized text, Internet, linguistics, the Chinese language, advertisement.*

(Статья поступила в редакцию 01.04.2023)

НЕОПРЕДЕЛЕННАЯ ЭМОТИВНОСТЬ: ЯЗЫКОВАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ МИКРОЭМОЦИЙ

Рассматривается один из частных аспектов языковой категоризации эмоций – вербализация «нестандартных» эмоциональных переживаний. Предметом исследования выступают микроэмоции, представляющие собой диминутивные формы полных номинаций эмоциональных переживаний. Прибавление к «именам» эмоций уменьшительно-ласкательных суффиксов оказывает существенное воздействие на функционально-семантическую составляющую «эмоций одного мгновения». Появление микроэмоций и частотное использование некоторых видов данных эмоций анализируется в социально-культурном контексте.

Ключевые слова: микроэмоции, смешанные эмоции, эмосема, эмотивность, диминутивность.

Изучение особенностей языковой категоризации эмоций предполагает путь от целого к составляющим его частям. Примерами подобного поиска может выступить выделение облигаторных сем 'эмоция' и 'оценка' в семантической структуре любого слова. Положение о том, что все эмоциональные переживания могут быть сведены к ограниченной группе базовых эмоций, которые, комбинируясь, образуют безграничную палитру эмоциональных переживаний, а также появление смешанных эмоций, когда обозначение эмоциональной доминанты становится недостаточным для говорящего при описании своих переживаний. Подобное направление от общего к частному соответствует общей тенденции естественных и гуманитарных наук изучать малые объекты, где размер объекта имеет первостепенное значение для постижения сущности явления. М.Н. Эпштейн вводит понятие микроники художественной культуры [23, с. 315], к которой следует относить не только исследование малых жанров, однослова, но и частные языковые процессы уменьшения номинируемых объектов и функциональный потенциал этого.

Диминутивы от номинаций эмоций (микроэмоции, по М.Н. Эпштейну), с одной стороны, подтверждают положение о том, что уменьшительные суффиксы – прерогатива чего-то преимущественно отрицательного (ср.: если не полное отсутствие диминутивных форм положительных эмоций, то явное превалирование отрицательных микроэмоций), а с другой – демонстрируют внутреннюю попытку понизить «отрицательность» эмоции, деинтенсифицировать эмоциональное переживание (эмоция остается отрицательной, но интенсивность или эмоциональная валентность понижается).

Инвариант значения диминутивов двойственен: указание на малость предмета и/или выражение эмоционального отношения автора к нему [9, с. 34]. Также диминутивы могут осложняться дополнительной семой ослабления проявления качества или отрицательного характера оценочной стороны слова [Там же, с. 46], уничижительности [Там же, с. 174]. Основное семантическое значение диминутивов заключается в выражении понятия «малость» и его отдельных признаков: количества, качества, размера [22, с. 4].

Частотно при формировании оценочного суждения человек опирается на внешние свойства объекта, его размер, который становится показателем эстетических предпочтений: больше – значит лучше, когда диминутив по умолчанию рассматривается как нечто менее значимое, скорее, отрицательное. Для подтверждения данного тезиса можно сослаться на серию экспериментов, один из которых заключался в попытке определить эмоциональное состояние людей, которые получали подарки. Особенность экспе-

римента состояла в том, что двум группам испытуемых была подарена карточка с текстом: «Монетка (*złotóweczka* - мелкая монета)/монета (*złotówka*” – обычная монета) для тебя», когда первая группа испытуемых (те, кто получил монетку) определила свое эмоциональное состояние как менее радостное по сравнению со второй группой (которым досталась монета) [24].

Большинство русских диминутивных суффиксов оканчивается на -к, которое попадает в позицию перед вокалическими падежными окончаниями [6, с. 102]. В русском языке возможно образование двойных и тройных диминутивов (*книжоночка*, *камушек*). Как отмечает М.Д. Воейкова, первый диминутив приобретает специальное лексическое значение и перестает ассоциироваться с представлениями о малом размере [4, с. 38]. На эмоционально-оценочную энантиосемию диминутивов указывает Ю.В. Слабко, которая на примере суффиксов -онк-, -ёнк- показала, что данные морфемы могут использоваться для выражения как уменьшительно-ласкательного, так и уменьшительно-уничижительного оттенков [19, с. 21]. Диминутивам характерна эмотивная поливалентность. С одной стороны, уровень речевой агрессии, речевой грубости в обществе растет, что становится одной из причин отрицательной оценки использования индивидом в речи диминутивов, т. е. диминутив может индуцировать отрицательную эмоциональную реакцию. С другой стороны, диминутивы способны понизить негативную тональность инвективной лексики, что приводит, если не к позитивизации, то к нейтрализации эмоциональной направленности взаимодействия.

Диминутив – измененная форма слова, которая оценивает объект как маленький, меньший, небольшой, обладает положительной либо отрицательной субъективной оценкой и экспрессией. К функциям диминутивов относятся аккумуляция и трансляция эмоций [5, с. 14]. Диминутивность полифункциональна, используется для выражения уменьшительности, обозначения различных эмоций (ласкательность, сочувствие, симпатия, ирония, уничижительность), подчеркивания неполноты проявления признака, неточности его описания [2, с. 5].

Диминутивы обозначают границы между группами своих (известных, знакомых, близких) и чужих (враждебных, неизвестных, незнакомых) [18, с. 240]. Внутри диминутивов выделяют экспрессивные, которые выражают не уменьшительность, а субъективное отношение говорящего к объекту, или служат цели установления отношений между собеседниками [20, с. 3]. Отмечается, что тенденция вытеснения нейтральных существительных экспрессивными диминутивами является устойчивой, исторически сложившейся тенденцией русского языка. Ласкательность рассматривается как база для выражения различных (в том числе противоположно оценочных) отношений, например, уничижительность с речевой «позой преуменьшения», пренебрежительность с уменьшением значимости противника [Там же, с. 16]. Диминутивность рассматривается как языковой барьер в конфликтных ситуациях, актуализация смягчающего значения диминутивов, в которых обладает конструктивным регулятивным потенциалом применительно к участникам взаимодействия [10, с. 103].

Е.А. Земская не соглашается с мнением о том, что употребление диминутивов свойственно женской речи. Диминутивы могут выполнять различные функции, которые (функции) более или менее частотно реализуются в мужской или женской речи. Например, уменьшительность характерна для разговоров взрослых с детьми, а также для женщин. Использование диминутивов в качестве формул угощения свойственно мужской и женской речи, тогда как диминутив в функции иронии и самоиронии характерен мужчинами и женщинами [8, с. 625–628]. В речи женщин диминутивы имеют эмотивно-прагматическое значение, а в речи мужчин – объективно-логическое значение величины и размера [7, с. 7].

Диминутивные слова принято использовать в сфере общения с детьми, что перешло на пространство разговора о детях (детоцентрическая коммуникация, по Н.В. Менько-

вой) в форме «мамкиного» языка (*какашули, годовасик* и пр.), когда в условиях современного социума отказ от использования умиленно-ласкательной тональности в разговорах на данную тематику оценивается как отклонение от нормы [14, с. 128].

Диминутивные эмотивы являются элементом «мимимишного», «кавайного» языка, получившего распространение и популяризированного в медиакультуре. К характерным особенностям современной инфосферы также относят лаконизм, обрывочность мысли, клиповость сознания, стремление к самопрезентации [11, с. 52]. Причиной использования «кавайного» языка становится языковая мода, это фактор вхождения в социальную группу. Распространение подобных языковых образований обусловлено также инфантилизацией общества, созданием формально более комфортных условий общения [1, с. 32]. Считают, что при общении в социальных сетях доминируют не пейоративы, а мелиоративы, которые актуализируются в так называемом мимимишном новоязе. Появление данного «языка» связывается с японской культурой и увлеченностью активных пользователей социальных сетей аниме, откуда в сетевое общение транспонируются понятия кавайности, умиления, трогательности, избыточной нежности, гипертрофированной эмоциональности [10, с. 103].

Позитицизация общения соответствует общей тенденции развития человечества в направлении снижения уровня насилия: как отмечает С. Пинкер, «спад насилия – это достижение, которым мы можем наслаждаться, и повод ценить силы цивилизации и просвещения, которые сделали его возможным» [16, с. 864]. Сказанное не противоречит увеличению степени грубости общения, но данная формальная резкость, агрессивность частотно является искусственной, дискурсивной (к примеру, троллинг, хейтинг в Интернете).

К перечню микроэмоций («эмоций одного мгновения», по М.Н. Эпштейну) следует отнести, например, *грустинку, смешинку, печальку*. В интервью журналисту на вопрос о судьбе мимимишной лексики В. Ефремов подчеркнул, что этот язык, как и язык «падонков», является однодневным, функционирование подобных лексем ограничено конкретным временным срезом [17]. Функциональная недостаточность подобных номинаций для обозначения эмоциональных переживаний приводит к необходимости формального усиления их экспрессии, полноты. Зачастую это происходит через конкретизацию качественным прилагательным или наречием:

Но мы будем стараться, чтобы весь мир нас услышал. А если не получится – большой печальки не будет, но огорчение придет (<https://serp.mk.ru/culture/2020/05/15/muzykanty-iz-serpukhova-i-protvino-dayut-ustanovku-na-pozitiv.html>).

Дибров – это вообще печалька, какая-то зануда! Верните душечку Васильева, ну или Цискаридзе (https://aif.ru/culture/showbiz/vernite_dushechku_vasileva_zritel_i_o_dibrove_v_modnom_prigovore).

– *Вообще печалька, я сама в шоке, – вздыхает Ольга. – После чемпионата России мы начали задумываться о том, не стоит ли попробовать себя в командной гонке?* (<https://www.kp.ru/daily/26189.5/3077422/>).

Также к частным приемам повышения интенсивности микроэмоции, нашедшим свою реализацию в речи, можно отнести:

а) появление слов-композигов, включающих недостаточное эмоциональное переживание и полную форму номинации другой эмоции:

Грусть-печалька... вот делала, что хотела и как хотела. Обязанности кое-какие выполняла, но они были не в тягость и друг появился (Радуго М. Темный ангел);

б) формальное увеличение слова через многократное написание повторяющейся буквы:

Печааалька. Мне очень нравится один мальчик. Точнее, я в него влюблена. Говорю сразу -: я довольно часто к нему заходила на страницу в Вконтакте (<https://otvet.mail.ru/question/86998195>);

в) нарушение норм орфографии:

Котик, где пичалька? – Туть;

г) словостяжение через написание в одно слово полных форм двух номинаций эмоции, что сопровождается многократным повтором финальной гласной:

печальбедааа;

д) тавтология через использование атрибута в форме качественного прилагательного, образованного от номинации эмоции:

Печальная печалька;

е) написание слова в форме множественного числа:

*Печальки. Даже если у нее всё хорошо, она обязательно придумает себе печальку!;
Отбрось все печальки.*

Выделенные приемы увеличения интенсивности эмоциональных переживаний реактивны на субъективно оцениваемую говорящими недостаточность микроэмоций для выражения эмоционального состояния. Также популяризация такой микроэмоции, как печалька, приводит к появлению аналогичных лексических образований (дериваций креативных пазлов, по В.И. Шаховскому [21]) согласно продуктивной модели (ниже приводятся примеры популярных мемов):

*Печалька? Ну и что! Не смертелька же.
Ревновашки - всегда печалька (Сократик).
Печалька. Тоска. Грусть. Обидка.
У кого-то печалька а у меня пофигулька.
Страдашки всегда печалька.
Блокнытик. Жесть. Тоска. Печалька.*

Анализ примеров использования слова *печалька* в медиадискурсе показал, что актуализация в речи данной недостаточной эмоции индуцируется контекстом:

«Прикиньте, в аэропорту Стамбула LV не продают вещи русским и тем, кто летит в Россию. Печалька и точка», - поделилась певица (<https://www.mk.ru/social/2022/07/27/klave-koke-ne-prodali-chemodan-louis-vuitton-v-turcii.html>).

«Не могу зайти в игру, рвется соединение»; «Печалька, пошла смотреть сериальчик, потом еще попробую загрузнуть», — пишут пользователи игры Guild Wars 2 (<https://www.mk.ru/politics/2018/04/17/kak-pavel-durov-zashhishhaet-telegram-ot-blokirovki.html>).

«Блокируют контактик на Wi-Fi — ну, печалька, что ж, — улыбается столичная 8-классница Александра Ш. — Но я просто отключу его и посмотрю все, что нужно, по 3G» (<https://ria.ru/20170613/1496394977.html>).

Кстати, печальку часто испытывают ванильки - так в Сети называют романтических девушек, которые любят пить кофе и носить одежду мягких ванильных цветов. Из их лексики также пришли мимики и няша, ставшие очень популярными (<https://aif.ru/society/web/1402226>).

Ты – это твои друзья», - резонно напоминает приложение напоследок. Забыв, однако, открыть имя того самого - тайного парня, который лайкает меня чаще других. Пичалька, как говорятся (<https://www.kp.ru/daily/26368.3/3248031/>).

Стилистически сниженная (разговорная) лексика (например, *прикиньте, загрузнуть, контактик, лайкать* и пр.) влечет за собой естественное появление в тексте не конвенциональной номинации эмоционального переживания, а микроэмоции. Микроэмоциональным переживаниям не свойственна формальная или содержательная сложность, что облигаторно, например, для смешанных или сложных эмоций (ср. ниже):

Однако и теперь, едва оправившись, едва голову подняв, я не смог подавить в себе новый приступ и опять дал волю своему бурному негодованию, я сетовал, я кричал, сияясь излить все свои страдания, поведать, как он меня изводит, то своей приязнью, то холодностью, то при-

ветливостью, то суровостью без всякой причины, - он просто мучитель, а я привязан к нему всем сердцем, я и люблю его, и ненавижу, и даже в ненависти всё равно люблю (Цвейг С. Смятение чувств).

Недостаточные эмоции появляются там, где возможно неэмоциональное реагирование, причина экспликации микроэмоций – условная договоренность; недостаточные эмоции суть вынужденные, но их продуцирует не столько языковой, сколько социальный контекст, социальная среда, которая навязывает определенные модели поведения, где реагирование человека гиперэмоционально, значит, деэмоционально, симулятивно. Такой эмотивный комплекс, под которым понимаются коммуникативные единицы, включающие не однопорядковые средства реализации коммуникативной цели, становится несогласованным [15]. Микроэмоции не равно простые эмоции, поскольку последние предполагают связь с базовыми, а являют собой упрощенные (зачастую избыточные) способы внешнего, поверхностного псевдоэмоционального реагирования.

Микроэмоции актуализируются говорящим интенционально с целью создания комического эффекта через их совмещение с обсуждением серьезной, как правило, острой социально-экономической проблемой:

С печалькой отмечаем, что если данная информация стала доступна нам, то с большей степенью вероятности она могла быть доступна и спецслужбам ряда заинтересованных стран» (<https://www.vedomosti.ru/politics/news/2017/02/02/675895-delo-shaltaya-boltaya-surkovovim-shoigu>).

Именно поэтому «печалька» г-на Мединского по поводу тела Ленина тянет за собой ненужные вопросы – это что, отвлекающий маневр? (<https://aif.ru/politics/world/22972>).

С садиками в стране напряженка, свободных помещений меньше, чем нарождающихся мальчишек и девчонок, плюс у регионов не хватает средств на зарплату нянечкам и покупку горшков... ПИчалька, как говорят в интернете (<https://www.kp.ru/daily/26369.5/3250640/>).

А это значит, что не будет новых домиков и машинок у тех, кто привык греть руки на государственных заказах. Печалька (<https://radiosputnik.ria.ru/20190609/1555364869.html>).

«Эмоции одного мгновения» оцениваются как нечто несерьезное, проходящее, факкультативное:

Настроение сейчас – пичалька...

Пичалька. Каникулы кончились. Счас придется опять вставать в 7 утра.

День сегодняшний вверх меня в полную пичальку.

На моей куртке молния разошлась и это пичалька.

Жизнь моя сплошная пичалька.

Такие «недостаточные» эмоциональные переживания индуцированы «недостаточным» стимулом. На недостаточность микроэмоций указывает и отсутствие у них антонимических пар, когда для поиска контрарного понятия диминутивность микроэмоции нейтрализуется:

Люди перестают считывать нюансы, понимают только печальку и радость. Произошло упрощение восприятия (<https://www.mk.ru/culture/2021/09/29/aktrisa-polina-agureeva-na-dva-goda-lishila-starshego-syna-interneta.html>).

Пространство языковой категоризации эмоций поливекторно. В него можно включить в первую очередь конвенциональные и неконвенциональные эмоции. Примером актуального неконвенционального эмоционального образования выступает эмоциональное переживание *баттхёрт*, обозначающее состояние неудовольствия, дискомфорта, плохое настроение (в том числе лингвокультурные эмоции). Также эмоции могут быть определенными и неопределенными (к примеру, сложные чувства, странные чувства). Индивидуальные эмоции, оппозицией которых выступают надиндивидуальные, являют собой особенности вербализации эмоциональных концептов в художественных произведениях разных авторов [12, с. 134–139; 13, с. 24–29]. Помимо простых эмоций,

следует выделять сложные, которые предполагают осложнение [3], смешение, когда смешанные эмоции суть синхронная актуализация двух и более моно-, поли-, амбиогенных эмоциональных переживаний. Данная статья посвящена разграничению достаточных и недостаточных эмоций (микроэмоций). «Эмоции одного мгновения», как правило, избыточны, поверхностны, строго ситуативны, являются признаком деэмоционализации речи, выступающей следствием пресыщенности окружающего человека коммуникативного поля эмоциями, человек вынужден отвечать вызовам и тенденциям общества, где наблюдается переизбыток эмоциогенов и взаимодействие строится по требованию эмоциональной оценки происходящего.

Список литературы

1. Астафьева О.А., Блохин А.В., Колоскова Т.А., Шемонаева О.С. Потенциальные возможности диминутивов в русской разговорной речи // Казанская наука. 2019. № 11. С. 32–34.
2. Буряковская А.А. Диминутивность в английской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008.
3. Вахрушева М.А., Ионова С.В. Эмоциональная коммуникация на русском языке. Учебно-методическое пособие по РКП. М., 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://izd-mn.com/PDF/49MNNPU21.pdf> (дата обращения: 21.12.2022).
4. Воейкова М.Д. Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. М., 2011.
5. Голушин И. Диминутив как способ выражения эмотивности в русском и сербском языках (на материале романа М. Шишкина «Письмовник» и его перевода на сербский язык): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2021.
6. Елисеева М.Б. Становление индивидуальной языковой системы ребенка: ранние этапы: монография. М., 2015.
7. Звонарева Ю.Н. Коммуникативно-прагматический аспект диминутивности в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008.
8. Земская Е.А. Язык как деятельность. М., 2014.
9. Иванян Е.П. Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке: монография. М., 2015.
10. Калашникова А.А., Калашников И.А. Диминутив как инструмент прагматикона в дискурсе социальных сетей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7. С. 102–104.
11. Клушина Н.И. О дигитализации языка // Русская речь. 2018. № 6. С. 51–54.
12. Красавский Н.А. Ключевые концепты «страх» и «вина» в романе Германа Гессе «Демьян. История юности, написанная Эмилем Синклером» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 8. С. 134–139.
13. Красавский Н.А. Эмоциональная концептосфера романа Германа Гессе «Под колесами» // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования. 2020. № 1-1. С. 24–29.
14. Менькова Н.В. Диминутивы как речевая неудача // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4. С. 127–136.
15. Мркаич М.Б. Репрезентация эмотивных комплексов в русском языке (на материале телевизионных ток-шоу): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2022.
16. Пинкер С. Лучшее в нас: Почему насилия в мире стало меньше / Пер. с англ. Г. Бородин, С. Кузнецова. М., 2021.
17. Пичалька, вкусняшка, овуляшка: почему россиянам так нравится мимимишная лексика [Электронный ресурс]. URL: <https://mr-7.ru/articles/2013/07/24/pichalka-vkusniashka-ovuliashka-rochemu-rossiianam-tak-nravitsia-mimimishnaia-leksika> (дата обращения: 20.01.2023).
18. Протасова Ю.А. Овладение категорией «свое-чужое» в детской речи // Теоретические проблемы функциональной грамматики: Материалы Всероссийской научной конференции (СПб., 26–28 сентября 2001) / Отв. ред. А.В. Бондарко. СПб., 2001. С. 242–248.
19. Слабко Ю.В. Общие и отличительные черты функционирования диминутивности в русском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2016.
20. Фуфаева И.В. Экспрессивные диминутивы в условиях конкуренции с нейтральными существительными (на материале русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2018.

21. Шаховский В.И. Стили эмоций в экологических коммуникативных сферах: пандемия // Лингвистика и образование. 2022. № 1(5). С. 35–47.
22. Шедогубова С.В. Структурно-семантический и прагматический аспекты категории диминутивности в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004.
23. Эпштейн М.Н. Первопонятия: Ключи к культурному коду. М., 2022.
24. Sizing Up Objects: The Effect of Diminutive Forms on Positive Mood, Value, and Size Judgments [Electronic resource] / M. Parzuchowski, K. Bocian and P. Gyga // *Frontiers in Psychology*. 2016. № 7. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2016.01452/full> (дата обращения: 12.21.2022).

* * *

1. Astaf'eva O.A., Blohin A.V., Koloskova T.A., Shemonaeva O.S. Potencial'nye vozmozhnosti diminutivov v russkoj razgovornoj rechi // *Kazanskaya nauka*. 2019. № 11. S. 32–34.
2. Buryakovskaya A.A. Diminutivnost' v anglijskoj yazykovoj kartine mira: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2008.
3. Vahrusheva M.A., Ionova S.V. Emocional'naya kommunikaciya na russkom yazyke. Uchebno-metodicheskoe posobie po RKI. M., 2021. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://izd-mn.com/PDF/49MNNPU21.pdf> (data obrashcheniya: 21.12.2022).
4. Voejkova M.D. Rannie etapy usvoeniya det'mi imennoj morfologii russkogo yazyka. M., 2011.
5. Golushin I. Diminutiv kak sposob vyrazheniya emotivnosti v russkom i serbskom yazykah (na materiale romana M. Shishkina «Pis'movnik» i ego perevoda na serbskij yazyk): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2021.
6. Eliseeva M.B. Stanovlenie individual'noj yazykovoj sistemy rebenka: rannie etapy: monografiya. M., 2015.
7. Zvonareva Yu.N. Kommunikativno-pragmaticheskij aspekt diminutivnosti v anglijskom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2008.
8. Zemskaya E.A. Yazyk kak deyatel'nost'. M., 2014.
9. Ivanyan E.P. Semantika umolchaniya i sredstva ee vyrazheniya v russkom yazyke: monografiya. M., 2015.
10. Kalashnikova A.A., Kalashnikov I.A. Diminutiv kak instrument pragmatikona v diskurse social'nyh setej // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2017. № 7. S. 102–104.
11. Klushina N.I. O digitalizacii yazyka // *Russkaya rech'*. 2018. № 6. S. 51–54.
12. Krasavskij N.A. Klyucheveye koncepty «strah» i «vina» v romane Germana Gesse «Demian. Istoriya yunosti, napisannaya Emilem Sinklerom» // *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2017. № 8. S. 134–139.
13. Krasavskij N.A. Emocional'naya konceptosfera romana Germana Gesse «Pod kolesami» // *Yazyk i kul'tura v epohu integracii nauchnogo znaniya i professionalizacii obrazovaniya*. 2020. № 1-1. S. 24–29.
14. Men'kova N.V. Diminutivy kak rechevaya neudacha // *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik*. 2018. № 4. S. 127–136.
15. Mrkaich M.B. Reprezentaciya emotivnyh kompleksov v russkom yazyke (na materiale televizionnyh tok-shou): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2022.
16. Pinker S. Luchshee v nas: Pochemu nasiliya v mire stalo men'she / Per. s angl. G. Borodina, S. Kuznecova. M., 2021.
17. Pichal'ka, vkusnyashka, ovulyashka: pochemu rossiyanam tak nraivitsya mimimishnaya leksika [Elektronnyj resurs]. URL: <https://mr-7.ru/articles/2013/07/24/pichalka-vkusniashka-ovuliashka-pochemu-rossiyanam-tak-nravitsya-mimimishnaia-leksika> (data obrashcheniya: 20.01.2023).
18. Protasova Yu.A. Ovladenie kategorij «svoe-chuzhoe» v detskoj rechi // *Teoreticheskie problemy funkcional'noj grammatiki: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii (SPb., 26–28 sentyabrya 2001) / Otv. red. A.V. Bondarko*. SPb., 2001. S. 242–248.
19. Slabko Yu.V. Obshchie i otlichitel'nye cherty funkcionirovaniya diminutivnosti v russkom i anglijskom yazykah: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ekb., 2016.
20. Fufaeva I.V. Ekspressivnye diminutivy v usloviyah konkurencii s nejtral'nymi sushchestvitel'nymi (na materiale russkogo yazyka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2018.

21. Shahovskij V.I. Stili emocij v ekologicheskikh kommunikativnyh sferah: pandemiya // Lingvistika i obrazovanie. 2022. № 1(5). С. 35–47.
22. Shedogubova S.V. Strukturno-semanticheskij i pragmaticheskij aspekty kategorii diminutivnosti v sovremennom nemeckom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2004.
23. Epshtejn M.N. Pervoponyatiya: Klyuchi k kul'turnomu kodu. M., 2022.

Indefinite emotiveness: linguistic categorization of micro-emotions

The article deals with the consideration of one of the most frequent aspects of the linguistic categorization of the emotions – the verbalization of the “unstandardized” emotional sufferings. The subject of the study is the micro-emotions, representing the diminutive forms of the full nominations of the emotional sufferings. Adding the diminutive suffixes to the “names” of the emotions has an essential impact on the functional and semantic components of “the emotions of one breath”. The introduction of the micro-emotions and the frequent use of some kinds of these emotions are analyzed in the social and cultural context.

Key words: *micro-emotions, mixed emotions, emotive seme, emotiveness, diminutiveness.*

(Статья поступила в редакцию 10.04.2023)

О.А. ФЕЛЬКИНА

Брест, Республика Беларусь

ПЕРЕВОД НЕПЕРЕВОДИМОГО: «ПЕРЕСОЗДАНИЕ» АЛЕСЕМ РЯЗАНОВЫМ СТИХОТВОРЕНИЙ ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА

Анализируются переводы на белорусский язык стихотворений Велимира Хлебникова, выполненные Алесем Рязановым. Вопрос эквивалентности художественного перевода всегда вызывал острые дискуссии, и чем оригинальнее язык исходного текста, тем менее вероятной кажется возможность эквивалентного перевода. В. Хлебников – один из самых необычных авторов в русской литературе, однако сходство творческих подходов позволило А. Рязанову «пересоздать» ряд произведений Хлебникова на белорусском языке.

Ключевые слова: *перевод, «скорнение», авторские неологизмы, звукопись, аллитерация.*

П.Б. Шелли утверждал: «Стремиться передать создания поэта с одного языка на другой, – это то же самое, как если бы мы бросили в тигель фиалку, с целью открыть основной принцип ее красок и запаха. Растение должно возникнуть вновь из собственного семени, или оно не даст цветка, – в этом-то и заключается тяжесть проклятия вавилонского смещения языков» [1, с. 280].

Проблема эквивалентности перевода волнует не только филологов – в мультикультурном мире с прозрачными границами и разнообразными средствами передачи инфор-

мации это проблема приобретает чрезвычайную важность. Особенно остро всегда стоял вопрос эквивалентности художественного перевода, и очень многие, как и П.Б. Шелли, считают невозможной адекватную передачу поэтического произведения другими языковыми средствами. Но скептицизм в этом вопросе не останавливает поэтов, желающих перевести на родной язык стихи, которые тронули душу. Как метко сказал И. Левый: «Передать создание поэта с одного языка на другой – невозможно; но невозможно и отказаться от этой мечты» [1, с. 282].

Цель настоящей статьи – установить способы достижения переводческой эквивалентности, использованные Алесем Рязановым при «пересоздании» стихотворений Велимира Хлебникова.

Велимир Хлебников – поэт необычный. У одних он вызывает восхищение, у других – раздражение, кто-то считает его стихи слишком сложными для понимания, кто-то – чересчур примитивными или даже просто бессмыслицей. «Можно без преувеличения сказать, что ни об одном из русских поэтов не было таких противоречивых и взаимоисключающих мнений, как о Хлебникове. Среди современников одни называли его гением (не только друзья-футуристы, но Вяч. Иванов, Кузмин и др.), другие считали сумасшедшим и графоманом. И те, и другие редко убедительно обосновывали свои утверждения» [2, с. 6]. Тем более сложная задача стоит перед тем, кто отваживается перевести стихи Велимира Хлебникова.

В 2011 г. вышла книга-билингва «З Вяліміра Хлебнікава», включающая переводы 32 стихотворений В. Хлебникова на белорусский язык [4]. Впрочем, автор переводов – Алесь Рязанов – предпочитает термин «перастварэнне» («пересоздание»).

К.И. Чуковский в книге «Высокое искусство» написал про переводы У. Уитмена, сделанные К. Бальмонтом: «Даже не зная этих переводов, всякий заранее мог предсказать, что творческое лицо Уолта Уитмена будет в них искажено самым предательским образом, так как в мире, кажется, не было другого писателя, более далекого от него, чем Бальмонт» [1, с. 257]. Кажется, оригинальность В. Хлебникова представляет непреодолимую преграду для переводчиков. Однако, сравнивая В. Хлебникова и А. Рязанова, можно заметить сходные черты их художественного метода, общий прием построения текста, который Хлебников называл «скорнение»: это связь слов через их созвучие, связь не только композиционная, но и семантическая. Сходные по звучанию слова в художественном тексте приобретают новый смысл, между ними возникают и смысловые ассоциации. Ю. Тынянов писал об этом в статье «Промежуток»: «Он перенес в поэзии центр тяжести с вопросов о звучании на вопрос о смысле. Он оживлял в смысле слова его давно забытое родство с другими, близкими, или приводил слово в родство с чужими словами. Для него нет неокрашенного смыслом звучания, не существует раздельно вопроса о “метре” и о “теме”. “Инструментовка”, которая применялась как звукоподражание, стала в его руках орудием изменения смысла, оживления давно забытого в слове родства с близкими и возникновения нового родства с чужими словами» [6, с. 20]. Этот прием лежит в основе произведений, которые А. Рязанов назвал «вершаказы» (сборник «Пчала пачала паломнічаць» – «Пчела начала паломничать»), и других его творений. Например, в произведении «Скрынка» («ящик, коробка»; «ларец; сундук») центральный образ создается созвучными словами *скардзіцца* («жалуется»), *скрыпае* («скрипит»), *скрытае*, *скарб* («сокровище, клад»), *скнара* («жадина», «скупец»), *рынак*, *скрыпка*, которые отчасти противопоставлены друг другу, что позволяет взглянуть на объект описания с неожиданной стороны: *Усе думаюць, што яна скнара, што яна «рынак», але сама скрынка ведае, што яна скрыпка, у якой няма струн* [5, с. 7].

Переводя стихи В. Хлебникова, А. Рязанов часто находит в белорусском языке даже более удачные примеры созвучий, чем в оригинальном тексте. Так, строку «И скорее справа, чем правый» стихотворения «Вечер. Тени» он передает как «І я, хутчэй справа, чым справа», используя омонимию наречия *справа* и существительного *справа*

‘дело’. В сочетании с последней строкой – «Болей быў слова, чым злева» («Я был более слово, чем слева») – возникает более цельный смысл: существительные *справа* и *слева*, характеризующие образ лирического героя, оказываются противопоставлены наречиям *справа* и *слева*. В оригинальном тексте образ лирического героя характеризуется словами разных частей речи (*справа* и *слово*), противопоставленными также грамматически разнородным лексемам (*правый* и *слева*). В стихотворении «Мрачное» обстоятельства *иначе*, *вновь* связаны только звуком [н], а их белорусские соответствия *інакш*, *ізноў* – еще и начальным гласным, и ритмически (двусложные с ударением на конечном слоге): *Я умер... / Очнулся я, иначе, вновь / Окинув вас война оком – Я ўмёр... / Ачнуўся я інакш, ізноў / Вас аглядзеўшы вокам воя*. Последние слова этого стихотворения – *война оком* – также мало похожи друг на друга фонетически (на графическом уровне сходны начала слов *окинув* и *оком*), в то время как А. Рязанов использует сочетание *вокам воя*, в котором совпадают первые слоги и ритмический рисунок слов.

В переводе стихотворения «Отказ» А. Рязанов заменяет слово *цветы* на более конкретное *ружы* ‘розы’, созвучное существительному *ружжо* ‘ружье’: *Мне куды даспадобней / Слухаць вызнанні ружаў ... / Чым бачыць цёмныя ружжы*. В оригинальном тексте созвучия не использовались: *Мне гораздо прятнее / слухаць голаса цветов... / Чем видеть темные ружья*.

Стихотворение В. Хлебникова «Из мешка...» построено на созвучиях *из мешка* – *усмешка*, *вещи* – *повешенного*, это своеобразные рифмы, хотя в первом случае ударение на разных слогах, а в последнем после одинаковых ударных слогов наблюдается разное количество безударных (как будто женская клаузула рифмуется с гипердактилической): *Из мешка / На пол рассыпались вещи. / И я думаю, / Что мир – / Только усмешка, / Что теплится / На устах повешенного*. Некоторая аллитерация наблюдается также в словах *только* – *теплится*, две строки начинаются местоимением *что*. Именно созвучия объединяют и строки в цельный текст, и образы, как будто случайные, не связанные между собой (вещи, высыпавшиеся из мешка на пол – усмешка повешенного).

В «пересоздании» Алесь Рязанов не две, а три цепочки выразительных созвучий: *навысыпаліся* – *выспаўся* (ср. также *бяссоніка*), *з меха* – *усмех* (к последнему слову можно присоединить также слова *на вуснах*, *увесь*), *рэчы* – *дарэчы* – *нарэшце*: *Павысыпаліся з меха / Рэчы. / І я дарэчы / Думаю: / Свет – усмех / На вуснах бяссонніка, што нарэшце / Выспаўся ўвесь*.

В. Хлебников рифмует первый стих с пятым, второй – с последним (седьмым). В стихотворении А. Рязанова также первая и пятая строки соединены созвучием, но вторая рифмуется с третьей и шестой. В белорусском тексте есть еще внутренняя рифма – перекликаются начальные слова первого и последнего стихов (*навысыпаліся* – *выспаўся*). Первое слово в белорусском стихотворении (*навысыпаліся*) оказывается чрезвычайно важным в смысловом отношении, образы высыпанных вещей и умершего человека сближаются не только фонетически, за счет сходства глаголов, но и семантически – через значение опустошенности, утраты. Слово *дарэчы*, которое не имеет соответствий в оригинале, также оказалось уместным, потому что стихотворение складывается из двух ассоциативно связанных образов.

Глаголы в оригинальном тексте размещены в середине или конце строки, они встречаются во втором, третьем и шестом стихах. Алесь Рязанов все три глагола размещает в начале строки, причем равномерно: первый, четвертый и седьмой стихи. Это дополнительное композиционное средство. Кроме того, две последние строки связаны парой родственных слов *бяссоніка* – *выспаўся*, противопоставленных по смыслу (отрицательная приставка *без-/бес-*). Существительное *бяссонік* не эквивалентно слову *повешенного*, идея смерти выражается иными средствами – глаголом *выспаўся* в сочетании с местоимением *увесь*. Поэтому в белорусском стихотворении смерть вызывает другие

ассоциации (это облегчение, освобождение от мук), в этом контексте и слово *ўсмех* не имеет такой ироничной окраски, как *усмешка* у В. Хлебникова.

В оригинальном тексте в последнем слове (*повешенного*) ударение на четвертом слоге от конца, это создает ощущение недосказанности, незавершенности рассуждения. Гипердактилическая рифма нетипична для русской системы стихосложения, потому слово резко выделяется, обращает на себя внимание. Белорусский текст заканчивается словом *ўвесь*: идея конца жизни, завершенности выражается как смыслом местоимения, так и ударением на последнем слоге. Таким образом, белорусский текст более завершенный, цельный, его элементы тесно и разнообразно связаны, переплетены между собой.

Одну из проблем перевода составляют авторские неологизмы, являющиеся характерной особенностью авторского стиля В. Хлебникова. По мнению Р. Якобсона, неологизм обогащает поэзию в трех аспектах: во-первых, «создает яркое эфоническое пятно, в то время как старые слова и фонетически ветшают, стираясь от частого употребления»; во-вторых, внутренняя форма слов быстро перестает восприниматься, «отмирает, камнеет, между тем как восприятие формы поэтического неологизма, данной *in statu nascendi*, для нас принудительно»; наконец, значение слова в каждый момент более-менее статично, а значение неологизма в значительной степени определяется контекстом, обязывая читателя «к этимологическому мышлению» [7, с. 56]. Именно эта последняя особенность неологизмов больше всего интересовала Велимира Хлебникова. Так и в стихотворении «Времышы – камышы...» единственный неологизм *времяшы* не только сближает между собой существительные *время* и *камышы*, но и приводит к воображаемому членению последнего как *кам-ыши-и* (ср. *врем-ыш-и*, *мал-ыш*, *креп-ыш*). А это в свою очередь сближает *камышы* со следующими словами из стихотворения – *каменья*, *камень*, которые за счет отсутствия беглости гласных более сходны с формой *временем*, чем узувальная форма *камни*: *Времяшы – камышы / На озера береге, / Где каменья временем, / Где время каменьем. / на берега озере / Времяшы, камышы, / На озера береге / Священно шумящие*. Причем камень для В. Хлебникова устойчиво связан с идеей времени, о чем свидетельствует другое произведение: *В пору когда в вырей / Времирей умчались стаи, / Я времяшом-камышком игрывало / И времяшек-камышек кинуло, / И времяшко-камышко кануло, / И время крылья простерла*. Таким образом, оказываются тесно переплетенными три корня и три смысла: камыш (и, соответственно, берег озера), время и камень.

В белорусском языке два из этих трех смыслов выражаются иными корнями, поэтому точно передать языковую игру В. Хлебникова, кажется, невозможно. Алесь Рязанов вместо абстрактного слова *время* (бел. *час*) использует другое, более конкретное темпоральное обозначение – *вечар*. Это существительное созвучно слову *чарот*, но ни одно из них не похоже на *камень*. Поэтому переводчик использовал еще одно слово с темпоральным значением, фонетически близкое к *камень* – окказионализм *векамань*. Именно оно объединяет *вечар* и *камень*, получается цепочка звуко-смысловых сопоставлений, но слова *чарот* и *камень* связаны только через *вечар* и *векамань*: *Чарот-вечарот / На возераберазе, / Дзе векамань – каменнем, / Каменне – векаманню. / На берагавозеры / Чарот, вечарот, / На вечараберазе / Веча шумлівае*. Кольцо образов замыкается словом *веча* (рус. *вече*; о камыше – *веча шумлівае*), причем это и композиционное кольцо: *Чарот-вечарот / На возераберазе... / На вечараберазе / Веча шумлівае*. Не случайно возникает в произведении А. Рязанова и слово *вечараберазе*, которое, на первый взгляд, не соответствует оригиналу (*На озера береге*): слияние вечера и берега в одном сложном слове объединяет, переплетает образы времени (*вечарот*, *векамань*) и места (*чарот*, *возера*, *бераг*). В. Хлебников использовал необычную форму существительного (*на береге* вместо *на берегу*), переводчик выбирает необычное слово.

Неожиданным кажется эквивалент наречия *священно* – существительное *веча*: это не только разные части речи, но и семантически далекие слова. В то же время они вы-

полняют одну стилистическую функцию – придают торжественность образу камыша, возвышают его: слово *священно* за счет семантики корня и старославянской фонетической особенности (*щ*), слово *веча* – за счет сравнения камыша с людьми и традиционно книжной стилистической окраски историзмов.

Алесь Рязанов, как и В. Хлебников, использует звукопись, но в оригинальном тексте наиболее важна аллитерация [ш] и [ш'] (*времышши, камыши, священно, шумящие*), в белорусском же варианте – [ч] и [р] (*чарот, вечарот, вечараберазе, веча*). Более цельно, эвфонично по сравнению с оригиналом звучат строки «Дзе векамань – каменнем, Каменне – векаманню», а также слово *возераберазе* (в русском варианте отсутствует переход *з* в *з* по второй палатализации, сложное слово звучит более цельно, чем словосочетание).

Таким образом, Алесь Рязанов не концентрируется на стремлении к полному семантико-стилистическому совпадению каждого слова оригинала и перевода (ср. *повешенного – бяссонніка, время – векамань* и др.), использует грамматическую трансформацию (наречие *священно* – существительное *веча*), изменяет ритмику стихов. Главное для переводчика – «пересоздать» художественный текст В. Хлебникова на основе важнейшего для этого автора приема – «скорнения». Поэтому вместо словарного соответствия слову *время* выбирается созвучное слову *чарот* существительное *вечар, цветы* переводятся как *ружы* по созвучию с *ружжы*, к глаголу *навысыпаліся* подбирается фонетически сходное *выспаўся* и т. д. А. Рязанов в ряде случаев подбирает даже более удачные примеры созвучий, чем в оригинальном тексте (например, используя омонимию наречия *справа* и существительного *справа* ‘дело’), добавляет сходные по звучанию слова, чтобы более тесно связать текст цепочками выразительных созвучий (например, *к рэчы – дарэчы и нарэшце*).

В.Я. Брюсов в статье «Фиалки в тигеле» писал: «Прекрасные стихи – как бы вызов поэтам других народов: показать, что и их язык способен вместить тот же творческий замысел» [1, с. 281]. В. Маяковский считал, что Хлебников – не поэт для потребителей, его нельзя читать, Хлебников – поэт для производителя: «ставил поэтическую задачу, давал способ ее разрешения, а пользование решением для практических целей – это он предоставлял другим» [3, с. 151]. Не удивительно, что стихи В. Хлебникова притягивают внимание настоящих поэтов и вдохновляют их на совместное творчество – «пересоздание». Опыты Алеся Рязанова показывают, что белорусский язык пригоден для решения любых творческих задач, если творец чувствителен к его красоте, владеет его богатством.

Список литературы

1. Лингвистические аспекты теории перевода: хрестоматия / сост. С.Т. Золян, К.Ш. Абрамян. Ереван, 2007.
2. Марков В.Ф. Предисловие // Велимир Хлебников. Собрание сочинений: в 3 т. СПб., 2001. С. 6–40. Т. 1.
3. Маяковский В.В. В. Хлебников // Собрание сочинений: в 12 т. М., 1978. С. 151–152. Т. 11.
4. Разанаў А.С. З Вяліміра Хлебнікова. Мінск, 2011.
5. Разанаў А.С. Пчала пачала паломнічаць. Мінск, 2009.
6. Тынянов Ю.Н. Предисловие // В. Хлебников. Собрание произведений. Л., 1928. С. 9–30. Т. 1.
7. Якобсон Р.О. Новейшая русская поэзия. набросок первый: подступы к Хлебникову // Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования, 1911–1998. М., 2000. С. 20–77.

* * *

1. Lingvisticheskie aspekty teorii perevoda: hrestomatiya / sost. S.T. Zolyan, K.Sh. Abramyan. Erevan, 2007.
2. Markov V.F. Predislovie // Velimir Hlebnikov. Sobraenie sochinenij: v 3 T. SPb., 2001. S. 6–40. T. 1.

3. Mayakovskij V.V. V. Hlebnikov // *Sobranie sochinenij*: v 12 T. M., 1978. S. 151–152. T. 11.
4. Razanaŭ A.S. *Z Vyalimira Hlebnikava*. Minsk, 2011.
5. Razanaŭ A.S. *Pchala pachala palomnichac'*. Minsk, 2009.
6. Tynyanov Yu.N. *Predislovie* // V. Hlebnikov. *Sobranie proizvedenij*. L., 1928. S. 9–30. T. 1.
7. Jakobson R.O. *Novejšaya russkaya poeziya. Nabrosok pervyj: podstupy k Hlebnikovu* // *Mir Velimira Hlebnikova: Stat'i. Issledovaniya*, 1911–1998. M., 2000. S. 20–77.

*Translation of the untranslatable: the “reworking” of the poems
of Velimir Khlebnikov by Ales Ryazanov*

The article deals with the analysis of the translations of the poems of Velimir Khlebnikov into the Belarusian language by Ales Ryazanov. The issue of the equivalence of the fictional translation always caused the fierce dispute. The more original the language of the source text is, the less likely the possibility of an equivalent translation seems. V. Khlebnikov is one of the most unusual authors in the Russian literature, the similarity of the creative approaches allowed A. Ryazanov “to rework” the row of the works by V. Khlebnikov at the Belarusian language.

Key words: *translation, author literary technique “skornenie”, author neologisms, sound recording, alliteration.*

(Статья поступила в редакцию 20.03.2023)

Е.В. БОБЫРЕВА, Х. ЙЕГНИ
Волгоград

**ПЕРЕДАЧА НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ
РАССКАЗОВ А.П. ЧЕХОВА «СМЕРТЬ ЧИНОВНИКА»
И «ТОЛСТЫЙ И ТОНКИЙ» НА АРАБСКИЙ ЯЗЫК**

Анализируются особенности перевода рассказов А.П. Чехова «Смерть чиновника» и «Толстый и тонкий» на арабский язык. Выявляются смысловые нарушения, имеющие место при переводе. Устанавливаются изменения, привносимые в смысл текста оригинала на языковом и эмоционально-психологическом уровне. Показано, что для достижения адекватного перевода оригинала важно, наряду с передачей содержания, отразить оттенки значения, обусловленные национально-культурными особенностями, личностным отношением и эмоциональным настроением автора оригинала.

Ключевые слова: *адекватный перевод, национально-культурная специфика, этнокультурная маркированность, реалия, безэквивалентная лексика, лакуны, арабская лингвокультура.*

Каждая культура уникальна, что находит отражение на разных уровнях языка, передаваясь широким набором лексико-грамматических и структурно-синтаксических средств. Как доказывают авторы многих исследований, именно набор лексических единиц наиболее четко передает национально-культурную специфику народа, его культуры и языка [7; 18; 22].

Лексика, имеющая этнокультурную маркированность, определяется в работах разных ученых как: «безэквивалентная лексика» [5; 15]; «лакуны» [3]; «реалии» [9; 10; 16, с. 39–45; 23; 24]; «лингвокультураны» [11], «идионимы» [13] и т. п. «Безэквивалентной лексикой» считаются лексические единицы, которые не имеют адекватного эквивалента в другом языке, функционируя в данном значении лишь в языке, к которому принадлежат [26, с. 296]. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров трактуют безэквивалентную лексику как «слова, служащие для выражения понятий, отсутствующих в иной культуре и в ином языке <...>, а также слова, непередаваемые на другой язык одним словом, то есть не имеющие эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат» [8, с. 121]. Под «лакунами» имеют в виду «пробелы» в языке – «понятия, характерные для одной культуры и полностью отсутствующие в другой» [20, с. 79]. Выделяют абсолютную и относительную, полную и неполную лакунарность. Согласно мнению В.Д. Филатова, полная лакунарность имеет место в случае «отсутствия лексической единицы, обозначающей то или иное понятие в лексической системе литературного языка или его разновидности при сопоставлении с другими его территориальными разновидностями» [25, с. 359]; в противоположность ей, «неполная лакунарность представлена выражениями, имеющими частичные эквиваленты в других языках, которые не способны передать дополнительную коннотативную нагрузку единиц оригинала» [Там же]. Термином «экзотическая лексика» или «экзотизмы», как правило, называют иноязычные языковые единицы, обозначающие исторические и географические объекты и явления [1], а также «слова и выражения, заимствованные из других малоизвестных языков и употребляемые для придания речи особого (местного) колорита» [21, с. 520].

Более уместен, на наш взгляд, термин *реалия*, которым мы и будем пользоваться в статье. Отличительной чертой реалии является непосредственная связь обозначаемого феномена «с народом (носителем данного языка), а также с историческим контекстом» [17, с. 489]. Реалия – это «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для быта, культуры, социального и исторического развития одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а, следовательно, не поддаются переводу «на общих основаниях», требуя особого подхода» [10, с. 47].

Интересна дифференциация Г.Д. Томашина, разграничивающего «денотативные реалии» и «коннотативные реалии» [23, с. 19–28]. По мнению В.А. Даниловой, денотативные реалии «выражают понятия, которые присутствуют только в одной культуре и языке и отсутствуют в других» [12, с. 38]. Коннотативные реалии «могут иметь частичные эквиваленты в других языках, которые, однако, не передают все компоненты значения и стилистическую окраску оригинала» [Там же, с. 38]. Поскольку денотативные реалии выступают отражением феноменов, присутствующих только в одной культуре и отсутствующих в другой, их перевод на другой язык представляет наибольшую трудность, т. к. требует передачи отсутствующих в другой лингвокультуре фактов.

Осуществляя перевод с одного языка на другой, передавая упомянутые реалии, переводчику нужно помнить, что: «1) реалия может присутствовать только в одном языке и быть не характерна для лингвокультуры перевода; 2) реалия может присутствовать как в языке оригинала, так и в языке перевода, но в одном из языков иметь дополнительные компоненты значения; 3) различные реалии могут иметь схожие функции в разных лингвокультурах; 4) сходные реалии в разных лингвокультурах могут различаться оттенками значения» [23, с. 46].

Денотативные реалии наиболее ярко передают национальное своеобразие культур; но более сложной задачей при переводе выступает передача национально-культурных коннотативных реалий.

В.Н. Телия доказывает наличие национально-культурной специфики реалий не только в предметном значении слов, но именно на уровне коннотаций, считая коннотацию «семантической сущностью, узואально или окказионально входящей в семантику языковых единиц и выражающей эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при ее обозначении и высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект» [22, с. 5].

Любая реалья несет информацию, которая может понадобиться в ходе межкультурной коммуникации, поэтому в ходе перевода художественного текста на другой язык важно как донести его содержание до адресата (представителя иной культуры), так и сохранить национально-культурную специфику исходного текста.

В работах различных ученых делались попытки систематизации и проведения классификации реалий; к данной проблеме, в частности, обращались Г.Д. Томахин [23], Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров [8], В.С. Виноградов [9], А.А. Кретов, Н.А. Фененко [16, с. 39–45], Н.А. Фененко [24], Ю. Найда [19, с. 121–179] и др.

В.С. Виноградов, основываясь на тематическом принципе, выделяет реалии, принадлежащие к определенной семантической группе, разграничивая: 1) бытовые (жилище, имущество, одежда, пища, народные обычаи, праздники и т. п.); 2) этнографические и мифологические (этнические и социальные общности и их представители – божества, сказочные существа и места и т. п.); 3) природные (животные, растения, черты ландшафта и т. п.); 4) государственно-административные (государственные институты, общественные организации, должности и звания); 5) ономастические (антропонимы, топонимы, имена литературных героев и т. п.) и 6) ассоциативные (символика, фольклорные, исторические, литературно-книжные аллюзии и т. п.) реалии [9, с. 39].

С.И. Влахов и С.П. Флорин, классифицируя реалии, используют такие критерии, как: «язык, степень освоенности (знакомства), распространенность, форма и, разумеется, приемы перевода и способ их выбора. В результате общая схема новой классификации реалий приобрела следующий вид: 1) предметное деление; 2) местное деление (в зависимости от национальной и языковой принадлежности); 3) временное деление (в синхроническом и диахроническом плане, по признаку “знакомости”); 4) переводческое деление» [10, с. 30].

Мы разделяем точку зрения Ю.А. Бельчикова, который считает, что культурная специфика обязательно имеется в семантике следующих единиц: «а) слов, коннотация которых формируется на основе традиционных, фольклорных, литературных и индивидуально-личностных ассоциаций (например, в русской лингвокультуре *Кощей Бессмертный* — немолодой, очень худой человек); б) слов, имеющих переносно-расширительный смысл и утративших соответствие основного значения лексическим эквивалентам из других языков (например, слово *ажютаж* (фр.: *agiotage*) изначально имело значение «биржевая игра», которое в процессе развития языка утратило данное значение); в) слов, у которых национально-культурный компонент выражается в переносно-метафорическом значении (например, *лес рук*)» [6, с. 12–17].

Рассматривая особенности передачи русскоязычных реалий, встречающихся в переводах рассказов А.П. Чехова на арабский язык, считаем уместным, прежде всего, указать наиболее характерные черты арабской культуры, безусловно, накладывающие отпечаток на восприятие, понимание и перевод произведений русскоязычных авторов.

Арабская культура является традиционно коллективистской, экспрессивной и полихронной. Важную роль в ней играет мусульманская духовность. Даже вступая в деловые отношения, арабы обязательно расспросят собеседника о его здоровье, личных делах и т. п.

Арабской этике чужда категоричность, часто в качестве ответа на вопрос можно услышать: «Как будет угодно Аллаху». Арабы ценят игру слов и эстетику, в их языковой культуре прослеживается тенденция выражать одну и ту же мысль разными слова-

ми. Арабское понимание этикета не предполагает прямолинейности и категоричности. В общении арабам свойственна высокая эмоциональность и, как результат, экспрессивность речи, склонность к преувеличению.

Арабы менее замкнуты, чем европейцы. Они любят вести долгие беседы. Гостеприимство считается одной из основных черт жителей арабских стран. Большое значение арабы придают зрительному контакту, поэтому при разговоре нужно смотреть собеседнику в глаза.

Огромное влияние на арабскую культуру, язык и характер арабов оказали исламские традиции. Арабы ценят искренность и рассчитывают на взаимное уважение. «Искренность считается высоким нравственным качеством. “Выше правды нет ничего”, “Говори правду, если даже она против тебя” – гласят арабские пословицы. Искренний человек смел и прям, он отвергает обходные действия, поэтому арабская пословица предупреждает: “Если говоришь, то не бойся, а если боишься, то не юли (то есть лучше вообще не говори)”» [2]. «Арабы имеют обыкновение не доверять людям, которые кажутся им неискренними» [4, с. 69].

Выше мы указали только некоторые черты арабской национальной культуры, отдельные из которых, как нам кажется, оказывают влияние на восприятие произведений иноязычных авторов и объясняют особенности их перевода на арабский язык.

В данной статье приводятся результаты анализа перевода двух рассказов А.П. Чехова: «Смерть чиновника» и «Толстый и тонкий». Данные рассказы имеют некоторое тематическое сходство, поскольку в центре внимания находятся служащие, рассматривается их характер и особенности взаимоотношений.

Анализ рассматриваемых рассказов позволил установить ряд изменений, привнесенных в текст оригинала на лексическом и синтаксическом языковых уровнях; а также на уровне эмоционально-психологического восприятия и понимания информации.

Рассмотрим пример из рассказа А.П. Чехова «Толстый и тонкий»: *«Тонкий же только что вышел из вагона и был навьючен узлами и картонками»*, которая передана следующим образом: *«Тонкий только что вышел из вагона, нагруженный упаковками»*. Так, на лексическом уровне наблюдается как расширение, так и сужение значения отдельных лексических единиц, например, русскоязычная фраза «навьючен узлами и картонками» передана на арабский язык как: *«محملا الصرر و غلب الكرتون»*, что в дословном переводе может быть проинтерпретировано как «нагружен упаковками» (Здесь и далее обратный перевод с арабского наш. – *И.Х.*). Таким образом, с одной стороны, фраза «узлы и картонки» сжата переводчиком до «упаковки» (значительная семантическая компрессия), с другой, русскоязычная лексическая единица «навьючен» в тексте перевода вообще теряет эмоциональный коннотативный компонент.

В другом примере: *«Червяков нисколько не сконфузился, утерся платочком и, как вежливый человек, поглядел вокруг себя: не беспокоил ли он кого-нибудь своим чиханьем?»* (А.П. Чехов «Смерть чиновника»), фраза «он совершенно не сконфузился» передана переводчиком как *«لم يشعر تشرفيا كوف بأي حرج»* (в дословном переводе: «он совершенно не почувствовал никакого стыда»), хотя и представляется семантически более широкой, однако, значительно «сглаживает» эмоциональное состояние героя, передаваемое автором в оригинале рассматриваемого произведения.

Кроме корректив, вносимых автором перевода на лексическом уровне, можно отметить и значительное количество изменений, которые появляются и на уровне структурно-синтаксическом. В данном контексте можно отметить случаи как включения в текст перевода элементов, которых не было в тексте оригинала, так и опущение некоторых компонентов. Рассмотрим несколько примеров. Характеризуя жизнь чиновника в рассказе «Смерть чиновника», А.П. Чехов использует фразу *«Жизнь так полна внезапностей!»*, говоря о том, как быстро и кардинально может измениться жизнь человека. Переводчик же вносит коррективы в создаваемый им текст, и данная фраза звучит

в переводе как «*فما أحفل الحياة بالمفاجآت*», т. е. «хороша жизнь полная внезапностей». Отметим, что, добавляя оценочный компонент «*хороша (жизнь)*», переводчик также несколько изменяет первоначальный смысл текста оригинала, поскольку, говоря о внезапных изменениях в жизни, автор (А.П. Чехов) не дает им оценки (хорошо :: плохо), оставляя на усмотрение читателя делать заключение о том, насколько положительны неожиданные изменения в нашей жизни.

В следующем примере, как нам представляется, переводчик, наоборот, исключает из текста перевода один из лексических компонентов, присутствующих в тексте оригинала. В рассказе «Толстый и тонкий» А.П. Чехов использует выражение «*вытянулся во фрунт*» («*Нафанаил вытянулся во фрунт и застегнул все пуговицы своего мундира*»), когда один из героев (тонкий) увидел своего старого приятеля (толстого), достигшего гораздо более высокого должностного положения за то время, пока они не виделись. Переводчик же трансформирует данную фразу, передавая ее на арабский язык как: «*وشد قامته*» – «он полностью вытянулся», что не только позволяет заметить опущение одного из компонентов («*во фрунт*»), но и демонстрирует замену эмоционально-окрашенной лексической реалии «*во фрунт*» более нейтральной единицей «полностью».

Существует точка зрения, согласно которой перевод выступает до определенной степени самостоятельным художественным произведением, в том плане, что любой переводчик воспринимает иноязычный текст по-своему, в соответствии как с уровнем знания языка и степенью проникновения в иную культуру, так и (что более важно) в соответствии со своим психоэмоциональным типом. Анализ текстового материала показал, что в анализируемых нами рассказах имеют место случаи как усиления, так и ослабления эмоционального компонента, заложенного А.П. Чеховым в тексты его оригинальных произведений. Рассмотрим следующий пример: «*Приятель троекратно облобызались и устремили друг на друга глаза, полные слез*» (А.П. Чехов «Толстый и тонкий»). Фраза «*устремили глаза друг на друга*» передана в тексте перевода как «*وحقق كل منهما في الآخر*», что дословно означает «они стали пялиться друг на друга». В данном случае мы можем констатировать наличие определенной ошибки, которая, как нам представляется, обусловлена недостаточным знанием языка или пониманием оригинала. Тогда как в контексте рассказа А.П. Чехова два старых приятеля, не видевшихся долгое время и неожиданно встретившихся, несколько растеряны, не находясь сразу как вести себя и что сказать, хотя, безусловно, рады встречи («*глаза полные слез*») – это и предопределяет особенности их реакции. На наш взгляд, в тексте оригинала могут быть вычленены такие подтекстовые компоненты данной фразы, как «удивление» (неожиданная встреча), «интерес» (кем/каким стал старый знакомый), «желание разглядеть друг друга» (как он изменился), «переполненность эмоциями» (глаза полные слез) и т. п. Тогда как использование глагольной единицы «пялиться», как нам кажется, изменяет значение данной фразы, заложенное в оригинальном произведении А.П. Чехова.

В противоположность вышеприведенному, в примере, что мы уже демонстрировали выше: «Он несколько не сконфузился», который передан переводчиком как: «*لم يشعر تشرفياكوف بأي حرج*» («он не почувствовал никакого стыда»), сопоставление лексических единиц «skonfuzilsya» и «почувствовать стыд» позволяет нам говорить об ослаблении эмоциональной окраски фразы «чувствовать стыд» в сопоставлении с единицей «skonfuzitsya», кроме того, как нам представляется, глагол «skonfuzitsya» обладает целым спектром оттенков значения («почувствовать неловкость, смущение»), которые отсутствуют у выражения «чувствовать стыд». А это позволяет нам говорить об ослаблении эмоционального компонента в тексте перевода.

Резюмируя, отметим, что, транслируя любой текст на другой язык, важно не только передать его содержание, но и уловить и отразить в переводе оттенки значения, предопределенные национально-культурным своеобразием языка, средствами которого соз-

дан оригинал, найти адекватные соответствия для реалий, которые отсутствуют в языке перевода, а также постараться, насколько это возможно, передать личностное отношение и эмоциональный настрой автора оригинала, что, как показали результаты исследования, не всегда достигается при переводе.

Список литературы

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение: учебное пособие. М., 2004.
2. Амирьянц И.А., Самир ат-Тайяр. Иракский этикет [Электронный ресурс] // Этикет у народов Передней Азии. М., 1988. URL: <https://geo.1sept.ru/article.php?ID=200201910>. (дата обращения: 12.04.2023).
3. Антипов Г.А., Донских О.А., Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Текст как явление культуры. Новосибирск, 1989.
4. Ахунов А.М. Основы этнографии стран Арабского Востока. Казань, 2014.
5. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М., 1975.
6. Бельчиков Ю.А. Стилистика и культура речи. М., 2000.
7. Вежицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М., 2001.
8. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 2005.
9. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М., 2001.
10. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. М., 1986.
11. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы). М., 2008.
12. Данилова В.А. Стратегии и средства передачи культурно значимой информации в переводах романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» на португальский язык: дис. канд. ... филол. наук. М., 2022.
13. Кабакчи В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. СПб., 1998.
14. Комиссаров В.Н. Культурно-этнографическая концепция перевода // Сборник научных трудов Московского государственного лингвистического университета. 1991. № 375. С. 15–19.
15. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: курс лекций. М., 1999.
16. Кретов А.А., Фененко Н.А. К типологии реалий и лакун // Социокультурные проблемы перевода: сб. науч. тр. Вып. 10. Воронеж, 2012. С. 39–45.
17. Лютавина Е.А. Реалии как лингвистическое явление // Молодой ученый. 2015. № 14(94). С. 488–490.
18. Маслова В.А. Лингвокультурология: учебное пособие для вузов. М., 2021.
19. Найда Ю. К науке переводить. Принципы соответствий // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике / Под ред. В.Н. Комиссарова. М., 1978. С. 121–179.
20. Ревзин И.И., Розенцвейг В.Ю. Основы общего и машинного перевода: учебное пособие. М., 1964.
21. Розенталь Т.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976.
22. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
23. Томахин Г.Д. Теоретические основы лингвострановедения. М., 2007.
24. Фененко Н.А. Французские реалии в контексте теории языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2006.
25. Филатов В.Д. Локальная маркированность фразеологических единиц // Сборник научных трудов Московского государственного лингвистического университета. 1981. Вып. 171. С. 357–362.
26. Чернов Г.В. Вопросы перевода русской безэквивалентной лексики на английский язык: дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.

* * *

1. Alekseeva I.S. Vvedenie v perevodovedenie: uchebnoe posobie. M., 2004.
2. Amir'yanc I.A., Samir at-Tajyar. Irakskij etiket [Elektronnyj resurs] // Etiket u narodov Perednej Azii. M., 1988. URL: <https://geo.1sept.ru/article.php?ID=200201910>. (data obrashcheniya: 12.04.2023).
3. Antipov G.A., Donskih O.A., Markovina I.Yu., Sorokin Yu.A. Tekst kak yavlenie kul'tury. Novosibirsk, 1989.

4. Ahunov A.M. Osnovy etnografii stran Arabskogo Vostoka. Kazan', 2014.
5. Barhudarov L.S. Yazyk i perevod. M., 1975.
6. Bel'chikov Yu.A. Stilistika i kul'tura rechi. M., 2000.
7. Vezhbickaya A. Sopostavlenie kul'tur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki. M., 2001.
8. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Yazyk i kul'tura. M., 2005.
9. Vinogradov V.S. Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy). M., 2001.
10. Vlahov S.I., Florin S.P. Neperevodimoe v perevode. M., 1986.
11. Vorob'ev V.V. Lingvokul'turologiya (teoriya i metody). M., 2008.
12. Danilova V.A. Strategii i sredstva peredachi kul'turno znachimoy informacii v perevodah romana A.S. Pushkina «Evgenij Onegin» na portugal'skij yazyk: dis. kand. ... filol. nauk. M., 2022.
13. Kabakchi V.V. Osnovy angloyazychnoj mezhkul'turnoj kommunikacii. SPb., 1998.
14. Komissarov V.N. Kul'turno-etnograficheskaya koncepciya perevoda // Sbornik nauchnyh trudov Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 1991. № 375. S. 15–19.
15. Komissarov V.N. Sovremennoe perevodovedenie: kurs lekcij. M., 1999.
16. Kretov A.A., Fenenko N.A. K tipologii realij i lakun // Sociokul'turnye problemy perevoda: sb. nauch. tr. Vyp. 10. Voronezh, 2012. S. 39–45.
17. Lyutavina E.A. Realii kak lingvisticheskoe yavlenie // Molodoy uchenyj. 2015. № 14(94). S. 488–490.
18. Maslova V.A. Lingvokul'turologiya: uchebnoe posobie dlya vuzov. M., 2021.
19. Najda Yu. K nauke perevodit'. Principy sootvetstvij // Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoj lingvistike / Pod red. V.N. Komissarova. M., 1978. S. 121–179.
20. Revzin I.I., Rozencvejg V.Yu. Osnovy obshchego i mashinnogo perevoda: uchebnoe posobie. M., 1964.
21. Rozental' T.E., Telenkova M.A. Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov. M., 1976.
22. Teliya V.N. Russkaya frazeologiya: semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty. M., 1996.
23. Tomahin G.D. Teoreticheskie osnovy lingvostranovedeniya. M., 2007.
24. Fenenko N.A. Francuzskie realii v kontekste teorii yazyka: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Voronezh, 2006.
25. Filatov V.D. Lokal'naya markirovannost' frazeologicheskikh edinic // Sbornik nauchnyh trudov Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 1981. Vyp. 171. S. 357–362.
26. Chernov G.V. Voprosy perevoda russkoj bezekvivalentnoj leksiki na anglijskij yazyk: dis. ... kand. filol. nauk. M., 1998.

The transfer of the national and cultural specific features in the process of translating the stories “The Death of a Government Clerk” and “Thick and thin” by A.P. Chekhov into the Arabic language

The article deals with the analysis of the peculiarities of the translation of the stories “The Death of a Government Clerk” and “Thick and thin” by A.P. Chekhov into the Arabic language. There are revealed the semantic violations, appeared during the translation. The authors determine the changes, that are introduced in the essence of the original text at the linguistic and emotional-psychological level. There is demonstrated that to achieve an appropriate translation of the original it is important to reflect the contrasts of the meaning, that are conditioned by the national and cultural peculiarities, the personal attitude and the emotional behavior of the author of the original, parallel with the transfer of the content.

Key words: *appropriate translation, national and cultural specific features, ethnocultural markedness, reality, non-equivalent vocabulary, lacunes, Arabic linguoculture.*

(Статья поступила в редакцию 24.04.2023)

**КУЛЬТУРНО-МАРКИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА В ЛИРИКЕ С.А. ЕСЕНИНА
И СПОСОБЫ ЕЕ ПЕРЕДАЧИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК**

Анализируется культурно-маркированная лексика в лирических стихотворениях С.А. Есенина в оригинале и переводе на китайский язык. В данном исследовании уточняется понятие культурно-маркированной лексики, определяются ее типы в лирике С.А. Есенина и выявляются особенности передачи культурно-маркированной лексики при переводе стихотворений на китайский язык, устанавливаются сходства и различия между русскими лексическими единицами и их китайскими соответствиями.

Ключевые слова: культурно-маркированная лексика, имя собственное, этнографизм, безэквивалентная лексика, фоновые слова, транскрипция, описательный перевод, трансформационный перевод.

Произведения С.А. Есенина переведены на многие языки мира. Его творчество хорошо знают и любят в Китае. Стихи С.А. Есенина неоднократно переводились на китайский язык. При этом переводчику необходимо обладать межкультурной компетенцией, одним из компонентов которой является знание культурно-маркированной лексики. Данная лексика может отмечать национальные и культурные особенности как отдельной личности, так и лингвокультурного сообщества в целом. Исследователи выделяют разные группы слов в составе культурно-маркированной лексики. Вслед за И.Е. Аверьяновой, к культурно-маркированной лексике будем относить безэквивалентную лексику, в составе которой выделяются имена собственные и этнографизмы, а также фоновые слова [1, с. 44–45]. При изучении особенностей языка поэтических текстов исследователи обращают внимание на культурно-маркированную лексику и показывают возможность ее перевода на другие языки.

Сказанное выше определяет актуальность темы данной статьи, цель которой – определить виды культурно-маркированной лексики в лирике С.А. Есенина и проанализировать способы ее передачи при переводе стихотворений С.А. Есенина на китайский язык.

Материалом послужили стихотворения С.А. Есенина как на русском языке [7], так и на китайском в переводе Чжан Дзен Хуа [16]. Всего в 67 стихотворениях, отобранных для анализа, было выявлено и проанализировано 192 культурно-маркированных лексических единицы в оригинале и в переводе на китайский язык. При определении объема понятия культурно-маркированных лексических единиц использовались наиболее авторитетные лексикографические источники, фиксирующие лексику данного типа на русском языке [6; 14], при определении переводческих соответствий использовался «Новый китайско-русский словарь» О.В. Левиной [9].

Рассмотренный материал позволяет выделить две группы культурно-маркированной лексики в лирических стихотворениях С.А. Есенина: безэквивалентную лексику, к которой относятся имена собственные и этнографизмы, а также фоновые слова.

Имена собственные в стихотворениях С.А. Есенина, с одной стороны, помогают читателю окунуться в атмосферу Октябрьской революции, зарождения нового государства, а с другой стороны, служат напоминанием об истоках русского народа, помогают читателю вспомнить христианское назначение и уклад жизни крестьян начала XX в.

Все имена собственные в рассмотренных стихотворениях С.А. Есенина можно условно разделить на две группы.

Во-первых, это имена собственные, определяющие культурный фон в произведениях – имена писателей-классиков XIX в. (*Пушкин, Лермонтов, Кольцов, Некрасов, Грибоедов*), поэтов-современников С.А. Есенина (*Демьян Бедный, Маяковский, Клюев*), имена литературных героев (*Оливер Твист, Азамат, Казбич*); имена, связанные с революцией (*Ленин, Ильич, Маркс, Буденный, Перекоп*), а также с биографией поэта (*Есенина Татьяна, Татьяна, Сергей, Чагин, Качалов, Рязань*). Во-вторых, это имена собственные, характеризующие национальную культуру. К этой группе относятся этнонимы (*цыганка, англичане, печенег, японец*), а также имена, характеризующие русскую культуру (названия праздников, имена былинных героев и святых). Сюда же относятся топонимы *Россия* и *Русь*. Кроме того, здесь выделяется подгруппа имен, характеризующих восточную культуру из цикла «Персидские мотивы» (*Тегеран, Шираз, Хороссан, Лала, Шаганэ, Саади, Шахзада, Багдад, Евфрат, Фирдусь, Магомет, Коран*).

В произведениях С.А. Есенина встречаются и такие слова, которые характерны лишь для определенной местности. Это этнографизмы, которые определяются как названия предметов, понятий, характерных для быта, хозяйства какой-то национальной культуры, не адекватных каким-либо предметам или понятиям другой национальной культуры [11].

По определению В.В. Одинцова, этнографические слова в творчестве С.А. Есенина – это смесь старославянской книжной лексики, народного языка и говора рязанской деревни [10, с. 28]. Во многих стихотворениях С.А. Есенина наблюдается высокая концентрация этнографизмов на незначительном линейном отрезке текста.

В качестве характерного примера рассмотрим отрывок из стихотворения «В хате»:

*Пахнет рыхлыми драчёнами;
У порога в дежке квас,
Над печурками точёными
Тараканы лезут в паз* [7, с. 37].

В коротком четверостишии встречаем четыре культурно-маркированные лексические единицы, которые без специального этнографического комментария могут быть непонятны. В толковом словаре Д.Н. Ушакова *драчена* – блюдо русской, белорусской и отчасти украинской кухни, приготавливаемое из муки, яиц и молока [14]. *Дежка* – (уменьшительное к слову «дежа») – чаша для замеса теста емкостью от 100 до 600 л. Дежи бывают передвижные (одна месильная машина обслуживает несколько) или соединенные с месильной машиной, имеющей приспособление для поворачивания и опораживания [14]. *Паз* – узкая длинная щель, скважина между недостаточно плотно пригнанными бревнами, досками, плитами, металлическими листами. *Квас*, согласно словарю Д.Н. Ушакова, – это русский напиток, приготовляемый из солода, воды и различных сортов хлеба [14].

Имена собственные и этнографизмы относятся к безэквивалентной лексике, однако наряду с безэквивалентной лексикой в лирике С.А. Есенина также отмечаются фоновые слова. Это слова, которые имеют иноязычный эквивалент, но реалии, обозначаемые ими, существенно различаются. Они имеют особое эмоциональное значение для представителей русской культуры [8]. К таким словам в проанализированных стихотворениях С.А. Есенина относятся фитонимы (названия деревьев, растений) и названия природных явлений (*вьюга, метель, пороша*), которые раскрывают перед читателем образы русской природы. Это, прежде всего, *береза*, а также *ива, верба, ветла, ракета, черемуха*, сюда же относятся существительные с суффиксом -*як* с общим значением 'лес': *березняк, сосняк, ивняк*.

Анализ показал неоднородность способов передачи культурно-маркированной лексики на китайский язык.

В исследуемых стихотворениях С.А. Есенина используются 3 способа передачи культурно-маркированной лексики на китайский язык: транскрипция, описательный перевод, трансформационный перевод. С помощью транскрипции передается звуковой состав речи. В проанализированных стихотворениях С.А. Есенина этим способом передано 30 культурно-маркированной единиц.

Как отмечено выше, имена собственные используются С.А. Есениным при описании русского быта и упоминаются для воссоздания колорита эпохи. В китайском языке они, конечно, отсутствуют, поэтому основной способ их передачи – транскрипция. Транскрипция применяется переводчиком при передаче практически всех антропонимов. Например, *Сергей* – 谢尔盖; *Есенин* – 叶赛宁; *Андрей* – 安德; *Буденный* – 布琼尼; *Качалов* – 卡恰洛夫, а также топонимов (географических названий разных видов). Например, *Русь* – 罗斯; *Сибирь* – 西伯利亚; *Перекоп* – 佩列科普; *Урал* – 乌拉尔山; *Рязань* – 梁赞. Этот способ передачи собственных имен достаточно последовательно используется и при переводе стихотворений цикла «Персидские мотивы»: *Лала* – 拉拉; *Шаганэ* – 莎甘奈; *Саади* – 萨迪; *Шахразада* – 山鲁佐德; *Шираз* – 设拉子; *Босфор* – 博斯普; *Багдад* – 巴格达.

При переводе слов, не имеющих полных соответствий в принимающем языке, возникает проблема сохранения коннотаций национально-культурного плана. Например, *чайхана* – 茶馆 (переведено как «чайная», а 馆 – суффикс места действия). При таком переводе передается основное денотативное значение слова, но пропадает национальный, в данном случае восточный, колорит. Слово «*кабак*» – 酒馆 (переведено как «бар, место выпивки»). Смысловая нагрузка, как и в предыдущем случае, остается прежней, но национально-культурные коннотации теряются.

Для более точной передачи этнографизмов используется описательный перевод. Описательный перевод заключается в «раскрытии значения лексической единицы исходного языка при помощи ее дефиниции на языке перевода. Преимуществом описательного перевода является практически полное раскрытие сути описываемого явления, что исключает недопонимание как в случаях с транскрибированием и калькированием» [8, с. 101].

Например, слово «*баба*» переведено двумя иероглифами 农妇, означающими «*крестьянство*» и «*женщина*», т. е. «*баба*» в данном случае переводится как «*крестьянская женщина*». Так происходит своеобразная семантизация культурно-маркированной лексики: *косынка* – 头巾 (головной платок), *затон* – 水面 (место у воды), *хата* – 农舍 (крестьянская хижина), *драчены* – 烘饼 (жареная лепешка), *стога* – 草堆 (травяная куча), *шаль* – 披巾 (надетый на плечи платок), *образа* – 圣像 (святой облик), *бор* – 松林 (сосновый лес); *ухват* – 炉叉 (печная вилка). Всего с помощью описательного перевода было переведено 92 лексические единицы.

Еще один частотный способ перевода, используемый при передаче как этнографизмов, так и фоновых слов в лирике С.А. Есенина – трансформационный перевод. Л.С. Бархударов характеризует этот вид перевода следующим образом: «В ряде случаев при передаче безэквивалентной лексики приходится прибегать к перестройке синтаксической структуры предложения, к лексическим заменам с полным изменением значения исходного слова или же к тому и другому одновременно, то есть к тому, что носит название лексико-грамматических переводческих трансформаций» [2, с. 96]. Трансформационный перевод представляет собой передачу культурно-маркированной лексики при помощи какой-либо лексической, грамматической или стилистической трансформации. При трансформационном переводе чаще всего передается стилистическая окраска культурно-маркированной лексики. Это близкород-

ственное значение данного понятия, его синоним, а ее графическая сущность остается на заднем плане [2, с. 102]. Всего с помощью трансформационного перевода было переведено 70 лексических единиц.

Анализ показал преобладание трансформационного перевода двух типов – добавление и субституция. Добавление при трансформационном переводе подразумевает использование в переводе дополнительных слов, не имеющих соответствий в оригинале [2].

Часто при добавлении как разновидности трансформационного перевода на китайский язык культурно-маркированной лексики приписывается какая-нибудь новая, особенная характеристика, а значение исходного слова сужается. Например, «отрок». В словаре В.И. Даля это «подросток, юноша» [6]. Но для носителя китайского языка такого понятия не существует, а такие слова, как *отрочество* и *отроческие годы* совершенно не ясны для понимания. Именно поэтому переводчик прибегает к трансформационному переводу с добавлением. Иероглифы 金发少年 переводятся как «*золотоволосый юноша*» или «*золотоволосый молодой человек*». Здесь переводчик трансформирует лирический образ героя, делает его более наглядным.

Также довольно часто при переводе стихотворений С.А. Есенина можно встретить такой вид трансформационного перевода, как субституция. Субституция (замещение, замена) в широком смысле – замена одного слова другим при переводе. При данном виде трансформации изменяется семантика слова [15, С. 144]. Таким образом, происходит замена одной лексической единицы на другую, возможно, культурно-маркированную для носителей китайского языка, более близкую и понятную. Например, *черемуха* 稠李 – *густая слива*, *рогожа* 蒲席 – *тростниковая циновка*, *соловей* 夜莺 – *ночная иволга*.

При субституции как разновидности трансформационного перевода отмечаются случаи переводческих неудач, когда переводчик неправильно понял значение культурно-маркированного слова в тексте оригинала. Например, на месте слова *обедня*, обозначающего христианскую церковную службу, переводчик использует слово «песня» (歌) или на месте названия церковного православного праздника *Спас* приводит словосочетание «спасающий поколения» (救世主). В последнем случае переводчик не различает омографы. Однако такие примеры в рассмотренном материале единичны.

Проведенный анализ способов передачи культурно-маркированных лексических единиц из стихотворений С.А. Есенина показал следующие виды перевода культурно-маркированной лексики: транскрипция, описательный перевод, трансформационный перевод (добавление и субституция).

Преобладание описательного способа при переводе стихотворений С.А. Есенина на китайский язык объясняется тем, что большинство культурно-маркированных лексических единиц, используемых автором в стихотворениях, представляет определенную трудность при их передаче на китайский язык. На способ перевода определенно влияют лингвистические факторы (структурное различие языков). Именно поэтому описательный перевод культурно-маркированной лексики встречается чаще всего. Таким образом, переводчик дает пояснения, важные для понимания замысла лирического произведения, описывает те реалии, которые полностью или частично отсутствуют в китайском языке.

При этом каждый вид культурно-маркированной лексики имеет свою специфику передачи на китайский язык: имена собственные передаются преимущественно с помощью транскрипции, при передаче этнографизмов используется описательный перевод, фоновые слова в большинстве случаев переводятся при помощи описательного и трансформационного перевода.

Перспективы исследования мы видим в дальнейшем сопоставительном анализе стилистических особенностей стихотворений С.А. Есенина (к примеру, средств эмоциональности и выразительности) и их перевода на китайский язык с привлечением более широкого текстового материала.

Список литературы

1. Аверьянова И.Е. Русская культурно-маркированная лексика в англоязычных произведениях о России и Великой Октябрьской Социалистической революции: дис. ... канд. филол. наук. Днепропетровск, 1984.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М., 1975.
3. Бунеева Е.В. Ономастическое пространство поэм С.А. Есенина: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2011.
4. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Приемы и методы исследования культурно-маркированной лексики [Электронный ресурс]. URL: <http://libarch.nmu.org.ua/bitstream/handle/GenofondUA/30785/0b05ec71a910db35080829dc2c69700d.pdf?sequence=1> (дата обращения: 14.11.2020).
5. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. М., 1963.
6. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. М., 2007.
7. Есенин С.А. Собрание сочинений. В 6 т. / под общ. ред. В.Г. Базанова и др. М., 1977.
8. Комиссаров В.Н. Теория перевода. М., 2000.
9. Левина О.В. Новый русско-китайский и китайско-русский словарь. М., 2008.
10. Одинцов В.В. Стилистика текста. М., 2004.
11. Панькин В.М., Филиппов О.В. Языковые контакты: краткий словарь. М., 2011.
12. Святлова М.И. Образность культурно-маркированной лексики как особый маркер национального менталитета в русском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2014. № 1. С. 62–68.
13. Телия В.Н. Фразеология в контексте культуры. М., 1999.
14. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М., 1996.
15. Шадрин В.И. Университетское переводоведение: учебник. СПб., 2017.
16. 张建华, 主编, 叶赛宁诗选, 外语教学与研究出版社 - 北京, 2013. (Чжан Дзэн Хуа. Избранные стихотворения С.А. Есенина. Исследование иностранных языков. Пекин, 2013).

* * *

1. Aver'yanova I.E. Russkaya kul'turno-markirovannaya leksika v angloyazychnyh proizvedeniyah o Rossii i Velikoj Oktyabr'skoj Socialisticheskoy revolyucii: dis. ... kand. filol. nauk. Dnepropetrovsk, 1984.
2. Barhudarov L.S. Yazyk i perevod. M., 1975.
3. Buneeva E.V. Onomasticheskoe prostranstvo poem S.A. Esenina: dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2011.
4. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Priemy i metody issledovaniya kul'turno-markirovannoj leksiki [Elektronnyj resurs]. URL: <http://libarch.nmu.org.ua/bitstream/handle/GenofondUA/30785/0b05ec71a910db35080829dc2c69700d.pdf?sequence=1> (data obrashcheniya: 14.11.2020).
5. Vlahov S.I., Florin S.P. Neperevodimoe v perevode. M., 1963.
6. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. M., 2007.
7. Esenin S.A. Sobranie sochinenij. V 6 t. / pod obshch. red. V.G. Bazanova i dr. M., 1977.
8. Komissarov V.N. Teoriya perevoda. M., 2000.
9. Levina O.V. Novyj russko-kitajskij i kitajsko-russkij slovar'. M., 2008.
10. Odincov V.V. Stilistika teksta. M., 2004.
11. Pan'kin V.M., Filippov O.V. Yazykovye kontakty: kratkij slovar'. M., 2011.
12. Svyatova M.I. Obraznost' kul'turno-markirovannoj leksiki kak osobyj marker nacional'nogo mentaliteta v russkom yazyke // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. 2014. № 1. S. 62–68.
13. Teliya V.N. Frazzeologiya v kontekste kul'tury. M., 1999.
14. Ushakov D.N. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. M., 1996.
15. Shadrin V.I. Universitetskoe perevodovedenie: uchebnik. SPb., 2017.

The culturally marked vocabulary in the lyrics of S.A. Esenin and the ways of its transfer in the process of the translation into the Chinese language

The article deals with the analysis of the culturally marked vocabulary in the lyrical poems of S.A. Esenin in the original and the translation into the Chinese language. In the study there is specified the concept of the culturally marked vocabulary, there are defined its types in the lyrics of S.A. Esenin. The author reveals the peculiarities of the transfer of the culturally marked vocabulary in the process of the translation of the poems into the Chinese language. There are established the similarities and differences between the Russian lexical units and their Chinese equivalents.

Key words: *culturally marked vocabulary, proper name, ethnographism, non-equivalent vocabulary, background words, transcription, descriptive translation, transformational translation.*

(Статья поступила в редакцию 20.04.2023)

А.А. ГАРЬКУША
(Волгоград)

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА БРИТАНСКИХ ИППОНИМОВ

Представлен анализ иппонимов британского конноспортивного дискурса – кличек породистых лошадей Великобритании. Показано место иппонимов в системе имен собственных.

Представлен ономаσιологический анализ британских иппонимов, в результате которого выявлены принципы и способы номинации. Проведенное исследование показывает зависимость выбора кличек породистых лошадей от культурно-исторических традиций Великобритании.

Ключевые слова: *зоонимикон, конноспортивный дискурс, иппоним, принцип номинации, тематическая группа, способы номинации.*

Данное исследование посвящено зоонимикону британского конноспортивного дискурса. В «Словаре русской ономастической терминологии» зоонимика определяется как раздел ономастической системы, который изучает клички животных, историю их возникновения, закономерности развития и функционирования, а зоонимикон – как совокупность зоонимов определенного вида [8, с. 60]. Зоонимика имеет междисциплинарный характер, она находится на пересечении ономастики с социолингвистикой и лингвокультурологией.

Мы определяем зоонимикон конноспортивного дискурса как совокупность кличек породистых лошадей, или иппонимов, которые имеют определенную структуру и видоизменяются, исходя из различных факторов (исторических промежутков, правил именования, географии) [3, с. 243]. По сравнению с другими ономастическими разрядами зоонимика вообще и иппонимия в частности менее разработана. В отдельных исследованиях, посвященных иппонимам, показано, что этот класс зоонимической лексики

сильно отличается от других классов по ряду параметров: способам словообразования, особенностям мотивации, стилистической окраске [1, с. 47–83; 9, с. 151–157; 10, с. 55–63]. Кроме того, конноспортивный дискурс, ввиду своей динамичности, тоже представляет собой обширное поле для изучения, т. к. появляются новые виды конного спорта и меняются правила [3, с. 243]. А это, по нашим наблюдениям, приводит к языковым изменениям, прежде всего в сфере собственных имен, характерных для данного типа дискурса.

Британские иппонимы в этом отношении особенно показательны. Великобритания – основоположник мирового конного спорта, и любовь к лошадям является неотъемлемой частью британского национального характера. Британцы не только чтут традиции, связанные с глубокой историей конного спорта, но и развивают его, популяризируют в разных сферах, начиная от коневодства и заканчивая паспортизацией и спортивными аспектами. Древняя традиция коневодства в Великобритании привела к созданию специальных правил в наименовании лошадей. Англия считается первой страной, где стали регистрировать клички лошадей, что связано с развитием конного спорта с XVIII в. [6, с. 67].

С целью определения мотивированности иппонимов британского конноспортивного дискурса и выявления зависимости выбора иппонима от культурно-исторических традиций присвоения имени лошади мы провели ономаσιологический анализ 227 регламентированных кличек породистых лошадей крупнейших конных заводов Великобритании. Материал взят из национальных баз данных конных заводов, жокейских клубов и ассоциации конных заводчиков Великобритании. Анализ проводился исходя из понятий принципа и способа номинации.

Результаты исследования показали неоднородность британских иппонимов по способам образования, они различаются в зависимости от вида конного спорта и сложившихся традиций именования.

Основываясь на научных подходах к классификации иппонимов, представленных в работах О.А. Леоновича [6] и Е.Н. Варниковой [1, с. 47–83], и дополняя данные классификации материалами нашего анализа, которые демонстрируют особенности нейминга чистопородных британских лошадей, мы выявили 14 тематических групп, в основу которых положены два **принципа номинации**: символический и идентифицирующий.

I. Символические британские иппонимы даются без учета характерных особенностей лошади, они образованы от слов и словосочетаний, способных вызвать приятные ассоциации. Это названия следующих тематических групп:

- 1) природные явления (*Spring, Breeze*);
- 2) географические объекты (*Carolina, Atlantic Ocean*);
- 3) музыкальные термины (*Percussion*);
- 4) личные имена, в том числе иноязычного и литературного происхождения (*Neptune, Venus*);
- 5) абстрактные предметы с предполагаемым или облагораживающим символическим значением (*Dutch Art*);
- 6) должности или титулы (*Rajasinghe* – король королевства Ситавака);
- 7) представители фауны (*Red Kite, Salamander*).

II. К идентифицирующим относятся названия, указывающие на характерные признаки лошади. Здесь выделяются следующие тематические группы:

- 8) предполагаемые или действительные качества животного (*Considerate, Pensive*);
- 9) половая принадлежность (*Merry Boy, Fanny Lad*). В кличках жеребцов присутствуют элементы *Boy, Lad (Red Boy)*. В кличках кобыл частотны элементы *Girl, Lass, Miss (Invisible Lady)*;
- 10) связь с кличками родителей (*Festive + Coronation Day = Flags Flying*); Данная связь исходит из исторических традиций именования лошадей: включение семантичес-

ких элементов из кличек отца и матери. Однако этот способ именования в настоящее время не является обязательным;

- 11) черты внешности (*Arctic Angel*);
- 12) связь с понятием величия, царственности (*Regal Lady, The Old Pretender*);
- 13) связь с выигрышем, золотом, богатством (*Old Penny, Big Time Spender*);
- 14) фонетически созвучные и семантически связанные парные клички упряжных лошадей (*Thunder and Lighting, Pride and Prejudice*).

Проанализировав 227 иппонимов, мы выявили 161 символическую и 66 идентифицирующих номинаций. При этом идентифицирующие иппонимы характерны преимущественно для скаковых высокопородных лошадей. Среди них наиболее репрезентативна тематическая группа, в которой номинируются предполагаемые или действительные качества животного. Преобладание символических иппонимов говорит об относительной свободе выбора. Британцы зачастую не привязаны к правилам, к половой принадлежности лошади, исключения составляют клички скаковых высокопородных лошадей, именно поэтому тематический пласт иппонимов Великобритании достаточно обширен.

Следует отметить, что некоторые имена не укладываются в данную классификацию, особенно это относится к чистокровной верховой породе. Здесь встречается большое количество странных имен и самое большое количество ограничений. Нельзя использовать инициалы, имена людей без их письменного согласия, имена, имеющие коммерческое значение, вульгарные, непристойные также под запретом. Запрещается давать уже существующую кличку или созвучную. В запрещенный список попало более четверти миллиона слов [7], поэтому перед заводчиками стоит непростая задача – как назвать лошадь и не попасть под запрет. Так появляются на свет лошади с кличками – *Excuse My French* (Прошу прощения за мой французский), *Under the table* (Под столом), *Egyptian Rose* (Египетская роза) [11].

Разнообразные подходы к созданию британских иппонимов наблюдаются и при анализе **способов номинации**.

Английский лингвист Р. Коутс утверждал, что «система имен британских скаковых лошадей – это система полной онимической свободы» [12, с. 6]. Это означает, что в британском иппонимическом пространстве могут встречаться иппонимы, образованные не только от существительных и прилагательных, но и от других частей речи. В пример приводились: прилагательные (*Gradual, Magical*); фразы с прилагательными (*Great Sense Of Humor*); восклицания (*Wow, So Fresh*); словосочетания существительных (*Strong Wind*); императивы (*Sit Down, Let's Start*); глаголы (*Show*); глагольные фразы (*Accustomed To Winning*); предложения (*Creating My Own World, Only You Win*).

Определяя грамматические модели образования британских иппонимов, мы основываемся на классификации способов номинации у периферийных имен собственных, разработанной И.В. Крюковой [5, с. 166–180]. Для иппонимов британского конноспортивного дискурса характерны 3 способа номинации: лексико-семантический, лексико-синтаксический и комплексный.

Лексико-семантический способ подразумевает образование иппонимов на базе нарицательных существительных (онимизация) и имен собственных других классов (трансонимизация).

Путем онимизации в британском конноспортивном дискурсе выделяются клички, образованные от конкретных существительных (*Sun, Flower*) и абстрактных (*Love, Wisdom*), а также от заимствованных слов (*Hazard, Tycoon*).

Путем трансонимизации иппонимы образуются от антропонимов (*Tom, Basshus*), топонимов (*Marlow, Australia*) и фитонимов (*Ocean, Rain*).

Для характеристики качеств используются прилагательные (*Historic, Careless, Comfortable, Dangerous*) и глаголы (*Hypnotize, Demolish*). Всего выявлено 72% от общего количества кличек.

Лексико-синтаксическим способом созданы названия-словосочетания (соединение двух или более самостоятельных слов, связанных по смыслу и грамматически), например: *Moorland Snow Queen, Golden Samurai, Turkish Candle*. В Британской иппонимии также присутствуют иппонимы в виде развернутых словосочетаний и даже предложений (*Back Bay Barrister, Noon Time Spender, My Luck Runs North*). Всего выявлено 26% от общего количества кличек.

Комплексным способом созданы иппонимы, в которых существуют разные способы номинации, включающие специальные знаки и цифровые обозначения [3, с. 245]. В Британской иппонимии данный способ позволяет отразить в зоониме период рождения лошади, место рождения, номер стойла, номер тавро: *Loot 28, Majesty 2015, GLOCK's Zonik, GLOCK's Dream Boy*. Всего выявлено 2% от общего количества кличек. Кроме того, клички лошадей нередко дополняются заводскими приставками. В Британии самой известной приставкой является *Glock-* (*Glock Undercover*), зафиксированная для лошадей, принадлежащих крупнейшему заводу *Glock Horse Performance Center* [11].

При анализе способов номинации стоит также учитывать традицию британского конноспортивного дискурса подбирать несколько кличек для одной лошади. Существуют такие случаи, что у лошади изначально было одно имя, но для скачек подбирали совершенно другое. В пример можно привести знаменитую скаковую лошадь *Secretariat*. Изначально его звали *Big Red*, данная кличка не соответствовала уровню скачек, в которых участвовал жеребец.

Когда владелец прошел все этапы для подачи документов в жокей-клуб (сбор ДНК, подтверждение родословной), он отправляет шесть возможных кличек своей лошади, и уже жокей-клуб принимает окончательное решение [4].

В заключение отметим, что в британском конноспортивном дискурсе преобладают символические иппонимы, не связанные напрямую с характерными особенностями лошади. В способах номинации британских иппонимов встречаются не только существительные и прилагательные, но и другие части речи. Преобладает лексико-семантический способ образования, т. к. он более компактный. Кроме того, на выбор принципов и способов номинации в британском конноспортивном дискурсе влияют запрещенные списки, ограничивающие творчество номинатора, а также необходимость в ряде случаев давать одной лошади несколько имен, что значительно расширяет границы номинативного творчества.

Таким образом, иппонимы отражают культурные традиции именования, характерные для британского конноспортивного дискурса. Учет лингвокультурной специфики британских иппонимов представляется значимым для последующего сопоставительного исследования универсальных и культурно-специфичных особенностей нейминга породистых лошадей в разных странах.

Список литературы

1. Варникова Е.Н. Семантические и словообразовательные особенности кличек лошадей в истории русского языка (по данным переписных книг вологодских монастырей XVI – начала XVIII в.) // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 1. С. 47–83.
2. Выбор клички для лошади [Электронный ресурс]. URL: <http://nalugah.ru/zhivotnovodstvo/loshadi/kak-nazvat-loshad-spisok-imyon-i-klichek-loshadej.html> (дата обращения: 07.02.2023).
3. Гарькуша А.А. Зоонимикон конноспортивного дискурса // Ономастика Поволжья: материалы XX международной научной конференции, Элиста, 5–7 октября 2022 г. / сост. и ред. Н.А. Кичикова, В.И. Супрун. Волгоград, 2022. С. 242–246.
4. Ильясова А. Страны: Великобритания: культ лошади. Часть II [Электронный ресурс] // Gold Mustang. 2014. № 1(137). URL: <http://www.goldmustang.ru/magazine/countries/1384.html> (дата обращения: 22.01.2023).
5. Крюкова И.В. Периферийные разряды ономастики // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований: коллективная монография. Майкоп, 2017. С. 166–180.
6. Леонович О.А. Введение в англоязычную ономастику: учебное пособие. М., 2015.

7. Об охранных кличках [Электронный ресурс]. URL: <http://horseexpert.ru/razwed/pasport/klk-pr.html> (дата обращения: 22.01.2023).
8. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А.В. Суперанская. М., 1988.
9. Романова Т.П. Основные семантические компоненты иппонима и структура иппонимического поля // Вопросы ономастики. Вып. 19: Номинация в ономастике. Свердловск, 1991. С. 151–157.
10. Рядченко Н.Г. Из наблюдений над русской зоонимией // Русская ономастика. Одесса, 1984. С. 55–63.
11. Штатнова Е. Великобритания: культ лошади [Электронный ресурс] // Gold Mustang. 2013. № 12(136). URL: <http://www.goldmustang.ru/magazine/countries/1328.html> (дата обращения: 22.01.2023).
12. Coates R. We are surrounded by onymies: relations among names, nametypes, and terminological categories // Names in Daily Life: Proceedings of the XXIV ICOS International Congress of Onomastic ScienceS. Barcelona, 2014 P. 6–13.

* * *

1. Varnikova E.N. Semanticheskie i slovoobrazovatel'nye osobennosti klichek loshadej v istorii russkogo yazyka (po dannym perepisnyh knig vologodskih monastyrej XVI – nachala XVIII v.) // Voprosy onomastiki. 2020. T. 17. № 1. S. 47–83.
2. Vyor klichki dlya loshadej [Elektronnyj resurs]. URL: <http://nalugah.ru/zhivotnovodstvo/loshadej/kak-nazvat-loshad-spisok-imyon-i-klichek-loshadej.html> (data obrashcheniya: 07.02.2023).
3. Gar'kusha A.A. Zoonimikon konnosportivnogo diskursa // Onomastika Povolzh'ya: materialy XX mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Elista, 5–7 oktyabrya 2022 g. / sosT. i red. N.A. Kichikova, V.I. Suprun. Volgograd, 2022. S. 242–246.
4. Il'yasova A. Strany: Velikobritaniya: kul't loshadej. Chast' II [Elektronnyj resurs] // Gold Mustang. 2014. № 12(137). URL: <http://www.goldmustang.ru/magazine/countries/1384.html> (data obrashcheniya: 22.01.2023).
5. Kryukova I.V. Periferijnye razryady onomastiki // Teoriya i praktika onomasticheskikh i derivatologicheskikh issledovanij: kollektivnaya monografiya. Majkop, 2017. S. 166–180.
6. Leonovich O.A. Vvedenie v angloyazychnuyu onomastiku: uchebnoe posobie. M., 2015.
7. ta obrashcheniya: 22.01.2023).
8. Podol'skaya N.V. Slovar' russkoj onomasticheskoy terminologii / Otv. red. A.V. Superanskaya. M., 1988.
9. Romanova T.P. Osnovnye semanticheskie komponenty ipponima i struktura ipponimicheskogo polya // Voprosy onomastiki. VyP. 19: Nominaciya v onomastike. Sverdlovsk, 1991. S. 151–157.
10. Ryadchenko N.G. Iz nablyudenij nad russkoj zoonimiej // Russkaya onomastika. Odessa, 1984. S. 55–63.
11. Shtatnova E. Velikobritaniya: kul't loshadej [Elektronnyj resurs] // Gold Mustang. 2013. № 12(136). URL: <http://www.goldmustang.ru/magazine/countries/1328.html> (data obrashcheniya: 22.01.2023).

The linguocultural specific features of the British hipponyms

The article deals with the analysis of the hipponyms of the British horseriding discourse – the names of the pedigreed horses in Great Britain. There is demonstrated the place of the hipponyms in the system of the proper names. The author presents the onomasiological analysis of the British hipponyms, there are revealed the principles and ways of the nomination as their result. The conducted study demonstrates the dependence of the choice of the names of the pedigreed horses on the cultural and historical traditions of Great Britain.

Key words: *zoonymicon, horseriding discourse, hipponym, principle of nomination, thematic group, ways of nomination.*

(Статья поступила в редакцию 25.04.2023)

**ПРИЕМЫ УБЕЖДЕНИЯ И МАНИПУЛИРОВАНИЯ В ДИАЛОГАХ ВРАЧА
И ПАЦИЕНТА (на материале рассказов М.А. Булгакова и А.П. Чехова)**

Рассматриваются приемы убеждения и манипулирования в рамках медицинского дискурса (общение пациента и врача в ходе оказания медицинской помощи на материале художественных текстов). Выявлены наиболее частотные и действенные виды аргументов: к вере и страху; определены менее эффективные и редкие: к авторитету и невежеству.

Отмечено, достигнута ли при этом цель коммуникации и профессиональная цель (оказание полноценной помощи пациенту, облегчение боли). Констатированы повторы фактора тематической уместности (в зависимости от того, кто пришел на прием к врачу) и фактор свидетеля.

Ключевые слова: *медицинский дискурс, диагностирующая стратегия, манипулирование, тактика убеждения, тактика сближения.*

Каждое дискурсивное действие реализуется с помощью дискурсивных стратегий, которые являются «целенаправленным коммуникативным усилием участника дискурса по повышению <...> воздействия на адресата» [3, с. 16]. Дискурсивные стратегии, в свою очередь, состоят из определенных тактик, т. е. риторических, стилистических, визуальных приемов, усиливающих коммуникативное воздействие на аудиторию [4, с. 26].

Медицинский дискурс – хорошо прописанный, канонический тип профессионального взаимодействия людей, различающихся по социальному статусу, возрасту, профессии и пр., попавших в медицинское учреждение с единой целью – получить медицинскую помощь. Названный выше вид дискурса имеет разные формы: общение между коллегами-врачами (как официальное, так и неофициальное), между врачом и пациентом, а также его семьей, научная лекция в медицинском вузе, ведение медицинской документации (оформление медицинских карт, составление анамнеза больного, запись его истории болезни в течение жизни, оформление справок и больничных листов).

Ведущая цель медицинского дискурса, который ежедневно происходит в каждом медицинском учреждении, – это оказание высококвалифицированной помощи пациенту, умение убедить больного в необходимости лечения по той или иной траектории. Каждый из нас обращался в медицинское учреждение с различными проблемами со здоровьем, однако пациент не всегда полностью доверяет свою жизнь и здоровье врачу. На это могут быть разные причины, но врач, являющийся компетентным, имеющий соответствующий опыт, должен быть и хорошим психологом, который владеет тактикой убеждения, разрушая все доводы пациента, если тот усомнился в предложенных методах лечения. Кажется, что ситуация рядовая, только именно в этот момент врач также помогает пациенту, который на грани отказа от предложенного метода.

В медицинском дискурсе, рождающемся между пациентом и врачом в ежедневных стандартных ситуациях, чаще всего встречается диагностическая стратегия. Диагностика – важный и неотъемлемый процесс перед основным лечением, однако именно в диагностической стратегии часто можно встретить тактику убеждения, т. к. типичный пациент при озвучивании серьезного диагноза и неблагоприятного для него исхода старается порой не принимать услышанную информацию, отвергает все возможные доводы, даже если диагноз подтвержден с помощью ультразвукового, лабораторного и других видов исследования. Информативность медицинского общения реализуется через цепочку по-

следовательно сменяющих друг друга и взаимопроникающих информативных стратегий (диагностирующая, лечащая, рекомендующая) [2].

Речь убеждающая (англ. forensic oratory), или, в античной терминологии, совещательная – «когда перед говорящим стоит задача изменить мнение слушателей или побудить их выполнить какое-либо действие» [4, с. 19]. Такая же задача стоит и перед врачом, который должен донести нужную информацию и корректно изменить мнение больного. Человек очень часто «действует на основе имеющихся у него убеждений», и поэтому «изменение убеждений является одновременно изменением его поведения» [4, с. 21]. На помощь врачу приходит убеждение, построенное на логическом обосновании, для того чтобы добиться согласия от пациента. Убеждение, по мнению Е.Н. Зарецкой, имеет особый механизм: так, «человек имеет систему взглядов. Сначала нужно набрать значительное, а точнее – достаточное количество аргументов, которые бы доказали несостоятельность точки зрения речевого оппонента. Это называется вытеснением. Необходимо вытеснить из его сознания ту систему взглядов, которая там была. После того, как вытеснение произошло, в мозгу речевого оппонента образуется вакуум. В этот момент важно приступить к тому, чтобы заполнить его своей системой убеждений посредством новой системы аргументов. Этот второй этап и вторая процедура называется замещением. Уже пустующее место в сознании другого человека занимает новая нужная концепция. Это и называется – убедить» [4, с. 57]. Тактика убеждения является общей для различных стратегий медицинского дискурса, нередко может сочетаться с разными тактиками одновременно. Однако комплексное использование тактик может не привести к успеху, если врач не смог выбрать наиболее подходящие для конкретного случая, а также если специалист не владеет речевой компетенцией.

В нашем исследовании мы провели анализ диалогов между врачом и пациентом, в которых доктор использует стратегию убеждения. Материалом исследования послужили художественные произведения писателей-классиков М.А. Булгакова и А.П. Чехова.

Вначале обратимся к «Запискам юного врача» М.А. Булгакова. В произведениях этого цикла много ярких примеров убеждения, поскольку герой-врач часто находится в сложных и экстремальных ситуациях, где нужно предпринимать активные риторические действия. Так, в рассказе «Стальное горло» повествуется о том, как бабушка и мать привезли больную дифтерией крупную девочку, которая уже пять дней находилась в тяжелом состоянии и не могла нормально дышать. Доктор предлагает единственно верное решение:

– Вот что, – сказал я, удивляясь собственному спокойствию, – дело такое. Поздно. Девочка умирает. И ничто ей не поможет, кроме одного – операции. (аргументы от тезиса к подтверждению).

Даже такой веский аргумент, как смерть ребенка, был для женщин неубедителен. Они не соглашались на операцию.

– Нужно будет горло разрезать пониже и серебряную трубку вставить, дать девочке возможность дышать, тогда, может быть, спасем ее, – объяснил я.

– Что ты! Не давай резать! Что ты? Горло то?!

Мать не давала девочку, когда увидела шприц, но мы ей объяснили, что это не страшно.

– Может, это ей поможет? – спросила мать.

– Нисколько не поможет.

Тогда мать зарыдала.

– Перестань, – промолвил я. Вынул часы и добавил: – Пять минут даю думать. Если не согласитесь, после пяти минут сам уже не возьмусь делать.

– Не согласна! – резко сказала мать.

– Нет нашего согласия! – добавила бабка.

– Что вы, с ума сошли? Как это так не согласны? Губите девочку. Соглашайтесь. Как вам не жаль?

– Нет! – снова крикнула мать.

– Ну, скорей, скорей соглашайтесь! Соглашайтесь! Ведь у нее уже ногти синеют.

– Нет! Нет

– Ну, что же, уведите их в палату, пусть там сидят.

Их увели через полутемный коридор. Я слышал плач женщин и свист девочек. Фельдшер тотчас же вернулся и сказал:

– Соглашайтесь!

Во фразах врача есть не только убеждение, но и психологическое давление (*соглашайтесь, девочка умирает* и пр.), а также вербальное внушение, перебиваемое аргументами. Можно проследить психологическую аргументацию, а именно аргумент к вере, представляющий собой «обещание с целью побудить адресата к определенным действиям» [5, с. 497]. Врач пытается изменить мнение женщин, вытеснить их аргументы, заменив своими, он акцентирует внимание на том, что девочку можно спасти только посредством проведения операции, исключая другие варианты. Он дает разъяснения, которые показывают необходимость и успешность операции, заставляет женщин поверить лишь в этот единственный возможный путь решения проблемы.

В репликах врача есть тематическая уместность, обусловленная тем, что он должен убедить простых деревенских и малообразованных женщин в необходимости операции. Он использует сниженный стиль речи (*помрет, о чем ты думала, морила девочку, что прикажешь делать, уйди, бабка*), что также позволяет сказать о применении фактора уместности (такой стиль и поведение врача необходимы, поскольку это внештатная ситуация, нужны были стремительные действия). Кроме того, следует отметить фактор места и времени: врач выбирает такой стиль общения именно потому, что в тот момент спор отвлечет от пациентки и все может закончиться летальным исходом, чего нельзя допустить, поэтому доктор старается быть на равных, убедить как можно быстрее. В ситуации общения врача и пациента в спокойной и рядовой обстановке не допускается обращения на «ты», переход на личность и оскорбления, однако в приведенном выше примере цель – доказательство своей правоты в битве не просто за здоровье, а за жизнь ребенка. В реплике врача используется еще критерий релевантности, а именно рациональные аргументы: он говорит четко о ситуации, о том, что нужно делать для излечения маленькой пациентки.

В репликах врача есть фактор цели, т. к. доктор должен убедить женщин и начать спасительную операцию. Кроме того, задействована эристическая аргументация, цель которой – победа над противником в споре, однако итогом может быть ссора, что и произошло до соглашения на операцию.

В рассказе «Вьюга» повествуется о несчастном случае, произошедшем с молодой женой конторщика в день венчания, которая умирает от удара, упав с саней. Мужчина обезумел от этого горя и не мог прийти в себя. Врач видит: ему нужна инъекция успокоительного. Тогда утром можно будет сказать ему о смерти жены и о том, что шанса спасти ее не было. В рассказе находим фразу врача:

– Если вы не дадите себе впрыснуть лекарство, мы ничего не можем делать. Вы нас мучаете, работать мешаете!

Тогда он согласился; тихо плача, снял пиджак, мы откатали рукав его праздничной жениховской сорочки и впрыснули ему морфий.

Доктору в данной ситуации удастся убедить, потому что у пациента нет выбора. Как видим, применяются психологические аргументы (психологическое давление на оппонента, выражающееся в применении аргумента к вере: нужно успокоиться и довериться врачу, чтобы он смог помочь и сделать качественно свою работу – попытаться спасти женщину). Используется фактор тематической уместности экспрессивности речи врача в сложной ситуации, требующей спокойной обстановки для оказания помо-

щи и согласия пациента. Автор использует в реплике врача гиперболизацию: *мы ничего не можем делать*. Подчеркивается необходимость помочь врачам и дать возможность сделать инъекцию. Здесь используется нисходящая аргументация (от сильного (*ничего не можем делать*) к слабым (*мучаете, мешаете работать*)).

В рассказе «Египетская тьма» герой-пациент – интеллигентный мельник, ставший вначале приятной неожиданностью для молодого врача, который привык к несговорчивым деревенским жителям.

– *Вот что, голубчик, – говорил я, постукивая по широчайшей теплой груди, – у вас малярия. Перемежающаяся лихорадка... У меня сейчас целая палата свободна. Очень советую ложиться ко мне. Мы вас как следует понаблюдаем. Начну вас лечить порошками, а если не поможет, мы вам впрыскивания сделаем. Добьемся успеха. А? Ложитесь?*

– *Покорнейше вас благодарю! – очень вежливо ответил мельник. – Наслышаны об вас. Все довольны. Говорят, так помогаете... И на впрыскивания согласен, лишь бы поправиться* [4, с. 11].

В отрывке художественного текста есть фактор тематической уместности: врач и пациент любезно говорят друг с другом (средний стиль речи), т. к. не возникло привычного спора или несогласия, пациент доверяет доктору, потому что наслышан о нем. Врач использует логические аргументы (факты, четкий диагноз) в сочетании с психологическими (аргумент к вере: успех будет в случае выполнения всех предписаний доктора). Есть фактор доверия, т. к. пациент не пререкается, а полностью доверяется врачу. Используется восходящая аргументация: от второстепенных к сильному аргументу (*добьемся успеха*).

Далее в главе рассказывается о пациентке, которая превысила дозировку белладонны, что привело врача в замешательство, т. к. женщина должна была непременно отравиться от такого количества препарата, но никаких признаков доктор не обнаружил. Тогда он позвал на помощь фельдшера, который быстро раскрыл обман:

– *Бабочка, ты нам очков не втирай, – сурово, искривив рот, говорил Демьян Лукич, – мы все досконально понимаем. Сознавайся, кого лечила этими каплями?*

– *Вот чтоб мне...*

– *Брось, брось... – бубнил Демьян Лукич и обратился ко мне: – Они, доктор, ведь как делают. Съездит такая артистка в больницу, выпишут ей лекарство, а она придет в деревню и всех баб угостит.*

– *Что вы, гражданин фершал...*

– *Брось! – отрезал фельдшер. – Я у вас восьмой год. Знаю. Конечно, раскапала весь флакончик по всем дворам, – продолжал он мне.*

– *Еще этих капелек дайте, – умильно попросила баба.*

– *Ну, нет, бабочка, – ответил я и вытер пот со лба, – этими каплями больше тебе лечиться не придется. Живот полегчал?*

– *Прямо-таки, ну, рукой сняло!..*

– *Ну вот и превосходно. Я тебе других выпишу, тоже очень хорошие.*

В словах Демьяна Лукича есть аргумент к страху, в основе которого «воздействие на поведение человека с помощью шантажа или угрозы» [5, с. 412]. Доктор использует в речи глагол в повелительном наклонении «сознавайся». Медики показывают женщине свою убежденность в том, что они уже все поняли, знают по опыту, что она давала назначенное ей лекарство другим людям, поэтому уместно сказать о факторе свидетеля. Использован еще фактор ситуативной уместности (реплики врачей носят угрожающий характер, они боятся, что пациентка дала лекарство другим людям и могла нанести вред их здоровью по незнанию). Присутствует психологический аргумент к страху: фельдшер говорит о том, что женщина могла дать всем знакомым попробовать лекарство, это может привести к плохим последствиям для их здоровья, в том числе и летальному исходу. Аргументация восходящая: от второстепенных доводов к главному (*живот полегчал*, а это значит, что больше белладонну давать не надо).

В рассказе «Пропавший глаз» врач попадает в сложную ситуацию: к нему приходит мать с младенцем и просит дать капель, однако врач убежден, что ребенку срочно нужна операция, т. к., предположительно, у него вместо глаза – опухоль. Он уже мысленно представляет процесс ее удаления, однако мать категорически против:

- *Что ж ему, без глаза, что ли, оставаться?*
- *Нету у него глаза, говорю тебе...*
- *А третьего дни был! – отчаянно воскликнула баба.*
- *Не знаю, может, и был... черт... только теперь нету... И вообще, знаешь, милая, вези ты своего младенца в город. И немедленно, там сделают операцию... Демьян Лукич, а?*

В контексте мы видим использование фактора цели (эристическая аргументация, с помощью которой автор пытался убедить женщину согласиться на операцию, однако спор и убеждение закончились ссорой). Можно отметить присутствие фактора свидетеля, т. к. доктор спрашивал подтверждение своей рекомендации у фельдшера, чтобы женщина поверила в необходимость такого хирургического вмешательства. Кроме того, используется аргумент к вере с целью побудить адресата делать именно так, чтобы спасти глаз ребенка. Однако анализируемый пример интересен тем, что доводы, приводимые врачом, не повлияли на решение женщины, она отказалась делать операцию ребенку. Убеждение не достигло конечной цели. Врач увидел, что ситуация не связана с риском для жизни, решение о принятии крайних мер может подождать, помимо этого, доктор был сконфужен, в конце разговора начал сам сомневаться в предложенном методе лечения и стал отправлять женщину в город, где есть более опытные и высококвалифицированные специалисты.

Обратимся к следующему рассказу «Звездная сыпь», где на прием пришел пациент, у которого врач обнаружил сифилис. Пациент не поверил доктору, однако молодой врач не сдался, т. к. больному необходимо было экстренное лечение. Пациент же видел лишь один волнующий его симптом – большую глотку. Врач дает мужчине лекарство, которое лечит в комплексе болезнь, включая глотку. Именно так, «пойдя навстречу» пациенту, врач добивается его согласия.

- *Вы будете делать втирания. Вам дадут шесть пакетиков мази. Будете втирать по одному пакету в день... вот так...*
- *И я наглядно и с жаром показал, как нужно втирать, и сам пустую ладонь втирал в халат...*
- *...Сегодня – в руку, завтра – в ногу, потом опять в руку – другую. Когда сделаете шесть втираний, вымоетесь и придете ко мне. Обязательно. Слышите? Обязательно! Да! Кроме того, нужно внимательно следить за зубами и вообще за ртом, пока будете лечиться. Я вам дам полоскание. После еды обязательно полощите...*
- *И глотку? – спросил пациент хрипло, и тут я заметил, что только при слове «полоскание» он оживился.*
- *Да, да, и глотку.*

В контексте, как видим, использованы логические аргументы (факты, опора на научные труды, медицинскую литературу и практику); нисходящая аргументация (от сильного аргумента (озвучивание точно поставленного серьезного заболевания) к перечню нужных действий в ходе лечения, в разговоре акцент на большую глотку, которая и беспокоила пациента). Еще один довод – аргумент к страху (угроза серьезности ситуации, если не лечиться, возможность заражения всей семьей). Мы могли убедиться, что в диалоге присутствует фактор цели (кооперативная), поскольку доктор понял, что с этим пациентом будет трудно, развить конфликт не нужно, иначе он вообще не станет лечиться, поэтому он решил согласиться с локальным лечением глотки, однако добавил и другие процедуры – втирание в другие части тела.

Теперь обратимся к произведению «Палата № 6» А.П. Чехова, где также находим диалоги пациента и врача, в которых доктор во время беседы с больным о том, почему

пациент оказывается в больнице и почему это так несправедливо по отношению к нему, пытается успокоить, убедить больного:

– А за что вы меня здесь держите?

– За то, что вы больны.

– Да, болен. Но ведь десятки, сотни сумасшедших гуляют на свободе, потому что ваше невежество неспособно отличить их от здоровых. Почему же я и вот эти несчастные должны сидеть тут за всех, как козлы отпущения? Вы, фельдшер, смотритель и вся ваша больничная сволочь в нравственном отношении неизмеримо ниже каждого из нас, почему же мы сидим, а вы нет? Где логика?

– Нравственное отношение и логика тут ни при чем. Все зависит от случая. Кого посадили, тот сидит, а кого не посадили, тот гуляет, вот и все. В том, что я доктор, а вы душевнобольной, нет ни нравственности, ни логики, а одна только пустая случайность.

– Этой ерунды я не понимаю... – глухо проговорил Иван Дмитрич и сел на свою кровать.

Находим здесь психологический прием техники двойных стандартов: врач Андрей Ефимович Рагин и на стороне пациента Ивана Дмитриевича Громова, понимает его позицию, и в то же время он старается убедить его в том, что пациенту необходимо остаться. Используется при этом аргумент к вере: пациент должен поверить, что это необходимо, иначе его поймают полиция; а также аргумент к страху: общество непобедимо, оно оградило себя от преступников и психически больных людей. Привлекается аргумент к традиции, представляющий собой «апелляцию к сложившейся в обществе “системе образцов, норм и правил”» [5, с. 467]: тюрьмы существуют для правонарушителей, психбольницы – для душевнобольных. Парадоксальность речи Андрея Ефимовича заключена в абсурдной гиперболизации: доктор говорит, что единственный выход для Ивана Дмитриевича – побег, однако упоминает невозможность уйти из больницы, потому что беглеца задержат, что приводит пациента к мысли смириться со своей судьбой. В речи А.Е. Рагина используется гипотипозис: он рисует картину будущего, чтобы воодушевить пациента, ведь в будущем не будет ни тюрем, ни психбольниц и в целом любых «решеток». В приведенном контексте сочетается сразу несколько видов аргументов, т. к. врач общается с душевнобольным пациентом, требующим более долгой беседы разъяряющего характера. Андрей Ефимович выступает больше как друг, соратник, который дает возможность больному отвести душу. Аргументация восходящая, т. к. сильный аргумент располагается в конце – случайность, все люди ходят под богом, неизвестно, кто будет в больнице или тюрьме, а кто – на свободе.

Еще один яркий рассказ А.П. Чехова, где происходит конфликт между врачом и пациентом, – «Хирургия». В нем дважды встречаются диалоги, которые происходят во время приема фельдшером дьячка, обратившегося с больным зубом. При этом фельдшер лишь заменяет отсутствующего врача и хорошо вживается в роль, он уверен в себе, тогда как на деле показывает полный непрофессионализм:

– Пустяки... – скромничает фельдшер, подходя к шкапу и роясь в инструментах. – Хирургия – пустяки... Тут во всем привычка, твердость руки...

Раз плюнуть... Намедни тоже, вот как и вы, приезжает в больницу помещик Александр Иваныч Египетский... Тоже с зубом... Человек образованный, обо всем расспрашивает, во все входит, как и что. Руку пожимает, по имени и отчеству... В Петербурге семь лет жил, всех профессоров перенюхал... Долго мы с ним тут... Христом-богом молит: вырвите вы мне его, Сергей Кузьмич! Отчего же не вырвать? Вырвать можно. Только тут понимать надо, без понятия нельзя... Зубы разные бывают. Один рвешь щипцами, другой козьею ножкой, третий ключом... Кому как.

– Ну-с, раскройте рот пошире... – говорит он, подходя с щипцами к дьячку. – Сейчас мы его... тово... Раз плюнуть... Десну подрезать только... тракцию сделать по вертикальной оси... и все... (подрезывает десну) и все...

– Благодетели вы наши... Нам, дуракам, и невдомек, а вас господь просветил...

– Не рассуждайте, ежели у вас рот раскрыт...

Можно отметить, что в диалоге применен психологический аргумент – аттракция (отсылка на собственный опыт, удачные до этого удаления зубов у известного пациенту человека, отсылка на его значимость, что именно такой интеллигентный человек обратился к фельдшеру Курятину). Аргумент к авторитету, представляющий собой «ссылку на мнение лиц, пользующихся признанием или влиянием в определенной сфере общественной деятельности» [5, с. 413], отмечен нами в ситуации, когда фельдшер приводит в пример своего пациента, известного помещика, который доверился именно ему. Хрия отражена в назидательном рассказе об истории помещика и его успешном излечении в качестве примера позитивной практики фельдшера. В диалоге дана нисходящая аргументация (от сильного к слабому аргументу).

В этом же рассказе приведенный выше диалог имеет продолжение и логическую развязку всей ситуации, в которой оба мужчины переходят границы и показывают себя с другой стороны, отбросив тактичность:

Придя в себя, дьячок сует в рот пальцы и на месте больного зуба находит два торчащих выступа.

– Паршивый черт... – выговаривает он. – Насажали вас здесь, иродов, на нашу погильель!

– Поругайся мне еще тут... – бормочет фельдшер, кладя в шкап щипцы. – Невежа... Мало тебя в бурсе березой потчевали... Господин Египетский, Александр Иванович, в Петербурге лет семь жил... образованность... один костюм рублей сто стоит... да и то не ругался... А ты что за пава такая? Ништо тебе, не околеешь!

Фельдшером применяется психологический аргумент к невежеству, представляющий собой «упоминание таких фактов или положений, которых никто из спорящих не знает и не в состоянии проверить» [5, с. 249]: он подчеркивает неведение дьячка в области стоматологии, упрекает в невежестве, указывает, что его дело бить в колокола. Кроме того, используется повтор фамилии помещика как авторитетного и образованного постоянного пациента, выбирающего именно такого квалифицированного врача, как Курятин (аргумент к авторитету). На основе анализа рассказа в целом можно сделать вывод о том, что фельдшер достиг цели и пациент доверился, открыв рот и позволив медицинские манипуляции, однако фельдшер не выполнил врачебную цель (облегчить боль пациенту, помочь). Он перешел на брань, обвинения, хотя тот дьячок не имел медицинского образования. Цель коммуникации достигнута, а профессиональная – нет.

Как показало наше исследование рассказов М.А. Булгакова и А.П. Чехова, наиболее частотным аргументом, найденным в диалогах между врачом и пациентами, стал аргумент к вере. Он был уместен в ситуациях, когда врач обещает выздоровление пациенту при выполнении всех его рекомендаций.

Аргумент к страху был действенным в случае, когда врач рисовал перед пациентом возможную неблагоприятную картину, в случае если тот не будет действовать по плану доктора.

Аргумент к авторитету использовался для того, чтобы пациент доверился врачу, поскольку доктор имеет опыт и все необходимые компетенции, а также существует множество довольных его лечением пациентов. Однако такой аргумент употребляется не вполне квалифицированным медиком (например, фельдшером Курятиным из рассказа А.П. Чехова «Хирургия»). Аргумент к невежеству был применен в ситуации, когда врач упрекал в необразованности пациента, хотя сам не отличался высоким профессионализмом (тот же герой из рассказа А.П. Чехова «Хирургия»).

Аргумент к традиции помог врачу-психиатру успокоить пациента, рассказав о вечном мироустройстве (преступники сидят в тюрьме, а психически больные люди в психиатрической больнице, и никто из людей не защищен от неприятной возможности попасть в одно из этих мест).

Все названные выше виды доводов несли в себе цель – вытеснить сомнения пациентов по отношению к методам лечения. Как мы могли увидеть, не во всех случаях врач

смог удачно подобрать аргументы, заменив систему взглядов больных своим видением ситуации.

Таким образом, наиболее действенными были аргументы к вере в сочетании с психологическим давлением, констатирующим безвыходность ситуации, а также применялось замещение, с помощью которого мнение пациентов доктор плавно изменял в своих врачебных интересах. Аргументы к авторитету и к невежеству были использованы в рассказе А.П. Чехова низкоквалифицированным фельдшером, его доводы имели агрессивный характер, что привело к провалу в выполнении врачебной цели – помочь пациенту и избавиться от боли.

Список литературы

1. Гончаренко Н.В. Коммуникативное поведение врача // «Языки профессиональной коммуникации»: сб. ст. участников Третьей Междунар. науч. конф. (Челябинск, 23–25 окт. 2007 г.) в 2 т. / отв. ред. и сост. Е.И. Голованова, чл. редкол.: С.А. Питина, Л.А. Шкатова. Челябинск, 2007. С. 92–95. Т. 2.
2. Гончаренко Н.В. Суггестивные характеристики медицинского дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007.
3. Зарецкая Е.Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. М., 2002.
4. Лю Цзин. Видо-временные и модальные глагольные формы в выражениях русского речевого этикета: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
5. Москвин В.П. Риторика и теория аргументации: учебник для вузов. М., 2019.
6. Стеблецова А.О. Национальная специфика делового дискурса в сфере высшего образования (на материале англоязычной и русскоязычной письменной коммуникации): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2015.

* * *

1. Goncharenko N.V. Kommunikativnoe povedenie vracha // «Yazyki professional'noj kommunikacii»: sb. st. uchastnikov Tret'ej Mezhdunar. nauch. konf. (Chelyabinsk, 23–25 okt. 2007 g.) v 2 T. / otv. red. i sost. E.I. Golovanova, chl. redkol.: S.A. Pitina, L.A. Shkatova. Chelyabinsk, 2007. S. 92–95. T. 2.
2. Goncharenko N.V. Suggestivnye harakteristiki medicinskogo diskursa: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2007.
3. Zareckaya E.N. Ritorika: Teoriya i praktika rechevoj kommunikacii. M., 2002.
4. Lyu Czin. Vido-vremennye i modal'nye glagol'nye formy v vyrazheniyah russkogo rechevogo etiketa: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2004.
5. Moskvina V.P. Ritorika i teoriya argumentacii: uchebnik dlya vuzov. M., 2019.
6. Steblecova A.O. Nacional'naya specifika delovogo diskursa v sfere vysshego obrazovaniya (na materiale angloyazychnoj i russkoyazychnoj pis'mennoj kommunikacii): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Tver', 2015.

The techniques of persuasion and manipulation in the dialogues of doctor and patient (based on the stories of M.A. Bulgakov and A.P. Chekhov)

The article deals with the techniques of the persuasion and manipulation in the context of the medical discourse (the communication of patient and doctor in the process of delivering the medical care on the basis of the fictional texts). There are revealed the most frequent and effective kinds of the arguments: to the trust and fear; there are defined less effective and rare: to the authority and ignorance. The author underlines that the purposes of the communication and the professional aim (the patient's full care management, the pain relief) are achieved.

There are identified the repeats of the factor of the thematic relevance (depending on the people, who attended a medical appointment) and the witness factor.

Key words: *medical discourse, diagnostic strategy, manipulation, persuasion tactics, approximation tactics.*

(Статья поступила в редакцию 11.04.2023)

ОСМЫСЛЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ МИРОВОСПРИЯТИЯ НАРОДА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Показано место и роль фразеологических единиц в формировании картины мира народа. Выявлены фразеологические единицы русского и китайского языков, содержащие в своей семантике оценку интеллектуальных способностей человека. Проведен анализ оценочного компонента умственной способности человека, содержащегося в семантике рассматриваемых фразеологических единиц. Выявлены различия в оценке умственных способностей человека в фразеологических единицах рассматриваемых языков.

Ключевые слова: картина мира, научная картина мира, философская картина мира, национально-языковая картина мира, фразеологическая единица, идиома.

Возможности познания человеком окружающего мира безграничны, однако со временем все приобретенные знания отходят на второй план, создавая фундамент для новых; одна картина действительности сменяет другую. Само понятие «картина мира» чрезвычайно многогранно, истоки осмысления данного феномена следует рассматривать комплексно, привлекая данные разных наук, таких как логика, философия, психолингвистика, межкультурная коммуникация, лингвокультурология и др.

Несмотря на длительную историю функционирования в научном обиходе, понятие «картина мира» появилось сравнительно недавно – интерес к нему возник лишь в XX в.

В отечественной и зарубежной науке существуют различные точки зрения на интерпретацию данного понятия. Рассмотрим некоторые из них:

1. *Картина мира (научная)* – «интегративная система представлений о мире, вырабатываемая путем обобщения и синтеза важнейших теоретических знаний о мире, полученных на том или ином этапе исторического развития» [14, с. 127].

2. *Картина мира (философская)* – «сложившаяся на конкретном этапе развития человечества совокупность представлений о структуре действительности, способах ее функционирования и изменения, сформировавшаяся на основе исходных мировоззренческих принципов и интегрирующая знания и опыт, накопленный человечеством» [2, с. 107].

3. *Картина мира (культурная)* – «система интуитивных представлений о реальности, которую можно выделить, описать или реконструировать у любой социопсихологической единицы – от нации или этноса до какой-либо социальной или профессиональной группы, или отдельной личности» [18, с. 22].

4. *Картина мира (языковая)* – «исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности» [12, с. 358].

Термин *картина мира* введен в научный обиход немецким физиком Максом Планком, который использовал его при описании физической картины мира. Позже данное понятие вышло за рамки физической дисциплины и получило широкую трактовку. Понятие *картина мира* использовалось исследователями в области философии и лингвистики: К. Ясперс [20], Л. Вайсгербер [4], В. фон Гумбольдт [5] и др. «Картина мира – это наше представление об окружающем мире, основанное на опыте и знаниях предыдущих поколений» [17, с. 1002].

В. фон Гумбольдт первым обратился к вопросу языковой картины мира, применив к анализу языка диалектический метод, в соответствии с которым мир рассматривает-

ся в развитии, как система. В. фон Гумбольдт отмечал, что каждый язык в неразрывном единстве с сознанием создает особый субъективный образ объективного мира; по его мнению, «различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия» [5, с. 125]. В. фон Гумбольдт одним из первых обратил внимание на национальное содержание языка и мышления, отмечая, что «различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия» [Там же, с. 324]. В основе различий, существующих в разных языках, лежит своеобразие духовного облика народа – носителя языка, однако, главное различие кроется в форме самого языка, «в способах выражения мыслей и чувств» [Там же, с. 325], в языковой картине мира, которую формирует язык. Позже идеи В. фон Гумбольдта развили неогумбольдтианцы, один из представителей которых, Л. Вайсгербер, как раз и ввел в науку сам термин «языковая картина мира» (*sprachliches Weltbild*), отмечая, что «в языке конкретного сообщества живет и воздействует духовное содержание, сокровище знаний, которое по праву называют картиной мира конкретного языка» [4, с. 15].

Важным этапом в развитии теории языковой картины мира стали и труды американских этнолингвистов Э. Сепира и Б. Уорфа [15], которые разграничили понятия картины мира и языковой картины мира, утверждая, что «представление о том, что человек ориентируется во внешнем мире, по существу, без помощи языка и что язык является всего лишь случайным средством решения специфических задач мышления и коммуникации – это всего лишь иллюзия. В действительности “реальный мир” в значительной мере неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы» [Там же, с. 87]. Согласно широко известной гипотезе Э. Сепира и Б. Уорфа, мы членом окружающий мир и даем наименование различным объектам и явлениям окружающего мира так, как это «диктует» нам система языка, которым мы пользуемся. В соответствии с данной теорией «различие норм мышления обуславливает различие норм поведения в культурно-историческом истолковании» [7, с. 27].

Л. Вайсгербер выделяет основные характеристики языковой картины мира: «1) языковая картина мира есть система и совокупность духовных (определяющих своеобразие культуры и менталитета данной языковой общности) и языковых (обуславливающих существование и функционирование самого языка) характеристик; 2) языковая картина мира, с одной стороны, есть следствие исторического развития этноса и языка, а, с другой стороны, выступает предпосылкой их развития; 3) языковая картина мира четко структурирована и в языковом выражении является многоуровневой; она обуславливает суммарное коммуникативное поведение, обусловленное своеобразием внешнего мира природы, внутреннего мира человека и определенной языковой системы; 4) языковая картина мира изменчива во времени и, как любой «живой организм», подвержена развитию, то есть в вертикальном (диахроническом) смысле она в каждый последующий этап развития отчасти нетождественна сама себе; 5) языковая картина мира способствует закреплению языкового и культурного своеобразия в видении мира и его обозначении средствами языка; 6) языковая картина мира существует в самосознании конкретной языковой общности и передается последующим поколениям через особое мировоззрение, правила поведения, образ жизни, закрепленные средствами языка; 7) картина мира какого-либо языка формирует представление об окружающем мире через язык как «промежуточный мир» у носителей этого языка; 8) языковая картина мира конкретной языковой общности представляет собой общекультурное достояние» [4, с. 21].

По мнению В.А. Масловой, каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. Свойственный данному языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир по-

разному, через призму своих языков. С другой стороны, языковая картина мира является «наивной» в том смысле, что во многих существенных отношениях она отличается от «научной» картины [10].

В настоящее время в лингвистике существует большое количество определений языковой картины мира, каждое из которых делает акцент на отдельных сторонах анализируемого понятия.

Согласно широкой трактовке языковая картина мира есть «субъективный образ объективного мира как средство репрезентации концептуальной картины мира, полностью, однако, не охватывающее ее, как результат языковой, речемыслительной деятельности многопоколенного коллектива на протяжении ряда эпох» [8, с. 12]. В рамках данного направления проведены исследования О.А. Корнилова [9], Б.А. Серебренникова, Е.С. Кубряковой, В.И. Постоваловой [13] и др. Языковая картина мира включает в себя совокупность представлений о действительности. «Эти представления, складывающиеся в единую систему взглядов и предписаний, входят в значения языковых единиц в неявном виде, так что носитель языка принимает их на веру, не задумываясь и сам того не замечая», — отмечает И.И. Андреева [1]. Согласно узкой трактовке языковая картина мира представляет собой «зафиксированную в языке и специфическую для данного языкового коллектива схему восприятия действительности». Подобную точку зрения на языковую картину мира разделяют Т.Г. Бочина [3, с. 11–114], Т.М. Николаева [11, с. 143–177], Т.С. Яковлева [19] и др.

Мы разделяем взгляды представителей широкого подхода и рассматриваем данное явление как сформированную в течение длительного периода развития нации и переданную при использовании единиц данного языка систему знаний об окружающей действительности.

Обязательный и неотъемлемый компонент любой языковой картины мира – фразеологические единицы, выступающие неотъемлемым компонентом языковой картины мира и носителем информации о национально-культурном своеобразии народа, пользующегося данным языком.

Рассмотрим место и национально-специфические особенности фразеологических единиц, обозначающих интеллектуальные способности человека, в русской и китайской языковых картинах мира.

Фразеологический фонд русского языка отражает как существующие достоинства, так и недостатки русского народа. Отметим, что в русском языке существует достаточное количество фразеологических единиц, дающих отрицательную оценку умственных способностей человека. Рассмотрим некоторые из них. Начнем с малоизвестной фразеологической единицы «*Аза в глаза*» (со значением «*ничего не знать и не понимать*»), которая имеет довольно интересную этимологию. Ее происхождение непосредственно связано с расположением буквы «А» – первой буквы русского алфавита. В период древней Руси в славянской культуре «Аз» выступала в качестве символа священных знаний, их начала. В современном русском языке есть схожее выражение – «*аза не знать*», т. е. «*быть неграмотным*».

Фразеологизм «*без царя в голове*» (о глупом и несообразительном человеке) выступает компонентом русской пословицы: «*Свой ум — царь в голове*». Исторически образ государя всегда отождествлялся с мудрым и справедливым правителем, а также «отцом», «батюшкой» для поданных. Существование государства без правителя невозможно, считалось, что такое государство непременно потерпит крах. Отметим, что и в современном русском языке существует ряд фразеологизмов со схожим значением, например: «*без головы*» (глупый человек).

Идиома «*Будто вчера на свет родился*» (о человеке, который не понимает простых истин) не позволяет проследить исторический процесс формирования смысловой основы. Можно предположить, что в данном случае проводится параллель с общеизвестной

истиной: появляясь на свет, младенец ничего не знает об окружающем мире. Так и о человеке, не понимающем простых вещей, говорят как о только что появившемся на свет.

Происхождение фразеологической единицы «*ведать не ведаёт*» (в значении «абсолютно ничего не знает»), предположительно, тесно связано с известным религиозным изречением: «*не ведают, что творят*». Однако, в религиозном контексте оно было использовано в ином значении – как оправдание людей, которые не понимали, что творят зло, подчиняясь чужой воле.

В русских поговорах отражен такой феномен как забывчивость и плохая память человека, например: «*вылететь из головы*» (совершенно забыть о чем-либо), «*девичья память*» (о вечно забывчивом человеке), «*куриные мозги*» (о человеке с низкими интеллектуальными способностями), «*голова дырявая*», «*память дырявая*» (о человеке, который что-то забыл), «*из ума вон*» (забыть нечто важное) и др.

Происхождение фразеологической единицы «*Голова мякиной набита*» (о бестолковом человеке) связывают с русским фольклором, сюжетом одной из сказок, в которой при дележке урожая умный забирает зерна, а дураку достается мякина – остатки колосьев пшеницы.

Тема скудости и бедности человеческого ума выступает ядром многих русскоязычных фразеологических единиц, таких как: «*дубина безголовая*», «*дубовая голова*», «*дураково поле*», «*дубина стоеросовая*», «*дурья башка*», «*дурак дураком*», «*дурак набитый*», «*двух слов связать не может*», «*мозгов нет*», «*мозги не туда повернуты*» и т. п.

Интересно рассмотреть семантику фразеологической единицы «*Как свинья в апельсинах*», значение которой также косвенно передает значение невысокого качества умственных способностей человека. Происхождение данного фразеологизма точно не известно, но, предположительно, оно напрямую связано со «вкусовыми предпочтениями» свиней – животные обычно употребляют в пищу зерно, корнеплоды, а вот апельсины – лакомство незнакомое и непонятное для них.

Человеческая несамостоятельность и глупость также нашли свое отражение в следующих фразеологических единицах: *жить чужим умом* (придерживаться чужих взглядов), *зеленая голова* (несообразительный и недалекий человек), *медный лоб* (тупой и бессмысленно упрямый человек), *мозга за мозгу заскакивает* (терять способность трезво мыслить) и др.

Но во фразеологическом фонде русского языка немало фразеологических единиц, передающих положительную оценку умственной деятельности человека, некоторые из них мы рассмотрим далее. Анализ фразеологической единицы «*всасывать с молоком матери*» – (усвоить с раннего детства) показывает способность человека понять и принять основные мировоззренческие принципы и моральные нормы в соответствии со средой, в которой он родился и вырос. По мнению В.Н. Телия, «происхождение данного идиоматического выражения напрямую связано с анимистической формой осознания окружающего нас мира» [16, с. 256].

Положительная оценка умственных способностей человека содержится в следующих фразеологизмах: «*иметь голову на плечах*», «*голова на месте*», «*живая/ходячая энциклопедия*», «*золотая голова*» и др. Способность человека самостоятельно понять что-либо, добраться до истины четко выражена в идиоматическом выражении «*дойти своим умом*», а умение следовать своим желаниям и мыслям прослеживается в идиоме «*жить своим умом*».

Кроме того, фразеологический фонд русского языка включает ряд фразеологических единиц, содержащих нейтральную оценку умственных способностей человека; к их числу мы относим такие, как: «*азбучная истина*», «*ежу понятно*», «*ломать голову*», «*держат в уме*», «*вертеться в голове*» и др. Далее некоторые из них будут рассмотрены более подробно.

Происхождение фразеологической единицы «азбучная истина» связано с историей русского языка в период Древней Руси, в частности, с церковной славянской азбукой. Являясь собранием мудрости и богатого наследия славянской культуры в целом, азбука содержала безусловную истину, очевидную для понимания. Каждая понятная и верная мысль называлась азбучной, что и позволило выражению «азбучные истины» прочно войти в русский язык. В отличие от рассмотренного выше примера, фразеологическая единица «китайская грамота» означает нечто, что трудно осмыслить, понять. Происхождение данного фразеологизма относят ко времени зарождения китайско-российских отношений (XVII в.). В ту историческую эпоху русский народ практически ничего не знал о загадочном Китае, кроме отдельных фактов, например, о красивом восточном фарфоре, о котором ходили легенды. Но вскоре ситуация изменилась, в 1681 г. была организована миссия в Китай, которой руководил сибирский казак Иван Петлин. Миссия по налаживанию отношений с соседями завершилась успешно. Однако, найти переводчика, владеющего китайским языком, оказалось невыполнимой задачей. Несмотря на то что вскоре китайская грамота была переведена на русский, бытовавшее выражение прочно закрепилось в языке. Нейтральным мы считаем и выражение «брать на заметку» (принять во внимание, постараться не забыть нечто важное). Предположительно, происхождение данной фразеологической единицы восходит к журналистской практике, в ходе которой записываются наиболее важные факты. Схожее значение имеет выражение «принять во внимание».

Проблема возможностей человеческой памяти поднимается в фразеологической единице «держат в уме» (постоянно думать о чем-либо, помнить, не забывать). Довольно близкое (хотя и несколько иное) значение имеет выражение «вертится в голове». Сведения о происхождении данного идиоматического выражения различны, но согласно одной из версий, оно тесно связано с научным термином “TOT-phenomenon” (“tip-of-the tongue”) [6]. С данным выражением также связано и другое, характеризующее обычную мыслительную деятельность человека, попытки обдумать что-то – «ворочать мозгами», имеющее значение «размышлять, соображать».

Результаты исследования показали превалирование в русском языке фразеологических единиц, содержащих отрицательную оценку умственных способностей человека.

Так же как и в русской, в китайской лингвокультуре тема получения знаний, умственных способностей человека выступает одной из центральных в семантике фразеологических единиц.

Китайская культура одобряет получение новых знаний и духовное самосовершенствование человека: «学如登山» (учёба подобна подъёму на гору), «学然后知不足» (только после обучения понимаешь, насколько ты невежествен), «学无止境» (нет предела новым знаниям), «活到老, 学到老» (учиться никогда не поздно), «知识是智慧的火炬» (знания – это факел мудрости) и др.

Однако, как и в русской лингвокультуре, в китайской находим случаи отрицательной оценки интеллектуальных способностей.

Рассмотрим идиому «名落孙山», которая в дословном переводе имеет значение «имя оказалось после Сунь Шаня». Происхождение данной идиомы датируется периодом династии Сун (960–1279 гг.). Тогда в Древнем Китае проживал один шутник по имени Сунь Шань. Однажды он принял участие в ежегодно проводимых экзаменах на получение ученой степени. После того, как вывесили список сдавших экзамен, Сунь Шань увидел свое имя последним в списке. Когда Сунь Шань вернулся домой, один из односельчан попытался узнать у него, сдал ли экзамен и его сын, который также отправился на это испытание. На что Сунь Шань ответил: «Сунь Шань оказался в списке последним, а ваш сын за ним» (т. е. его вообще нет в списке прошедших испытание). Позже китайцы стали использовать данную идиому для обозначения провала на экзамене или неудачи на соревнованиях.

Китайская идиома «闭门造车» (дословно: *делать телегу при закрытых воротах*) восходит к народным сказаниям. Когда-то один человек решил сконструировать карету. Он не стал обращаться за помощью к другим, заперся дома и стал придумывать конструкцию кареты. В результате он сумел ее смастерить, но когда вывез ее за ворота, пользоваться ей было невозможно. С тех пор данный фразеологизм используется для обозначения чрезмерного субъективизма человека, отказа видеть реальное и объективное, в результате чего человек может легко попасть впросак.

Идиоматическое выражение «囫圇吞枣» (в буквальном переводе «глотать финики целиком») также имеет интересную историю. В древнем Китае был один врач. Однажды, разъясняя людям полезные свойства плодов финикового дерева, он сказал: «Финики полезны для селезенки, но вредны для зубов». Услышав это, один человек возмутился: «У меня есть идея: лучше глотать финики целиком и не разжевывать их. Тогда мы сможем насладиться их полезными свойствами и избежать неприятностей». Позже данное выражение стало идиомой, обозначающей действия, которые человек совершает необдуманно. В современном китайском языке данное выражение часто используется для обозначения бездумного чтения книг без проникновения в смысл написанного.

Для описания необдуманных и безрассудных поступков в китайской лингвокультуре часто используется идиоматическое выражение «刻舟求剑» (дословно: *делать зарубку на лодке, чтобы найти меч*). Ее история такова: во времена Борющихся Царств на территории царства Чу проживал некий человек, однажды получивший в подарок драгоценный меч, которым очень дорожил. Однажды этот человек переплывал на лодке реку и нечаянно уронил в нее меч. Он сделал на борту лодки зарубку в том месте, где меч упал в воду, отметив: «Мой меч соскользнул отсюда». Когда лодка достигла берега, мужчина спрыгнул с нее в воду в том месте, где была зарубка, и начал искать свой меч. Данная идиома высмеивает тех, кто поступает неразумно, придерживаясь старых правил и не учитывая изменившихся условий. Схожее значение имеют такие идиоматические выражения, как: «闭塞眼睛捉麻雀» (ловить воробья с закрытыми глазами – о бездумном и безрассудном поступке или человеке); «吃错药» (принимать лекарства неправильно – о словах и поступках, противоречащих здравому смыслу).

Интересной представляется китайская идиома «盲人摸象», буквальное значение которой – «слепые ощупывают слона». Согласно легенде, несколько слепцов собрались вокруг слона, чтобы узнать, каков слон на самом деле. Один из слепцов дотронулся до бивней животного и сказал: «Слон похож на большую редьку»; другой дотронулся до уха и сказал: «Слон похож на огромный веер»; третий прикоснулся к ноге животного и удивленно воскликнул: «Слон похож на каменную колонну» и, наконец, последний старец ухватился за хвост животного и возразил: «Да ведь он похож на змею». И они начали спорить, каждый при этом отстаивал свою правоту. Таким образом, анализируемая идиома высмеивает узость мышления и односторонний взгляд на вещи.

В китайском языке функционирует ряд фразеологических единиц, близких по значению русскоязычной: «Одна голова хорошо, а две – лучше». В качестве ее китайских эквивалентов выступают такие, как: «一人不抵二智» (один ум хорошо, а два – лучше), «集思广益» (мозговой штурм), «人多智广» (много людей – много умов) и т. п. Кроме того, во многих фразеологизмах находит отражение тема размышлений человека над важными жизненными вопросами. К числу фразеологических единиц с подобным значением отнесем следующие: «费尽心机» (отдать все силы души\ума, делать все возможное), «绞尽脑汁» (выжимать мозги), «苦思冥想» (задуматься, предаваться думам/размышлениям), «前思后» (всесторонне обдумывать, принимая во внимание все обстоятельства). С другой стороны, осуждая человеческую глупость, недалекий ум, китайцы используют такие фразеологические единицы, как: «蠢得象猪» (глупый, как свинья), «睁眼说瞎» (нести чушь с открытыми глазами), «榆木脑袋» (дубовая голова), «冥顽不灵» (глуп как пробка, пень березовый).

Проведенный нами анализ показал, что в китайской лингвокультуре преобладают фразеологизмы, выражающие положительное отношение и оценку умственных способностей человека, в то время как в русской лингвокультуре гораздо выше удельный вес фразеологических единиц, семантика которых содержит отрицательную оценку указанных способностей. Данные различия обусловлены национальным характером и особенностями исторического развития культуры.

Перспективами данного исследования может стать рассмотрение фразеологических единиц другой тематической группы русской и китайской лингвокультуры, чтобы далее на основе комплексного сопоставительного анализа выявить как общие черты, так и различия в менталитете указанных народов.

Список литературы

1. Андреева И.В. Ценностная картина мира как лингвистическая и философская категория [Электронный ресурс] // Аналитика культурологии (электронный журнал Тамбовского государственного университета). 2006. Вып. 6. URL: <http://tsu.tmb.ru/culturology/journal/6/index.html>. (дата обращения: 20.12.2022).
2. Андрейченко Г.В., Грачева В.Д. Философия: учебное пособие. Ставрополь, 2001.
3. Бочина Т.Г. Антропонимы в русских пословицах // Язык. Культура. Деятельность: Восток Запад: тезисы докладов межд. науч. конф. Набережные Челны, 1999. С. 111–114. Т. 2.
4. Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа. М., 1993.
5. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985.
6. Джеймс У. Психология. М., 2011.
7. Жабаяева С.С. Национально-культурная специфика концепта «гостеприимство»: на материале казахского, русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2004.
8. Климова Л.А. Нижегородская микропонимия в языковой картине мира. Арзамас, 2007.
9. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003.
10. Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2007.
11. Николаева Т.М. Загадка и пословица: социальные функции и грамматика // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. 1. М., 1994. С. 143–177.
12. Песина С.А. Языковая картина мира в философском и лингвистическом осмыслении // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2005. № 3(10). С. 358–362.
13. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Потовалова. М., 1988.
14. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М., 1997.
15. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
16. Телия В.Н. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. М., 2006.
17. Фаткуллина Ф.Г., Сулейманова А.К. Языковая картина мира как способ концептуализации действительности // Вестник Башкирского университета: Серия Филология и искусствоведение. 2011. Т. 16. № 3(1). С. 1002–1004.
18. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. СПб., 1996.
19. Яковлева Т.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.
20. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.

* * *

1. Andreeva I.V. Cennostnaya kartina mira kak lingvisticheskaya i filosofskaya kategoriya [Elektronnyj resurs] // Analitika kul'turologii (elektronnyj zhurnal Tambovskogo gosuniversiteta). 2006. Vyuz. 6. URL: <http://tsu.tmb.ru/sulturology/journal/6/index.html>. (data obrashcheniya: 20.12.2022).
2. Andrejchenko G.V., Gracheva V.D. Filosofiya: uchebnoe posobie. Stavropol', 2001.

3. Bochina T.G. Antroponimy v russkikh posloviach // Yazyk. Kul'tura. Deyatel'nost': Vostok Zapad: tezisy dokladov mezhd. nauch. konf. Naberezhnye Chelny, 1999. S. 111–114. T. 2.
4. Vajsgerber L. Rodnoj yazyk i formirovanie duha. M., 1993.
5. Gumbol'dt V. fon. Yazyk i filosofiya kul'tury. M., 1985.
6. Dzhejms U. Psihologiya. M., 2011.
7. Zhabaeva S.S. Nacional'no-kul'turnaya specifika koncepta «gostepriimstvo»: na materiale kazahskogo, russkogo i anglijskogo yazykov: dis. ... kand. filol. nauk. Chelyabinsk, 2004.
8. Klimkova L.A. Nizhegorodskaya mikrotoponimiya v yazykovoj kartine mira. Arzamas, 2007.
9. Kornilov O.A. Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacional'nyh mentalitetov. M., 2003.
10. Maslova V.A. Lingvokul'turologiya. M., 2007.
11. Nikolaeva T.M. Zagadka i poslovica: social'nye funkcii i grammatika // Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoj duhovnoj kul'tury: Zagadka kak tekst. 1. M., 1994. S. 143–177.
12. Pesina S.A. Yazykovaya kartina mira v filosofskom i lingvisticheskom osmyslenii // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2005. № 3(10). S. 358–362.
13. Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira / B.A. Serebrennikov, E.S. Kubryakova, V.I. Postovalova. M., 1988.
14. Rudnev V.P. Slovar' kul'tury XX veka. M., 1997.
15. Sepir E. Izbrannye trudy po yazykoznaniyu i kul'turologii. M., 1993.
16. Teliya V.N. Bol'shoj frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskij kommentarij. M., 2006.
17. Fatkullina F.G., Sulejmanova A.K. Yazykovaya kartina mira kak sposob konceptualizacii dejstvitel'nosti // Vestnik Bashkirskogo universiteta: Seriya Filologiya i iskusstvovedenie. 2011. T. 16. № 3(1). S. 1002–1004.
18. Shanskij N.M. Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka. SPb., 1996.
19. Yakovleva T.S. Fragmenty russkoj yazykovoj kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya). M., 1994.
20. Yaspers K. Smysl i naznachenie istorii. M., 1991.

The comprehension of the specific features of the people world perception through the prism of the phraseological units

The article deals with the demonstration of the place and role of the phraseological units in the development of the world picture of the people. There are revealed the phraseological units of the Russian and Chinese languages, including the evaluation of the intellectual abilities of the man in their semantics. There is conducted the analysis of the evaluative component of the mental ability of the man, that is contained in the semantics of the considered phraseological units. The author reveals the differences in the evaluation of the mental abilities of the man in the phraseological units of the considered languages.

Key words: *world picture, scientific world picture, philosophic world picture, national and linguistic world picture, phraseological unit, idiom.*

(Статья поступила в редакцию 22.03.2023)

**ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА КАТАЛОНИИ: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА
И ГРАЖДАНСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ**

Освещается тема гражданских инициатив в Каталонии с целью защиты языка. Особое внимание в статье уделяется рассмотрению актуальной языковой ситуации в Каталонии и статусу каталонского языка. Описываются основные виды гражданских инициатив в каталонском обществе, а также поддержка государства в вопросах сохранения национальных языков. Приводятся примеры реализации гражданских и государственных инициатив по отношению к официальным каталонским языкам.

Ключевые слова: языковая ситуация, языковая политика, языковой конфликт, гражданские инициативы, социальный протест.

Многоязычие и многонациональность испанского государства стали причиной острых языковых конфликтов в Испании с конца XIX в. и по настоящее время. Для урегулирования вопросов языковой ситуации в регионах властями проводится языковая политика, учитывающая языковое многообразие государства. Однако со временем такая политика стала причиной постоянных столкновений интересов не только представителей власти, но и граждан Испании. Обострение языковых конфликтов в 2000-х гг. привело к кризису в Каталонии – самой населенной многоязычной области Испании, где официальные языки пользуются более существенной поддержкой региональной власти, чем в других областях.

Защита и развитие языков должны быть приоритетной задачей любого государства, что впоследствии позволит гарантировать права их носителей, развитие самобытности их территорий, а также прогресс и социальную сплоченность. Органы государственной власти и администрации разделяют ответственность с гражданами, проживающими на соответствующих территориях, за сохранение и развитие всех государственных языков.

Рассмотрим языковую ситуацию в современной Каталонии, а именно статус каталонского языка и его географическое распространение.

В своем исследовании мы будем опираться на работы известных отечественных и зарубежных ученых, занимавшихся исследованием языковой ситуации в Каталонии – А.А. Орлова [6], В.Л. Верникова [1], Г.М. Горенко [2], Сесара Алкала Хименеса [9], Жузепа Жифреу [16] и др.

Согласно статье 3. 1. Конституции Испании, кастильский язык является официальным языком страны [16]. Другие языки Испании также имеют статус официальных в автономных сообществах. Таким образом, каждому автономному сообществу закон позволяет иметь в качестве со-официального один или два языка на своей территории.

Наряду с кастильским языком в Испании существуют языки, не имеющие официального статуса. Согласно мнению Жузепа Жифреу, Конституция дает право статутам автономий самостоятельно определять, какой язык является официальным, а также области его применения, но только при условии со-официальности этого языка по отношению к государственному – кастильскому (испанскому) – языку [20]. С одной стороны, данный факт вносит неясность в вопрос наделения какого-либо языка статусом со-официального, но, с другой стороны, демонстрирует гибкость Конституции в отношении возможных изменений статусов языков в будущем.

Географически каталонский язык распространен на территории площадью около 68 730 км², на которой проживает около 13 740 000 носителей данного языка. На каталонском языке говорят не только в регионах Испании, но и в Андорре, Франции и Италии. Во всех указанных географических объектах язык имеет статус официального наряду с испанским и французским языками, а общее актуальное число носителей близится к 13 миллионам [15]. До 2012 г. каталонский язык являлся одним из официальных языков международной организации «Латинский союз», объединяющей 37 государств мира [21]. В 2005 г. каталонский язык получил статус официального в Европейском Союзе.

В соответствии с актуальными данными каталонский язык располагается на четырнадцатом месте по распространенности в Европе, а в мире занимает 80-ую позицию. Помимо этого, каталонский язык исторически является литературным и научным языком. Ежегодно растет объем литературы, издаваемой на данном языке [2, с. 123].

Важным аспектом, демонстрирующим современный статус каталонского языка, является наличие персонального сетевого домена “.cat”, на сайтах которого вся информация представлена на каталонском языке [12]. Поскольку ни у одного региона мира, входящего в состав какого-либо государства, нет самостоятельного домена, этот факт можно считать беспрецедентным случаем, который свидетельствует о достаточно стабильном и самостоятельном статусе каталонского языка.

Исторический контекст борьбы Каталонии за независимость и свою национальную самобытность оказывает существенное влияние на языковую ситуацию в стране. Ярким и переломным событием стал референдум о независимости Каталонии, проведенный осенью 2017 г., расколовший испанское общество и породивший сепаратистские настроения среди граждан [14]. Как следствие тех событий вопросами языковой политики Каталонии заинтересовались не только политики и официальные государственные организации, но и сами граждане и общественные организации, которые устраивают уличные протесты, организуют акции и кампании в защиту независимости Каталонии и каталонского языка. Тем самым жители региона выражают свою гражданскую позицию и проявляют инициативу в защите своих языковых и гражданских интересов.

В конституционном праве гражданской инициативой называют «форму коллективного волеизъявления граждан, посредством которой мнение определенной их группы доводится до компетентного государственного органа или органа местного самоуправления и требует его реагирования» [4].

В.С. Степин в «Новой философской энциклопедии» предлагает следующее определение гражданской инициативы: «неформальное объединение граждан, которое создается для ненасильственной борьбы с конкретными недостатками общества. Такого рода объединения отличаются друг от друга разной степенью организованности, устойчивости, успешности их длительности» [5, с. 549].

В «Социологической энциклопедии» под гражданской инициативой понимается деятельность отдельного лица или сообщества граждан по оказанию влияния на принятие политических решений (например, для привлечения публичной власти к решению некоторых проблем). Средства гражданской инициативы – это налаживание контактов с политиками и чиновниками, публичные обращения, демонстрации, забастовки, образование групп давления (лобби) и движений [7]. Данные определения описывают только отдельные проявления гражданских инициатив и не представляются исчерпывающими. Однако стоит отметить, что во всех вышеуказанных определениях в качестве источника инициативы фигурируют граждане, в отличие от государственной инициативы, где в качестве такого источника выступают представители государственной власти.

Отметим, что представителей власти Каталонии также волнуют языковые вопросы, и в этой связи они предпринимают определенные шаги к стабилизации языковой ситуации. Это обусловлено тем, что молодое поколение каталонцев, согласно ежегодной статистике, все реже использует каталонский язык в своей повседневной практике (53% используют язык для каждодневного общения, 26% не говорят на каталонском языке вообще, 21% используют, но крайне редко), в то время как остальные предпочитают кастильский язык [8]. Чтобы стабилизировать языковую ситуацию, правительство разработало ряд мер для поддержания статуса языка среди молодежи. Так, например, Городской совет Барселоны представил свои меры по продвижению каталонского языка в рамках Национального пакта по языку [Там же].

Правительственные меры в поддержку каталонского языка преследуют следующие цели: мотивацию к использованию каталонского языка в качестве основного, поддержание связи между каталонским языком и самобытностью города, содействие в его использовании во всех областях, в которых городской совет считается компетентным.

Правительственный комплекс мер по продвижению каталонского языка направлен на разные сферы общественной жизни, а именно:

1. Образование: разработка цифровых образовательных игр на каталонском языке в сотрудничестве с национальным телеканалом Betevé, выступление каталонских «инфлюенсеров» и блогеров в учебных заведениях.

2. Досуг и спорт: продвижение каталонского языка в социальных сетях, обучение спортивных тренеров каталонскому языку.

3. Культура и наука: перевод фильмов на каталонский язык и их показ, проведение «Дня языка в Барселоне», реконструкция популярной топонимии Барселоны и содействие научному диалогу на каталонском языке.

4. Бизнес, торговля и туризм: поддержка бизнеса в использовании каталонского языка с помощью специальных языковых курсов, корпоративное обучение на каталонском языке для компаний, находящихся в Барселоне, включение краткого словаря каталонского языка в руководство и материалы по туризму.

5. Здоровье: курсы каталонского языка для иностранного медицинского персонала, поощрение языкового добровольчества среди муниципального персонала.

6. Администрация: обучение государственных служащих каталонскому языку, укрепление внутренней языковой службы для муниципальных сотрудников, поощрение языковых прав среди граждан.

На территории распространения каталонского языка действуют также ассоциации и программы, имеющие поддержку на государственном уровне. В качестве примера отметим «Ассоциацию писателей на каталонском языке» (AELC), активно продвигающую каталонский язык среди населения через организацию широкого спектра мероприятий и поддержку писателей, желающих публиковаться на каталонском языке [10].

Еще одним примером государственной программы в поддержку каталонского языка является программа детского кино CINC (Cinema Infantil En Catalunya) под патронажем департамента культуры. Данная программа предлагает перевод кинокартин на каталонский язык с последующим их показом в кинотеатрах по сниженным ценам. Согласно статистике в 21 муниципалитете Каталонии с января по август 2022 г. 6137 зрителей посетили киносеансы на каталонском языке, где был представлен к показу 151 фильм [15].

Современная языковая ситуация в Каталонии и языковая политика, диктуемая правительством, вызывают волнения среди граждан, заставляя прибегать к использованию разных форм протеста. В социологии под социальным протестом понимается «реше-

тельное возражение против чего-либо; заявление о несогласии с чем-либо, о нежелании чего-либо» [3, с. 1074].

Результаты нашего исследования позволили выделить следующие формы социального протеста в Каталонии: *manifestación* (демонстрация), *huelga* (забастовка), *huelga de hambre* (голодовка), *mitin* (митинг), *colocación de piquetes* (пикетирование), *petición en línea* (онлайн-петиция).

Рассмотрим подробнее конкретные примеры гражданской инициативы каталонцев, которые находят свое выражение в приведенных выше формах социального протеста.

Manifestación (демонстрация). В сентябре 2022 г. тысячи жителей Барселоны вышли на демонстрацию, созданную организацией «Escuela de Todos», с требованием сделать испанский язык ведущим языком в системе образования Каталонии.

Многие участники демонстрации несли транспаранты в поддержку двуязычия в регионе. В манифесте, который был зачитан в конце мероприятия, участники потребовали от центрального правительства обеспечить преподавание не менее 25% учебных дисциплин на испанском языке.

Участники демонстрации призвали положить конец «репрессивной и запугивающей языковой политике». Цель демонстрации состояла в том, чтобы защитить «двуязычную Каталонию, в которой испанский и каталонский являются автономными языками» [19].

Huelga (забастовка). Ярким примером данной формы социального протеста является забастовка образовательных каталонских союзов, которые выступили против решения Верховного суда (TS) и Высокого суда Каталонии (TSJC) о запрете 25% учебных дисциплин на испанском языке в школах [18].

В декабре 2021 г. тысячи человек вышли с забастовкой против решения суда, которое обязало школы Каталонии преподавать не менее 25% учебных дисциплин на испанском языке [13].

Huelga de hambre (голодовка). Активист Сальвадор Броско в Сельре (Жиронес) организовал голодовку, чтобы защитить каталонский язык в учебных заведениях после решения Верховного суда Каталонии о введении 25% преподаваемых дисциплин на испанском языке [13].

Ранее активисты Жауме Састре и Карлес Ферриолсо в городе Вики (Барселона) объявили голодовку против внесения поправок в Закон о языковой политике, отстаивая каталонский язык после решения Верховного суда [8].

Petición en línea (онлайн-петиции). Одной из современных форм выражения гражданской инициативы в защиту каталонского языка являются онлайн-петиции. Граждане региона создают коллективные обращения в защиту языковых интересов на специально предназначенных для этого онлайн-порталах, одним из которых является, например, веб-сайт Change.org [11].

Примером использования данной формы протеста является петиция от организации «Español de todos», в которой выдвигается ряд требований к Женералитету Каталонии. Поводом для рассмотрения данной петиции стало постановление Высокого суда Каталонии от 16 декабря 2020 г., обязывающее Женералитет Каталонии гарантировать применение так называемой модели «лингвистического союза», в соответствии с которой в учебных заведениях должно преподаваться не менее 25% дисциплин на испанском языке. Данная петиция создана для привлечения внимания к вышеупомянутой проблеме и решения вопроса двуязычия в школах [11].

Таким образом, в решении вопросов языковой политики в Каталонии заинтересованы не только представители власти, но и жители региона.

Жители Каталонии контролируют исполнение законов и тем самым борются за сохранение своей культурной идентичности посредством различных форм социальных протестов: забастовок, голодовок, демонстраций, митингов, онлайн-петиций.

Гражданские инициативы каталонцев влияют на формирование современной языковой политики, привлекая внимание государства к проблемам в области языкового регулирования, и демонстрируют настроение общества на современном этапе.

Список литературы

1. Верников В. Каталония – «замороженный конфликт» // Современная Европа. 2018. № 2. С. 129–134.
2. Горенко Г.М. Социолингвистическая ситуация в Испании: к вопросу о защите языка нации // Филологические науки в МГИМО. 2019. № 17(1). С 80–88.
3. Добрен'ков В.И., Кравченко А.И. Социология: Учебник. М., 2001.
4. Конституционное право. Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-constitutional-law-dict.slovaronline.com> (дата обращения: 20.11.2022).
5. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Пред. научно-ред. совета В.С. Степин. М., 2000. Т. 1.
6. Орлов А.А. Национализм в истории Каталонии: прошлое и настоящее. М., 2020.
7. Социологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://voluntary.ru/slovari/sociologija-enciklopedija.html> (дата обращения: 20.11.2022).
8. 20minutos [Electronic resource]. URL: www.20minutos.es (дата обращения: 20.11.2022).
9. Alcala C. Claves históricas del independentismo catalán. Madrid, 2006.
10. Associació d'escriptors en Llengua Catalana [Electronic resource]. URL: <https://www.escriptors.cat/castellano> (дата обращения: 20.11.2022).
11. Change.org [Electronic resource]. URL: <https://www.change.org/p/ayúdanos-a-conseguir-que-en-cataluña-nuestros-hijos-puedan-estudiar-también-en-español> (дата обращения: 20.11.2022).
12. Domini.cat [Electronic resource]. URL: <https://domini.cat> (дата обращения: 20.11.2022).
13. El Nacional [Electronic resource]. URL: https://www.elnacional.cat/en/politics/families-canet-mar-school-25-spanish-quota-court_706203_102.html (дата обращения: 20.11.2022).
14. El País [Electronic resource]. URL: <https://elpais.com> (дата обращения: 20.11.2022).
15. Gencat [Electronic resource]. URL: <https://llengua.gencat.cat/es/el-catala/> (дата обращения: 20.11.2022).
16. Gifreu J. El català a l'espai de comunicació. El procés de normalització de la llengua als mitjans (1976–2013). Bellaterra / Castelló de la Plana / Barcelona / València, 2014.
17. Gràcia: ajuntament de Barcelona [Electronic resource]. URL: https://ajuntament.barcelona.cat/gracia/es/noticia/nuevas-medidas-para-impulsar-el-uso-del-catalan_1223458 (дата обращения: 20.11.2022).
18. La Razón [Electronic resource]. URL: <https://www.larazon.es/cataluna/barcelona/20221102/tlaa4g2cpfgo5k27n62yhftg6u.html> (дата обращения: 20.11.2022).
19. La Vanguardia [Electronic resource]. URL: <https://www.lavanguardia.com/politica/20220918/8532639/miles-personas-manifiestan-barcelona-inmersion-lingueistica-catalunya.html> (дата обращения: 20.11.2022).
20. Spanish constitution. Boletín Oficial del Estado, № 311. Madrid, 1978.
21. Unión Latina [Electronic resource]. URL: <https://www.unilat.org> (дата обращения: 20.11.2022).

* * *

1. Vernikov V. Kataloniya – «zamorozhennyj konflikt» // Sovremennaya Evropa. 2018. № 2. S. 129–134.
2. Gorenko G.M. Sociolingvisticheskaya situatsiya v Ispanii: k voprosu o zashchite yazyka natsii // Filologicheskie nauki v MGIMO. 2019. № 17(1). S 80–88.
3. Dobren'kov V.I., Kravchenko A.I. Sociologiya: Uchebnik. M., 2001.

4. Konstitucionnoe pravo. Enciklopedicheskiy slovar' [Elektronnyj resurs]. URL: <https://rus-constitutional-law-dict.slovaronline.com> (data obrashcheniya: 20.11.2022).
5. Novaya filosofskaya enciklopediya: v 4 T. / Preds. nauchno-red. soveta V.S. Stepin. M., 2000. T. 1.
6. Orlov A.A. Nacionalizm v istorii Katalonii: proshloe i nastoyashchee. M., 2020.
7. Sociologicheskaya enciklopediya [Elektronnyj resurs]. URL: <https://voluntary.ru/slovari/sociologija-enciklopedija.html> (data obrashcheniya: 20.11.2022).

Language politics of Catalonia: state support and citizen initiatives

The article deals with the theme of the citizen initiatives in Catalonia, aimed at the protection of the language. There is paid special attention to the topical linguistic situation in Catalonia and the status of the Catalan language in the article. The author describes the basic kinds of the citizen initiatives in the Catalan society and the state support in the issues of the preservation of the national languageS. There are given the examples of the implementation of the citizen and state initiatives, relative to the official Catalan languages.

Key words: *linguistic situation, language politics, linguistic conflict, citizen initiatives, social protest.*

(Статья поступила в редакцию 18.03.2023)

В.П. МОСКВИН
Волгоград

АНТОНОМАСИЯ: К УТОЧНЕНИЮ ПОНЯТИЯ

Критически проанализированы трактовки антономасии в античной, средневековой и современной традиции, описаны виды, уточнены дефиниция и этимология данной фигуры.

Ключевые слова: *стилистика, перенос, фигура речи, антономасия, прономинация.*

Судя по иллюстративным примерам, которые приводят античные филологи, в частности Трифон Александрийский (I в. до н. э.) в трактате «О тропах» и М.Ф. Квинтилиан (I в. н. э.) в трактате «Наставления оратору», а также по комментарию, уточнениям и дополнениям к концепции Квинтилиана, которые находим в риторике Г.И. Фосса (1577–1649), антономасия была задумана как ряд элокутивно релевантных манипуляций с именем собственным, ср.: «Proxima inter <traporum> species est Антономасία. <...> Fit autem bifariam. Prior modus est, cum proprium sumitur pro communi: Ut *Sardanapalus* pro molli, *Venus* pro formosa, *Irus* pro paupere, *Craesus* pro divite. <...> Alter Антономасίας modus est, cum commune sumitur pro proprio: Ut *Urbs* pro Roma» ‘Среди тропов ближайшей <к металепису*> разновидностью является антономасия. <...> Производится <она> двумя способами. Первый состоит в замене имени нарицательного собственным, напр. *Сарданапал* вместо *неженка*, *Венера* вместо *красавица*, *Ир* вместо *нищий*, *Крез* вместо *богач*. Второй способ производства антономасии – замена собственного имени нарицательным, напр. *город* вместо *Рим*’; ко второму способу Фосс относит и замену имени собственного эпитетом («per epitheton») [36, с. 325, 326].

Квинтилиан определяет данный термин следующим образом: «Antonomasia, quae aliquid pro nomine ponit, poetis utroque modo frequentissima, et per epitheton, quod detracto eo, cui apponitur, valet pro nomine, *Tydidēs, Pelides*; et ex his, quae in quoque sunt praecipua: – *Divum pater atque hominum rex*; et ex factis, quibus persona signatur: – *Thalamo quae fixa reliquit Impius*» ‘Антономасия, которая что-либо иное **вместо имени <собственного>** ставит, среди поэтов двумя способами употребительна: либо чрез эпитет, отвлеченный от того, к чему прилагается, напр. *Тидид* [‘сын Тидея’, т. е. Диомед, царь Аргоса, один из героев Троянской войны. – В.М.], *Пелид* [‘сын Пелея’, т. е. Ахилл. – В.М.], либо чрез отличительную черту, напр. *родитель богов и людей повелитель* <Вергилий. Энеида, I: 65>, а также чрез деяния, коими человек отличен: *все, что злодей* [речь идет об Энее. – В.М.] *ни оставил // в этих покаях* <Вергилий. Энеида, IV: 495>’ (Inst. orat. VIII, 6: 29) [30, с. 79].

Рассмотрим перевод А.С. Никольского: «Антономасия есть троп, когда **вместо имени** полагается что-нибудь ему равнозначщее» [8, с. 110]. В этой, как и в английской версии перевода, под антономасией придется понимать практически любой троп, ср.: Квинтилиан «<...> defines the trope in a deceptively simple manner: “something posited for a name [*aliquid pro nomine ponit*]”. Insofar as this definition could be understood to apply to all

* Первым среди тропов Фосс считает металепис, «cum antecedens ponitur pro consequente, aut contra» ‘который причину ставит вместо следствия или же наоборот’ [36, с. 325], ср.: *Шьёт распахонку счастливая мать – // Той же изгой будет саван сивать* (Е. Тахо-Годи. Стихи о жизни и смерти, 2011). – В. М.

tropes – each one replaces a “name” with something else – the distinctiveness of antonomasia must lie in the kind of name that it replaces: a proper name rather than a common one» “определяет троп обманчиво просто: ‘нечто, поставленное вместо имени [*aliquid pro nomine ponit*]’. Поскольку это определение может быть понято как применимое **ко всем тропам** – ибо каждый из них заменяет ‘имя’ чем-то другим – отличительная черта антономазии должна заключаться в типе имени, которое она заменяет: в имени **собственном**, а не в нарицательном” [19, с. 33]. Заметим: 1) все иллюстративные примеры, приводимые Трифоном, Квинтилианом, Фоссом и другими учеными, связаны исключительно с именами; 2) в латинском языке слово *nomen* означает прежде всего второе имя собственное свободнорожденного римлянина, напр.: *Марк* (praenomen) *Фабий* (nomen) *Квинтилиан* (cognomen) (Inst. orat. VII, 3: 27) [vide, e. g.: 29, с. 24], ср. также: «**Nomen** est, quod unicuique personae attribuitur, quo suo quaeque proprio et certo vocabulo appellatur» ‘Имя <собственное> есть то, которое каждое отдельное лицо идентифицирует, называет его точно и недвусмысленно’ (Inv. 1, XXIV: 34) [17, с. 122]. Контекстуально уместным для адекватного перевода представляется термин *имя собственное*, а не просто *имя*, что может быть понято как ‘имя существительное’.

В обозначенной перспективе должна трактоваться и этимология термина *антономасия*: а) греч. *ἀντωνομασία* ‘вместо имени <собственного использование>’, ср. *ὀνομασία* ‘имя собственное’, *ἀντί* ‘вместо’; б) лат. *pronominatio* ‘вместо имени <собственного использования>’. Данные термины традиционно применяются как дублетные, ср.: «Proxima inter <troporum> species est Ἀντωνομασία. Latine ad verbum dicatur pronominatio» ‘Среди тропов ближайшим <к металепису> видом является антономасия, по-латински, к слову, прономинацией именуемая’ [36, с. 325; 14, с. 334 / IV: XXXI, 42; в отечественной традиции см., напр.: 9, с. 44].

1. Система значений термина *антономасия*

В свете изложенного выше антономасию следует понимать как замену:

1. Имени собственного перифразой [34, с. 204; 36, с. 327] любого номинативного типа, в частности: а) метафорической: *Romanae eloquentiae princeps* ‘царь римского красноречия’ в м. Цицерон (Inst. orat. VIII, 6: 29) [30, с. 79]; б) логической, по формуле переноса species pro individuo: «Ἀθητὸς καὶ Διὸς υἱὸς ἀντὶ τοῦ Ἀπόλλων» ‘Зевса с Латоною сын <Гомер. Илиада, I: 9> вместо Аполлон’ [34, с. 204], *город на Неве* в м. Санкт-Петербург, *певец Фелицы* в м. Державин, *неживая река* в м. Лета: *Поплыть по неживой реке, Не ведая, что начертала Фортуна на речном песке...* (Е. Елагина. Памяти Б. Рыжего, 2004), etc. Данная формула переноса удобна для элокутивно значимого затемнения, используемого, в частности, в целях политической эвфемии: *Потом ты сгинул, потонул, пропал // в тех далях, о которых думать зябко* (Г. Плисецкий. Василий Алексеич, 1976), остражнения: *Клаузевиц на коне, // а в простой курной избе, // изукрашенной в резьбе, // дремлет дедушка без глаза* (Е. Перемышлев. И поддат, и борода..., 2005).

2. Имени собственного именем нарицательным, также по формуле переноса species pro individuo: *Ужасный чудными делами Зиждитель мира искони Своими положил судьбами Себя прославить в наши дни; Послал в Россию Человека, Каков неслыхан был от века* (М.В. Ломоносов. Ода на день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны, 1747), ср. *Петра Великого*; *Слеза из глаз у самого – // жара с ума сводила, // но я ему – // на самовар: // «Ну что ж, // садись, светило!»* (В. Маяковский. Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче, 1920), ср. *Солнце*; *Ἐννοσίγαιος*, букв. ‘Землесотрясатель’ в м. Посейдон [34, с. 204]; в устах римского оратора как замена имени конкретного лица: *parricida* ‘отцеубийца’ (Inst. orat. VIII, 6: 30) [30, с. 79]. Данная формула переноса также применяется для различных типов стилистически значимого затемнения: *Погиб Поэт! – невольник чести...* (М.Ю. Лермонтов.

Смерть Поэта, 1937), ср. Пушкин; Назывался город – просто **город**, Называлась речка – просто **речка** (Е. Горбовская. У дождя – то когти, то – копыта..., 2015).

3. Имени собственного именем прилагательным, в этом случае наблюдаем грамматический перенос: *Бужу я память о Дзуликом В сердцах молящихся людей* (А. Блок. Люблю высокие соборы..., 1902), ср. *о Дьяволе*; греч. Φοῖβος ‘Лучезарный’ в м. Аполлон [34, с. 204]; в устах римского оратора как замена имени конкретного лица: *impius* ‘нечестивый’ (Inst. orat. VIII, 6: 30) [30, с. 79]. Переименование «на основании реально-го признака либо представляющегося таковым» [29, с. 151] известно как антономасия «per epitheton» [36, с. 326]. ГРАММАТИЧЕСКИЙ ПЕРЕНОС, или ЭНАЛЛАГА [греч. ἐναλλαγή ‘изменение’], связан с переосмыслением морфологических категорий. Авторитетный немецкий филолог и библист Иоганн Альбрехт Бенгель (1687–1752) поясняет: «Эналлага есть грамматическая фигура <...>. Виды ее суть антимерия и гетерозис» [16, с. 1094], т. е. употребление одной части речи в значении другой (антимерия) и использование одной грамматической формы в значении другой (гетерозис). Данное членение восходит к позднеантичной традиции: так, в грамматиках Сервия Доната (IV в.) и его комментатора Помпея (V в.) такие переосмысления отнесены «либо к частям речи, либо к грамматическим формам частей речи» [28, с. 433]. Грамматический перенос имеет место при использовании: а) одной грамматической формы, напр. времени (в частности, в случае применения настоящего исторического), числа (при количественном переносе), лица, etc., в значении другой; б) слова одной части речи в значении другой, ср.: *и ляжет под яблоню белый, налив* (Г. Михалев. [Б]иография, 2018). Грамматические значения формируют таксономические микроиерархии, напр.: ‘число’ (род) ~ ‘ед. ч.’, ‘двойственное число’, ‘мн. ч.’ (виды); ‘лицо’ (род) ~ ‘1-е лицо’, ‘2-е лицо’, ‘3-е лицо’ (виды); ‘род’ (родовое понятие) ~ ‘жен. род’ и ‘муж. род’ (виды); ‘часть речи’ (родовое понятие) ~ ‘имя существительное’, ‘имя прилагательное’, ‘глагол’ (виды) и др. Еще Л. Валла (1439) отметил, что «<значение> времени относится к <значению> прошедшего времени так же, как род к виду» [35, с. 270], с этой точки зрения грамматический перенос следует рассматривать как перенос с вида на вид. Схема конверсии «имя прилагательное → имя существительное», в частности антономасия per epitheton (*серый* в м. волк, англ. жарг. *long green* в м. dollar, греч. Φοῖβος ‘Лучезарный’ в м. Аполлон), иногда трактуется как вид: а) метонимии [25, с. XIII; 32, с. 100], однако в этом случае признак придется считать феноменом, смежным с предметом (между тем предмет и его признак не составляют фрейм); б) синекдохи [34, с. 204; 23, с. 237; 27, с. 38; 31, с. 30], но в этом случае признак придется считать частью предмета, что также уязвимо с точки зрения логики.

Замена указанных трех типов известна как классическая антономасия.

4. Имени нарицательного именем собственным на основе метафорического переноса: а) *Это гонит Гекапа крылатых собак По затертым кругам бытия* (Е. Дунаевская. Игорю и Ирине, 2007), ср. луна; б) шутивно: *писатель Чехов, женских душ Антон* (В. Соснора. Мартовские иды, 2000), ср. знаток; в) *Мыслей печальных серое воронье Кружится над Помпеей моей разбитой. <...> Грусть и печаль, комками летите на пол! Ангел и лира выгонят мастера порч, Рядом с Помпеей выстроят свой Неаполь* (В. Молчанов. Лира, 2022). Этот тип, представляющий собой, по определению Г. Лаусберга, «инверсию» и логическое дополнение схемы классической антономасии [24, р. 265], известен как ф о с с и а н о в а антономасия, по имени Г.И. Фосса, полагавшего, что данная фигура «должна относиться к метафоре (ad metaphoram referri potest)» [36, с. 326]. Заметим: данный тип называет уже не *вместо* имени собственного (*pro nomine*) лицо, а *посредством* имени собственного (i. e. *per nomen*), причем практически любой предмет, что вступает в конфликт как с изначальным замыслом данной фигуры, так и с этимологией термина *антономасия/прономинация* в принятом выше понимании. П. Фонтанье, объединяя антономасию классическую и фоссрианову, определяет ее как «замену собственного имени нарицательным или наоборот» [20, с. 95].

В результате рассмотренных четырех процедур получаем «слово или перифразу как синонимы вместо узуального (τὸ κύριον) имени»* (Περὶ τρόπων, 18: 24–25) [34, с. 204], или «cognomen quod pro certo nomine collocet» ‘прозвище вместо привычного имени’ (IV: XXXI, 42) [14, с. 334], что: 1) с одной стороны, обогащает речь, ср.: немцы → *А в это время в северной части Сталинграда фрицы всех званий деловито спрашивали красноармейцев: «Битте, где здесь плен?»; Гитлер → а) Сталинград стал для бесноватого ефрейтора вопросом престижа; б) Сегодня бесноватому придется выступить с очередной речью* (И. Эренбург. Война, 1941–1945); 2) с другой стороны, по верному замечанию Николая Кузанского (1401–1464), зачастую превращает речь «в загадки (aenigmata)» (VII: 19) [26, с. 415]. Ср.: а) *О Ты, пространством бесконечный, Живый в движенъи вещества, Теченьем времени превечный, Без лиц, в трех лицах Божества, Дух всюду суций и единый, Кому нет места и причины, Кого никто постичь не мог, Кто все Собою наполняет, Объемлет, зиждет, сохраняет, Кого мы нарицаем – Бог!* (Г.Р. Державин. Бог, 1784); б) *Тезоименный исполину, Максентий коим побежден, Защитник веры, слава Россов, Гроза и ужас чалмоносцов, Великий Константин рождён* (В.П. Петров. На всевожделенное рождение великого князя Константина Павловича, 1779). К этим двум отрывкам вполне приложима следующая характеристика: «Антонимии следуют одна за другой <...>. Только после загадывания имени следует само имя, как разгадка» [1, с. 147]. Активная эксплуатация перифраз – примета высокого стиля XVIII в., характерная черта сентиментализма и романтизма: «Вместо “солнце” говорили *светило дня, дневное светило*; вместо “глаза” – *зеркала, зерцала души*. Сапожник именовался *смиранный ремесленник*, саблю заменяла *губительная сталь*» [5, с. 181–182]. Перифрастический стиль не отвечает требованию ясности речи: *Так он писал темно и вяло (Что романтизмом мы зовём)* (А.С. Пушкин. Евгений Онегин, 1823–1830).

Следует полагать, что фосссианова антонимия как тип метафоры представляет собой перенос имени собственного с одного объекта на другой на основе сходства: *Он нас-тоящий Плюшкин (Талейран, Донжуан), Таня – вторая Катя, Санкт-Петербург – северная Венеция*. Обратим внимание на тот факт, что коннотативно и дескриптивно пустые имена данного типа, в отличие от коннотативно или дескриптивно насыщенных, метафоризируются с трудом, ср.: *Он силен, как Гераклес → Он Гераклес, но: Он силен, как Иванов → *Он Иванов*. Такие метафоры требуют контекстуальных указателей на необходимость непрямого истолкования: *По силе он прямо-таки второй Иванов*. Насыщение коннотативными и дескриптивными ассоциациями приводит к появлению значения у имени собственного и переходу его в разряд нарицательных имен. Результатом перехода онима в класс апеллятивов, как известно, становятся: а) более или менее регулярная минускулизация, ср.: *Мужала эпоха... Покуда // мы знать не желали ее, // здесь в ирода вырос цуда, // людей расплодилось зверье* (Е. Каминский. Стихи нас давно погубили..., 2014); *Кем ты будешь, уйдя от меня, // содержанкой, настасьей филипповой?* (Д. Румянцев. Разрыв, 2014); *сидит серый вася // задумчивый котик* (М. Квадратов. Вася, 2009); б) приобретение формы множественного числа: *Держайте ныне ободренны Раченьем вашим показать, Что может собственных Платонов И быстрых разумом Невтонов Российская земля рождать* (М.В. Ломоносов. Ода на день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны, 1747); в комбинации со скорнением: *Ну и что пресловутый Пароход философский? Белибердаевы мутные Ересиархи, написты...* (С. Стратановский. Ну и что пресловутый..., 2009). Если классическая антонимия связана с процессом онимизации, то фосссианова – с деонимизацией.

Возможность метафорического переосмысления имен собственных отрицает Н.Д. Арутюнова. Доводы таковы: «Обыденное сходство, интересующее людей (*Брат и сестра похожи друг на друга, Бухарест слегка напоминает Париж*), касается в основ-

* Cf.: «Ἀντωνομασία ἐστὶ λέξις ἢ φράσις διὰ συνωνύμων ὀνομάτων τὸ κύριον παριστῶσα».

ном предметов одного класса, а поэтическое уподобление часто сближает объекты разных категорий (*Горы похожи на белых слонов*). Далее, рассматривая «вопрос об ограничениях на пути метафоризации сравнений», Арутюнова утверждает: «Не допускает преобразования в метафору сравнение с индивидуальным объектом: имена собственные могут приобрести нарицательный смысл, но они не порождают метафоры», поскольку: а) «сравнение в этом случае не преступает границ естественного класса»; б) «лексикализация значения имен собственных обычно **не связана с образным представлением** об индивиде. Когда человека называют лисой, то повадки этого животного, его хитрость и умение замести за собой следы, воспринимаются (хотя бы поначалу) слитно с его **образом**. Тот же, кто называет человека, наделенного даром к изощренной политике, Талейраном, обычно даже не знает, каков собой был этот дипломат; и в этом нет греха, поскольку хитроумие Талейрана не было связано с его внешностью»; отсюда тезис: «Назвав Талейрана лисой, мы бы прибегли к метафоре, но назвав какую-нибудь лису Талейраном, мы бы **не создали метафорического образа**» [2, с. 286, 280–281]. Данная аргументация не может быть признана убедительной по следующим причинам:

1. Как известно, способность к компаративной развертке – диагностическое свойство метафорического наименования, независимо от его разряда. Возможность метафорического использования имен собственных, основанного на «сравнении, не преступающем границ естественного класса», подтверждается трансформационным анализом: *Бухарест – это второй (маленький, румынский, настоящий) Париж* → *Бухарест красив, как Париж*; *Лис Квант – настоящий Талейран* → *Лис Квант хитроумен, как Талейран*.

2. Имя собственное *Талейран* обладает коннотацией ‘хитроумный’, что делает возможным его метафорическое использование; то обстоятельство, что в бытовом сознании представление о Талейране лишено элементов дескриптивности, никак этому не препятствует.

Думается, что к отрицанию способности собственных имен к метафоризации Арутюнову привела развиваемая ею концепция дескриптивной основы метафоры. Заметим, что еще Аристотель выявил разряд ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ПЕРЕНОСОВ, или «переносов для глаз» (*μεταφοραὶ πρὸς ὁμαίαν*), способствующих «наглядности речи». Судя по примерам, которые приводит ученый, это: а) метафора: «Кифисодот называл триеры *пестрыми мельницами*»; б) метонимия: «*пролейте слезы*» (*δακρῦσαι*)» (по героям, павшим при Саламине) [15, с. 146]. Мысли Аристотеля соответствуют типовое мнение о том, что метафора и метонимия, «к коей и синекдоха принадлежит», «заменяют прямое выражение прямым, вещь – образом» [21, с. 285–286]. Здесь, однако, необходимо подчеркнуть, что метафоризация, в частности фоссанова антономасия, в одних случаях имеет преимущественно коннотативную основу (о политике: *настоящий Талейран*), в других – преимущественно дескриптивную (*вылитая Джоконда*). С этой точки зрения концепция исключительно дескриптивной основы метафоризации представляется односторонней.

2. Критический анализ дефиниций

Анализ научной литературы разных лет убеждает не только в справедливости, но и в актуальности следующей давней констатации: «Термин *антономасия* мало знаком лингвистам» [12, с. 59]. Как показано выше, антономасия не сводится к одному семантическому переносу; с этой точки зрения очень трудно принять следующие типовые трактовки:

1. Антономасия «есть вид синекдохи (*synecdoches species*)» [36, с. 325]; с подведением под таксономические переносы: «троп, относящийся к имени лица, разновидность синекдохи (“галилеянин” вместо “Иисус” – род вместо лица; “Ментор” вместо “наставник” – лицо вместо рода) или перифраза (“земли колебатель” вместо “Посейдон”))» [6, с. 42]; «Антономасия есть синекдоха для собственного имени: *species pro individuo* в антономасии (*in antonomasia*) соответствует переносу *genus pro specie* в синекдохе» [24,

р. 265]. Данная трактовка восходит к Античности, ср.: «Ἐνίοι δὲ τὴν ἔλλειψιν καὶ τὴν ἀντονομασίαν ὑποτάττουσι τῇ συνεκδοχῇ» ‘Некоторые <ученые> эллипсис и антономазию относят к синекдохе’ [34, с. 204].

За определениями данного типа стоит неоднозначность в понимании синекдохи. В узком смысле последняя определяется как метонимический перенос с целого на часть (totum pro parte) или наоборот (pars pro toto). Анонимный автор «Риторики к Гереннию» определяет данный перенос следующим образом: «Intellectio est cum res tota parva de parte cognoscitur aut de toto pars» ‘Синекдоха есть целого предмета под частью подразумевание или части под целым’: «[...] ut si quis ei qui vestitum aut ornatum sumptuosum ostendet dicat: Ostentas mihi divitias et locupletes copias iactas» “Так, ежели кто кого *платье или облачение* дорогое показать просит, то молвит: ‘Показывай мне *богатства, сокровища* [Курсив наш. – В.М.] свои выкладывай”’. К числу видов синекдохи ученый, трактуя единицу как часть множества, отнес переносы ab uno plura и a pluribus unum, т. е. единственное во мн. множественного et vice versa (IV: XXXIII, 45) [14, с. 340], однако при отнесении к сфере синекдохи этих двух фигур она начинает пересекаться с гетерозисом, а именно с количественными, т. е. грамматическими переносами.

Одно из широких пониманий синекдохи аргументируется учеными, сознательно пренебрегающими, напр. вслед за Исидором Севильским (ок. 560–636), различиями между таксономией и партономимией: «Synecdoche est conceptio, cum a parte totum, vel a toto pars intelligitur. Eo enim et per speciem genus, et per genus species demonstratur, sed species est pars, genus autem totum» ‘Синекдоха есть перенос с части на целое или с целого на часть, а также с вида на род и с рода на вид, **поскольку вид – это тоже часть, а род – это тоже целое**’ (Etymol. I: 13) [22, с. 57], ср.: «ель – часть категории ‘дерево’, подобно тому как говорят, что рука – часть тела» [33, с. 94]. В нежелательности приложения понятия ‘часть’ к сфере абстракций, приводящего к размыванию границы между парциальными и таксономическими, а значит, дескриптивными и абстрактными переносами, убеждает невозможность субституции *Рука – часть тела* → **Рука – вид тела*. Следовательно, целесообразно: а) понятие ‘часть’ принимать в узком конкретном смысле – как составной либо неотторжимый фрагмент материального объекта; б) согласиться с мыслью о том, что «нужно отличать отношение рода и вида от отношения целого и части, смешение которых может оказаться причиной теоретических и практических ошибок» [3, с. 51].

Синекдоха в широком смысле традиционно рассматривается с двух точек зрения («локусов»): а) от большего к меньшему (locus a maiore ad minus): genus pro specie, totum pro parte и pluralis pro singulari; б) от меньшего к большему (locus a minore ad maius): species pro genere, pars pro toto и singularis pro plurali [24, с. 187]. Включение в сферу синекдохи таксономических и количественных переносов отдаляет ее от понятия метонимии, под определение которой как переноса по пространственной, темпоральной или каузальной смежности подпадают только парциальные переносы totum pro parte и pars pro toto. Добавление к числу видов синекдохи не соответствующих указанным двум локусам переносов ex praecedentibus sequentia ‘с причины на следствие’ «или наоборот» [30, с. 77], с материала на изделие: *auro* ‘золото’ во мн. *pecunia* ‘деньги’ [18, с. 163], антономасии (вслед за Трифоном Александрийским), etc. еще больше размывает данное понятие.

2. «Антономазия – тоже вид метонимии. <...> Используя этот троп, мы назовем сладострастника сарданапалом, а жестокого принца – нероном. *Оратор, поэт, философ* – имена нарицательные <...>. Однако эти слова мы применяем и к отдельным людям, как если бы они были собственными. Например, в беседе о Цицероне мы скажем: *Оратор предписывает это в своей «Риторике»*. Вместо *Вергилий пишет...* – мы можем сказать: *Поэт описывает бурю в первой книге «Энеиды»*, а вместо: *Аристотель доказал...* – говорим: *Философ в своей «Метафизике» доказал...*» [10, с. 123–124, ср. 9, с. 44–45]. В

первом случае антономасия основана на метафоре (ср.: *Этот принц – настоящий Нерон* → *Этот принц жесток, как Нерон*), во втором (*оратор* вм. *Цицерон*) – на переносе *species pro individuo*; метонимии *sensu stricto* здесь нет. Следующая трактовка сводит данный прием к фоссиановой антономасии, приписывая ей метонимическую основу: «Антономасия – вид метонимии, троп, который состоит в употреблении имени собственного литературного героя или исторического лица вместо обозначения черты характера или внешности, которые это лицо воплощает»: *Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес* (А.С. Пушкин. К портрету Чаадаева, 1829); *Называли люди дон-кихотом первого на свете Магеллана*. <...> *Называли люди дон-кихотом первого на свете Галилея. Первого на свете Птолемея* (Ф. Кривин. Дон-кихоты, 1970) [4, с. 23]. Однако фоссианова антономасия основана, как показано выше, на метафорическом переносе.

Некоторые из трактовок гласят: «Антономасией является всякого рода использование <имен> литературных персонажей в речах [...]» [13, с. 228], ср.: «Особый вид метонимии [vide supra. – В.М.] – антономазия (от греч. *antonomasia* – переименование) – троп, состоящий в употреблении собственного имени в значении нарицательного. Напр., фамилия гоголевского персонажа – *Хлестаков* – получила нарицательное значение «лгун, хвастун» <...>» [7, с. 178]. Здесь наблюдаем ограничение антономасии разновидностью (4), такое ограничение (с точки зрения логики – *saltus in concludendo*) явно восходит к абсолютизации наблюдений следующего типа: «Антономасия – один из моментов влияния литературных типов на жизнь, почему история этого влияния не может обойтись без указаний на антономасии (Митрофанушка, Чацкий, Молчалин, Скалозуб, Загорецкий, Хлестаков, Чичиков, Печорин, Чайльд Гарольд, Фальстаф, Фауст, Гамлет, Армида, ловеласы...)» [11, с. 178]. Интертекстуально коннотированными оними фоссианова антономасия, разумеется, не ограничена, многие ее образцы с категорией интертекстуальности никак не связаны, напр.: *вылитая Джеконеда, северная Венеция* ‘Санкт-Петербург’, etc.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
3. Бартон В.И. Имя // Логика / Под ред. В.Ф. Беркова. Минск, 1994. С. 36–108.
4. Береговская Э.М., Верже Ж.-М. Занятная риторика. М., 2000.
5. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М., 1982.
6. Гаспаров М. Л. Антономазия // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. М., 2001. Стб. 42.
7. Голуб И.Б. Русский язык и практическая стилистика. Справочник. М., 2018.
8. Квинтилиан М.Ф. Двенадцать книг риторических наставлений / Перев. с лат. А. Никольского. СПб., 1834. Ч. 2.
9. Квятковский А.П. Поэтический словарь. М., 1966.
10. Лами Б. Риторика, или Искусство речи // Пастернак Е.Л. «Риторика» Б. Лами в истории французской филологии. М., 2002. С. 59–300.
11. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. М., 1990.
12. Суперанская А.В. Структура имени собственного: фонология и морфология. М., 1969.
13. Тимофеев Л.И. Основы теории литературы. М., 1971.
14. Ad C. Herennium de ratione dicendi (Rhetorica ad Herennium) / Ed. H. Caplan. London, 1954.
15. Aristotelis De rhetorica libri III // Aristotelis opera / Ex rec. I. Bekkeri. T. XI. Oxonii, 1837.
16. Bengel J.A. Gnomon Novi Testamenti, in quo ex nativa verborum vi simplicitas, profunditas, concinnitas, salubritas sensuum caelestium indicatur. Londini, 1862.
17. Cicero M.T. De inventione rhetorica // Cicero M.T. M. Tullii Ciceronis Opera quae supersunt omnia ac deperditorum fragmenta. Vol. I. Turici, 1826. P. 103–199.
18. Cipriano Soarez's Art of Rhetoric // Rhetoric & dialectic in the time of Galileo / Ed. J.D. Moss & W.A. Wallace. Washington, 2003. P. 111–186.
19. Fenves P.D. Arresting language. From Leibniz to Benjamin. Stanford, 2001.
20. Fontanier P. Les Figures du discours / Éd. G. Genette. Paris, 1968.

21. Heinichen F.A. Lehrbuch der Theorie des lateinischen Stils. Leipzig, 1842.
22. Hispalensis I. Etymologiarum libri XX / Ed. F.V. Otto. Lipsiae, 1833.
23. Kokondrius. De tropis // Rhetores graeci / Ed. L. von Spengel. Vol. 3. Lipsiae, 1856.
24. Lausberg H. Handbook of literary rhetoric. A foundation for literary study. Leiden, 1998.
25. Lodge D. Working with structuralism: essays and reviews on nineteenth and twentieth century literature. London, 1981.
26. Nicolai Caussini Trecensi, e Societate Iesu De eloquentia sacra et humana: libri XVI. Coloniae Agrippinae, 1681.
27. Pollio H.R., Barlow J.M., Fine H.J., Pollio M.R. Psychology and the poetics of growth: Figurative language in psychology, psychotherapy, and education. Hillsdale, 1977.
28. Pompeii Commentum Artis Donati. Lipsiae, 1820.
29. Puttenham G. The Arte of English Poesie. 1589. Kent. Univ. Press, 1988.
30. Quintilianus M.F. Institutionis oratoriae libri duodecim. Vol. II. Lipsiae, 1854.
31. Rice D., Schofer P. Rhetorical poetics: theory and practice of figural and symbolic reading in modern french literature. Wisconsin, 1983.
32. Ruhl Ch. On monosemy: A study in linguistic semantics. New York, 1989.
33. Seto K. Distinguishing Metonymy from Synecdoche // Metonymy in Language and Thought. Amsterdam, 1999. P. 91–120.
34. Τρόπωνος Περί τρόπων // Rhetores graeci: ex recognitione Leonardi Spengel. Vol. III. Lipsiae, 1856. P. 191–206.
35. Valla L. Dialectical disputations. Vol. I. Cambridge, 2012.
36. Vossius G.J. Rhetorices contractae, sive Partitionum oratoriarum libri quinque. Matriti, 1781.

* * *

1. Averincev S.S. Poetika rannevizantijskoj literatury. M., 1997.
2. Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka. M., 1999.
3. Barton V.I. Imya // Logika / Pod red. V.F. Berkova. Minsk, 1994. S. 36–108.
4. Beregovskaya E.M., Verzhe Zh.-M. Zanyatnaya ritorika. M., 2000.
5. Vinogradov V.V. Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vv. M., 1982.
6. Gasparov M. L. Antonomaziya // Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij / Pod red. A.N. Nikolyukina. M., 2001. Stb. 42.
7. Golub I.B. Russkij yazyk i prakticheskaya stilistika. Spravochnik. M., 2018.
8. Kvintilian M.F. Dvenadcat' knig ritoricheskikh nastavlenij / Perv. s lat. A. Nikol'skogo. SPb., 1834. Ch. 2.
9. Kvyatkovskij A.P. Poeticheskij slovar'. M., 1966.
10. Lami B. Ritorika, ili Iskustvo rechi // Pasternak E.L. «Ritorika» B. Lami v istorii francuzskoj filologii. M., 2002. S. 59–300.
11. Potebnya A.A. Teoreticheskaya poetika. M., 1990.
12. Superanskaya A.V. Struktura imeni sobstvennogo: fonologiya i morfologiya. M., 1969.
13. Timofeev L.I. Osnovy teorii literatury. M., 1971.

Antonomasia: to the specification of the concept

The article deals with the critical analysis of the interpretations of antonomasia in the ancient Middle-Age and modern tradition. The author describes the kinds and specifies the definition and the etymology of this figure.

Key words: *stylistics, transfer, figure of speech, antonomasia, pronomination.*

(Статья поступила в редакцию 03.04.2023)

В.В. КАТЕРМИНА
Краснодар

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ТУРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(на материале английских неологизмов)

Рассматриваются новые тенденции в туристическом дискурсе на материале английских неологизмов. Неологизмы раскрывают значимость и место в системе англоязычного туристического дискурса. Анализируется дискурсивный план данного пласта лексики. Значение таких неологизмов прозрачно из-за номинативной весомости их компонентов. Данные единицы формируют информационную картину мира и отражают национально-культурные особенности мировосприятия и систему ценностных отношений.

Ключевые слова: *неологизм, туристический дискурс, английский язык, лексикография, тренд, коннотация.*

По своему духу «туризм как, наверное, никакая другая социальная практика созвучен духу времени, в котором границы между государствами нередко имеют весьма условный характер, путешествия становятся привычными, поездки даже на другой континент перестают восприниматься как экзотика. Активное развитие туризма ознаменовано в языке/речи появлением новых слов и нового дискурса, которые, в свою очередь, становятся объектом специальных лингвистических исследований» [6, с. 90].

Неология сегодня развивается в разных направлениях. В научной литературе встречается «упоминание когнитивного, психолингвистического, коммуникативного и социолингвистического направлений, деривационного и стилистического направлений» [1, с. 411]. Я.А. Олефир выделяет «словообразовательную неологию, социолингвистическое направление в неологии, лингвокультурологическое направление, психолингвистическое направление и когнитивное направление» [1, с. 411]. Ю.А. Воронцова считает, что «в современной неологии можно выделить два основных направления: 1) исследование специфики обновления словарного состава языка (неологизм как объект неологии); 2) выявление и изучение проблематики, связанной с лексикографированием неологизмов (неологизм как объект неографии)» [2, с. 112]. Обзор научной литературы показывает «все большее распространение когнитивного подхода в решении задач, стоящих перед неологией. В рамках когнитивного направления, как представляется, можно получить ответы на многие вопросы, связанные с механизмами появления новых наименований в языке, а также развитием новых значений у существующих единиц языка» [1, с. 411].

Туризм совмещает «познания и действия в непосредственном опыте путешественника <...> Туристический дискурс является одним из самых диффузных, данная сложность отражается в лексике его участников. Эти особенности представляют особый интерес для исследователя, занимающегося проблемой языка как способа познания» [4, с. 4].

Туризм – это «социокультурная практика, модель рекреации, досуга и бизнеса, система международных туристских связей и коммуникаций, туристический рынок, крупномасштабная индустрия» [6, с. 147]. К. Роджек и Ф. Инглис рассматривают туризм как ключ к пониманию социальной организации [Там же].

Индустрия туризма «очень быстро реагирует на запросы и возможности активного потребителя, поэтому не удивительно, что с точки зрения языковых новшеств здесь есть прагматический интерес как собственно потребителю, так и продавцу туристских услуг. Компетентность культуролога, специалиста по социокультурному проектированию предполагает понимание специфики туризма как феномена современного мира, владение основным терминологическим аппаратом туристики, способность использовать, анализировать, вводить в деловую практику терминологические новшества, зачастую привносимые в арсенал работы туроператоров и агентств из практики стран развитого туризма, в частности – англоязычных стран» [3, с. 228].

Материалом для исследования послужили неологизмы, обозначающие виды туризма, взятые из английских лексикографических онлайн-источников [7; 9; 12; 13].

К особенностям видов туризма среди англоязычных неологизмов можно отнести путешествие без мобильного телефона в места, которые блокируют или не имеют доступ в интернет (*tech-free tourism – travelling without a mobile phone or similar devices, particularly to places that block or cannot access internet and cellular signals*).

Среди любителей популярен туризм, связанный с пчелами (*apitourism – tourism that is centered around bees and bee-related activities*).

Еще одна особенность включает в себя ночевки в недействующих церквях (*champing – a type of camping that involves sleeping in a church that is not being used*).

Желание познакомиться с местной культурой вызвало необходимость номинации такого вида туризма, как *sight-doing* (*sight-doing – doing activities when on holiday, especially those that involve taking part in local culture*).

Помимо ночевки в церквях, популярным видом туристической деятельности является посещение могил знаменитых людей (*tombstone tourism – an activity of visiting the graves of famous people for enjoyment*).

Еще к одной особенности туризма в наши дни, выраженного англоязычными неологизмами, можно отнести поездки в страну, где существуют более приемлемые и «удобные» бракоразводные законы (*divorce tourism – the activity of going to another country to take advantage of its divorce laws*).

Пеший туризм преобразился с изменением финансовых возможностей путешественников и отношения к собственному времени, комфорту и получению впечатлений, в связи с чем и появился неологизм *flashpacking* (*a type of backpacking (travelling or camping while carrying everything you need in a backpack) that is more comfortable and luxurious than traditional backpacking*). Основная ценность данного вида путешествий – впечатления и новый опыт.

Bleisure – это возможность совмещения командировки с путешествием в рамках мини-отпуска. Данный вид деятельности вызван желанием мотивировать сотрудников (*bleisure – the activity of combining business travel with leisure time*).

Желание заниматься активным видом отдыха – поездкой на велосипеде в сельской местности – обусловило создание неологизма *wild cycling* (*the activity of exploring the countryside by bicycle, using only small paths and lanes*), к особенностям которого можно отнести использование тропинок и узких дорожек.

Активные виды отдыха доступны не всем – так, например, неологизм *slow adventure* – это вид отдыха для любителей созерцания природы и неторопливых прогулок (*slow adventure – a type of holiday involving outdoor activities that allow you to appreciate the natural environment and are not physically demanding*).

Одна из составляющих туризма – отдохнуть и поправить здоровье. Именно на это направлен термальный туризм *thermal tourism – travel to a warmer country to spend the winter months there in order to avoid the cold weather and higher heating bills in your own country*. Термин возник как противопоставление медицинскому туризму (*medical tourism*), базирующемуся на понятии «болезнь» и попытке вылечить ее. Термальный туризм – это же-

ление быть более здоровым и счастливым; бонус такого туризма – отсутствие необходимости платить высокие счета за отопление в своей стране в холодное время года.

Обратная сторона туризма – люди, живущие в часто посещаемых местах. Ситуация, когда в какой-то городок приезжает так много туристов, что жизнь местных становится невыносимой, привела к созданию неологизма *extractive tourism – the situation when too many people visit a place on holiday, so that life is made difficult or impossible for the people who live there*.

С этим понятием связан и неологизм *overtourism – the situation when too many people visit a place on holiday, so that the place is spoiled and life is made difficult for the people who live there* – ситуация, когда слишком много людей посещает одно место в отпуске, так что место становится испорченным и жизнь людей, которые там живут, усложняется.

Пандемия и ее последствия, в частности онлайн-образование, вызвали необходимость особого вида семейного отдыха – *schoolcation – a family holiday during which the children receive online schooling*.

Невозможность путешествовать в течение периода времени, связанного с пандемией, привела к желанию людей путешествовать больше, чем обычно. Как результат – появление неологизма *revenge travel – the activity of travelling and going on holiday more than usual as a reaction to not having been able or allowed to do so for a period of time* (нынешнее из мести – активность путешествий и поездок в отпуск больше, чем обычно, как реакция на невозможность или разрешение сделать это в течение определенного периода времени). Ключевая лексема *revenge* в составе неологической единицы (*revenge – an opportunity for getting satisfaction – возможность получить удовлетворение*) обладает ярко выраженной коннотацией.

Vaxication – поездка ради прививки – это тоже новый тренд в индустрии развлечений. Данный вид туризма возрос по мере того, как вакцина от ковида стала доступной населению.

В последнее время популярным стал вид отдыха с совмещением волонтерской работы (*volunteercation – a holiday spent doing volunteer work, voluntourism – a type of holiday in which you work as a volunteer (= without being paid) to help people in the places you visit*). Благотворительный туризм становится новым туристическим трендом – *philantourism is the term for philanthropy combined with tourism. It is a type of voluntourism which is defined as the act of selecting a tourist location that is in desperate need of visitors. It's a way of showing support for the chosen destination to raise funds for a good cause. It's the act of picking a vacation or experience to promote a cause, guaranteeing that travel may be a positive factor*. Это тип добровольного туризма, определяющегося как акт выбора туристического места, которое остро нуждается в посетителях. Это способ продемонстрировать поддержку выбранного направления для сбора средств на благое дело. Это акт выбора отпуска или опыта для продвижения дела, гарантирующего, что путешествие может быть положительным фактором.

Еще одним важным туристическим трендом, выраженным англоязычными неологизмами, является *peace tourism – travelling to places which are important because of their commitment to peace, often because they are the location of a previous conflict or war*. Мирный туризм – это путешествие в места, которые важны из-за их приверженности миру, часто потому, что они являются местом предыдущего конфликта или войны.

Согласно мнению зарубежных ученых, «путешествия стали одной из великих сил мира и взаимопонимания в наше время. По мере того, как люди путешествуют по миру и учатся узнавать друг друга, понимать обычаи друг друга и ценить качества людей каждой нации, мы выстраиваем уровень международного взаимопонимания, который может резко улучшить атмосферу мира во всем мире» [11]. В то время как «туризм в развивающихся странах растет более быстрыми темпами, вопрос заключается в том, может ли он способствовать созданию блоков для мира: социальной справедливости, экономической справедливости, устойчивого развития и широкой демократии» [8].

В связи с этим следует упомянуть и неологизм *regenerative tourism – the activity of going on holiday to a particular destination and making a positive impact on the place and the people who live there*. Регенеративный туризм – это деятельность по проведению отпуска в определенном месте и оказание положительного влияния на это место и людей, которые там живут. Регенеративный туризм – это идея о том, что туризм должен оставить место лучше, чем оно было раньше. Регенеративный туризм предлагает важный набор решений для переосмысления и восстановления индустрии туризма. Он также улучшает местную экономику, сохраняет местную культуру и биоразнообразие, предлагая гостям незабываемые, аутентичные впечатления, меняющие жизнь, и позволяя местам назначения совершенствоваться [10].

Таким образом, неологизмы раскрывают значимость и место в системе англоязычного туристического дискурса. Номинативные единицы «выполняют не только собственно назывательную функцию, но и функцию репрезентации отдельных фрагментов мира и его концептуализации <...> они формируют понятия и другие концептуальные сущности, свидетельствующие о том, каким видится окружающий человека мир, что в нем остановило его внимание и какие именно крупницы опыта, знаний и оценок человек счел для себя наиболее существенным» [5, с. 430].

Список литературы

1. Базарова Б.Б., Шангаева Н.К. Современные технологии и человек в неологизмах // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 5(72). С. 411–413.
2. Воронцова Ю.А. Неология и неологизмы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 2. С. 111–114.
3. Иванова Н.К., Масленникова О.Н. Некоторые особенности современной терминологии туристики, или к чему еще может/должен быть готов культуролог // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки». 2013. № 4(3). С. 228–234.
4. Катермина В.В., Липириди С.Х. Прагматико-аксиологический потенциал сетевых английских неологизмов туристического дискурса. Краснодар, 2021.
5. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
6. Липириди С.Х. Неологизмы в туристическом дискурсе (на материале английского языка) // Гуманитарные исследования. 2019. № 3(24). С. 90–93.
7. A blog from Cambridge Dictionary [Electronic resource]. URL: <http://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms> (дата обращения: 10.01.2023).
8. Honey M. Tourism: Preventing Conflict, Promoting Peace [Electronic resource]. URL: <http://www.responsibletravel.org> (дата обращения: 10.01.2023).
9. Macmillan dictionary [Electronic resource]. URL: <http://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 15.01.2023).
10. Regenerative tourism: moving beyond sustainable and responsible tourism [Electronic resource]. URL: <https://www.cbi.eu/market-information/tourism/regenerative-tourism> (дата обращения: 13.01.2023).
11. Tarlow P.E. Does Tourism Promote Peaceful Co-existence? [Electronic resource]. URL: <http://www.tourismandmore.com> (дата обращения: 09.01.2023).
12. Urban dictionary [Electronic resource]. URL: <http://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 15.01.2023).
13. WordSpy [Electronic resource]. URL: <http://www.wordspy.com/> (дата обращения: 18.01.2023).

* * *

1. Bazarova B.B., Shangaeva N.K. Sovremennye tekhnologii i chelovek v neologizmah // Mir nauki, kul'turny, obrazovaniya. 2018. № 5(72). S. 411–413.
2. Voroncova Yu.A. Neologiya i neologizmy // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2016. № 2. S. 111–114.

3. Ivanova N.K., Maslennikova O.N. Nekotorye osobennosti sovremennoj terminologii turistik, ili k chemu eshche mozhet/dolzhen byt' gotov kul'turolog // Izvestiya vuzov. Seriya «Gumanitarnye nauki». 2013. № 4(3). S. 228–234.

4. Katermina V.V., Lipiridi S.H. Pragmatiko-aksiologicheskij potencial setevyh anglijskih neologizmov turisticheskogo diskursa. Krasnodar, 2021.

5. Kubryakova E.S. Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoj točki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira. M., 2004.

6. Lipiridi S.H. Neologizmy v turisticheskom diskurse (na materiale anglijskogo yazyka) // Gumanitarnye issledovaniya. 2019. № 3(24). S. 90–93.

***The new tendencies in the tourist discourse
(based on the English neologisms)***

The article deals with the new tendencies in the tourist discourse at the material of the English neologisms. The neologisms uncover the significance and place in the system of the English language tourist discourse. The author analyses the discursive plan of the layers of the vocabulary.

The meaning of such neologisms is clear because of the nominative weighting of their components. These units form the information world picture and reflect the national and cultural peculiarities of the world perception and the system of the values-based attitudes.

Key words: *neologism, tourist discourse, English language, lexicography, trend, connotation.*

(Статья поступила в редакцию 25.04.2023)

А.В. ЛЕНЕЦ
Ростов-на-Дону

**ЯЗЫК И КУЛЬТУРА КАК ФАКТОРЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КИНОДИСКУРСЕ
(на материале австрийских фильмонимов)**

Посвящена изучению реализации в заголовках австрийских кинофильмов национально-культурных доминант, которые позволяют конструировать национальную идентичность граждан Австрии. Рассмотрены понятия национальной идентичности, фильмонима. Представлены основные этапы формирования национальной идентичности австрийцев в австрийском кинодискурсе. Анализ наименований австрийских кинолент – фильмонимов – позволил установить лингвокультурные доминанты Австрии в их диахроническом аспекте.

Ключевые слова: *австрийский, конструирование, кинодискурс, национальная идентичность, лингвокультура.*

На сегодняшний день учеными выделяются две основные составляющие понятия национальной идентичности – ее когнитивная и оценочная стороны [8]. Когнитивная подразумевает понимание индивидом характерных национальных особенностей своей общности, культурных и исторических ценностей, привычек, норм, отличающих ее от

других. Оценочная сторона предполагает осознание индивидом общих национальных стремлений и целей, векторов дальнейшего развития [3, с. 4]. Национальная идентичность предполагает также осознание индивидом общей исторической памяти и культуры, которые являются результатом многовекового развития этнической истории и идентичности того или иного сообщества [4], а также системы убеждений, доминирующей идеологии и манипуляции сознанием, включающими в себя память, идеологию и символику [6, с. 1].

Под национальной идентичностью в настоящем исследовании понимается отождествление себя с некой социальной, этнической или национальной группой и принятие индивидом ее концепций, основополагающих ценностей, репутации, условий ее существования, социальных институтов и традиций. Формирование идентичности представителей любого этноса происходит в результате нескольких этапов, временные интервалы которого зависят от исторических, политических, культурных событий. Исследований по австрийской идентичности остается до сих пор мало [8].

Национальная идентичность граждан современной Австрийской республики начала формироваться в 1953 г. В этот год произошло долгожданное восстановление австрийской государственности, был принят закон о постоянном нейтралитете Республики. Кроме того, формирование идентичности австрийской нации тесно связано со многими культурно-историческими и географическими аспектами [10; 13]. Согласно результатам опросов среди населения о современном имидже страны в период с 2012 до 2017 гг., природные ландшафты Австрии, ее памятники природы, истории и культуры играют главенствующую роль в развитии и укреплении у австрийцев понимания важности национального самоопределения и обособления себя от других стран и наций. Помимо природных богатств и красот, австрийцы гордятся и восхищаются своей богатой архитектурой, живописью, музыкой и знаменитыми на весь мир композиторами-выходцами из Австрии [2, с. 28], а также уникальным гастрономическим разнообразием [5, с. 7].

Целью настоящей *статьи* является установление особенностей австрийской лингвокультуры, репрезентированных в названиях австрийских кинофильмов. Для достижения этой цели необходимо решить *следующие задачи*: 1) рассмотреть особенности австрийской идентичности; 2) описать национально-культурную специфику австрийской лингвокультуры; 3) проанализировать лингвистические средства, отражающие национально-культурную специфику австрийской лингвокультуры в австрийских фильмах.

Культура любого народа также неразрывно связана с языком. Одной из важнейших составляющих национальной идентичности австрийского народа является австрийский немецкий, или так называемый австрийский национальный вариант немецкого языка [9]. Австрийский немецкий отражает характерные особенности говорящего на нем населения, которые принято называть национальными чертами, а также является инструментом их познания и усвоения.

Кинематограф как явление массовой культуры выступает при этом в качестве своеобразного «зеркала», запечатлевая и отражая все сферы жизнедеятельности человека [7]. Кроме того, в этом «зеркале» находит свое отражение и национально-культурная специфика той или другой страны. Это значит, что кино и кинодискурс способны конструировать окружающую нас реальность в зависимости от того аспекта, который находится в фокусе режиссера и сценариста и который они хотят донести до широкой общественности. Кинематограф как нельзя лучше отражает исторический, культурный, политический и социальный портрет общественной жизни определенного общества. Именно фильмы являются одним из главных источников исследования социальных, национальных и этнических черт определенных групп населения и одновременно средством создания образа национальной идентичности в массовой культуре [14].

Процесс сравнения себя с неким другим индивидом, другой общностью или социальной группой становится ключевым. Восприятие художественных образов в рамках кинематографа при этом не является исключением. Наоборот, при попытке восприятия культуры, ценностей и традиций персонажей зритель-реципиент также взаимодействует с «другими» индивидами или общностями. Именно здесь индивидом соотносятся или разграничиваются национальные и культурные ценности своего этноса, осознается собственная самобытность [3, с. 41].

Исследование процесса формирования национальной идентичности в кинодискурсе в настоящий момент является актуальным в связи с позицией лингвокультурологии [13]. Заглавия кинофильмов, т. е. фильмонимы несут в себе значительный лингвокультурологический потенциал, который может быть выявлен только в ходе комплексного многоаспектного анализа посредством детального рассмотрения заглавия в его неразрывной связи с контекстом – с тем содержанием произведения или картины, к которому он относится. Само название фильма уже предстает перед зрителем в качестве некоего ориентира среди всего разнообразия современной кинопродукции, а также в качестве ключа к интерпретации заложенных в ней культурных кодов окружающей действительности.

Известно, что яркое воплощение лингвокультурные реалии получают именно в кинематографическом дискурсе. Анализ кинематографического дискурса побуждает лингвистов часто обращаться к понятию фильмонима [1, с. 27]. Под фильмонимом нами понимается такое название киноленты, которое отражает содержание и художественный замысел фильма.

При проведении анализа за основу принимается положение о том, что фильмоним выполняет номинативную, коммуникативную, информативную и эстетическую функции. По своей структуре фильмонимы просты и лаконичны, чаще всего они представляют собой односоставное предложение, главный член которого нередко выражен существительным в именительном падеже. Фильмоним передает определенную информацию о содержании картины, что определяет его *коммуникативную функцию*. Важное значение при этом играют такие стилистические средства, которые позволяют быстро и легко их запоминать и эффективно воздействовать на адресата. Отсюда фильмонимы, без сомнения, обладают прагматическим потенциалом. Обобщая смысл картины или ее мораль, фильмоним выполняют *информативную функцию*. Благодаря этому для зрителя, как и для любого адресата художественного произведения, становится возможным еще на начальном этапе восприятия заглавия строить прогнозы относительно содержания и сюжетных поворотов фильма и предугадывать их, поэтому его также можно называть коммуникативным партнером режиссера. Другой важной функцией фильмонима является *эстетическая*. Фильмоним отражает эстетическое отношение к действительности, конструируемой в произведении. Фильмоним предстает перед зрителем в качестве некоего ориентира среди всего разнообразия современной кинопродукции, а также в качестве ключа к интерпретации заложенных в ней культурных кодов окружающей действительности.

Кино играет значительную роль в формировании национальной идентичности, поэтому неудивительно, что материалом исследования явились заголовки австрийских фильмов, снятых в различные исторические периоды Австрии (с 1907 по 2007 гг.). Соответственно, единицей исследования явились австрийские кинофильмы и кинозаголовки. Всего было собрано 488 названий кинофильмов – 77 документальных и 411 художественных, из них подвергнуто анализу 105 заголовков – 12 документальных и 93 художественных. Анализ специфики компонентов фильмонимов на разных уровнях позволил выявить лингвокультурные доминанты, характеризующие жителей отдельно взятого государства, их взгляды и нравы.

Фильмоним представляет собой сложное образование, включающее вербальное, визуальное и звуковое воплощения. Названные составляющие обусловлены как намерением автора, так и национальным языком и культурой. Лексические единицы, используемые в создании заголовка кино, передают информацию о художественных, социальных, духовно-нравственных ценностях той или иной культуры. Отсюда социально-исторические, культурные, литературные и языковые факторы имеют важное значение в кино.

При проведении анализа кинозаголовков использовался лингвокультурологический подход, который понимается как междисциплинарная теоретическая основа. Это основа объединяет форму критического дискурс-анализа, а также дискурс-исторический подход совместно с политологией, историческим и социологическим подходами. Данный подход в анализе характеризуется также учетом исторического и культурного контекста. Лингвистическое конструирование идентичности обосновывается с позиции дискурсивного анализа [11, с. 5].

История зарождения кино как отдельного вида искусства и отрасли художественного творчества берет свое начало в конце XIX в. Историю австрийского кино предлагаем условно разделить на 5 этапов, которые отражают основные закономерности и тенденции в его развитии, его национально-культурную специфику, а также его лингвокультурологическое содержание в фильмонимах.

Первый этап (1885–1920 гг.) связан с рождением кино как такового. Первые австрийские киноленты восходят к началу XX в., когда в стране начались открытые показы первой анимации и полноценных самостоятельных кинокартин. Первые кинофильмы, вышедшие в Австрии, это документальные кинокартины („*Die Kaisermanöver in Mähren*“ (1903–1907), „*Typen und Szenen aus dem Wiener Volksleben. Gewöhnliches Leben in Wien*“ (1907–1910)). Киносюжеты того времени иллюстрировали трудовые будни работников („*Arbeiter verlassen die Fabrik*“ (1905) или обыденные ситуации („*Taubenfüttern*“ (1909). Немного позже, к 1910 г., в прокате появились также и первые короткометражные фильмы с вымышленным сюжетом, на смену которым через несколько лет пришли художественные киноленты.

Второй этап (1921–1938 гг.) тесно связан с поиском места австрийского кино на мировой сцене. Первыми жанрами австрийского кино стали немые документальные и художественные фильмы. Они изображали быт обычных людей или заснятые природные пейзажи („*Die böse Schwiegermutter*“ (1910); „*Der Müller und sein Kind*“ (1911); „*Metallergewinnung am steirischen Erzberg*“ (1912)). Названия первых кинолент также были незамысловатыми и зачастую отражали непосредственно действия самих картин и их основную идею („*Die Ankunft eines Zuges auf dem Bahnhof in La Ciotat*“ (1896)). Большая часть первых австрийских короткометражных звуковых фильмов ограничивалась созданием шума и простейших музыкальных эффектов. Затем последовали зарисовки кабаре, такие как „*In der Theateragentur*“ (1930).

На *третьем этапе* (1938–1955 гг.) в основе конструирования национальной идентичности находятся сведения о прошлом. В рамках конструирования национальной идентичности настоящего и будущего учитываются язык, искусство, культура. Киноиндустрия Австрии данного этапа характеризуется производством фильмов, подчеркивающих исключительность австрийской нации и прославляющих патриотические чувства народа к родной земле, к природе и сельской жизни. Все они скрыто или явно передавали национал-социалистические идеи. Вместе с тем в это время создавались киноленты с изображением судеб знаменитых на весь мир венских музыкантов и поэтов, а также мюзиклы о 300-летней истории венской культуры („*Wiener Zauberklänge*“ (1931); „*Unter den Dächern von Wien*“ (1931); „*Großherzogin Alexandra*“ (1933); „*Unser Kaiser*“ (1933); „*Geschichten aus dem Wiener Wald*“ (1934).

Четвертый этап (1956–1990 гг.) отразил в себе все глубинные изменения, произошедшие в жизни общества того времени. На экраны выходят десятки австрийских экранизаций литературных романов („*Menschen im Hotel*“ (1959), „*Schachnovelle*“ (1960), „*G'schichten aus dem Wienerland*“ (1961), „*Der Herr Karl*“ (1961), „*Der Prozess*“ (1962), „*Der junge Törless*“ (1966), „*Trotta – Die Kapuzinergruft*“ (1971), „*Die Angst des Tormanns beim Elfmeter*“ (1972)). Большую популярность в Австрии получают фильмы о Родине („*Heimatfilme*“), о жизни в идиллических горных деревнях, в винодельческих регионах („*Die Winzerin von Langenlois*“ (1967)), в районах озер („*Hochzeit am Neusiedler See*“ (1963); „*Urlaub am Wörthersee*“ (1965); „*Happy End am Wörthersee*“ (1964)). Фильмы о родине привлекали многих зрителей и стали постепенно финансово успешными.

Пятый этап (с 1990 г. по наст. вр.) характеризуется переоценкой общественных взглядов, что неумолимо повлекло за собой также и изменение вектора в кинематографе. На первый план вышли проблемы конфликта поколений („*Ich heirate eine Familie*“ (1993); „*Väter und Söhne – eine deutsche Tragödie*“ (1996)), одиночества („*Ein Kapitel für sich*“ (1999)), психологические („*Der Gletscherclan*“ (1994)), болезней и отклонений („*Zwischen Genie und Wahn*“ (1985)). Вместе с тем рост национального самосознания граждан Австрийской Республики и повышенный интерес ее граждан к вопросам национальной идентичности повлек за собой появление кинолент, повествующих об отдельных культурно-исторических аспектах развития австрийского государства и общества. Нередко также производятся кинофильмы, иллюстрирующие своеобразие гастрономической культуры Австрии („*Vienna table trip*“ (2016)).

Национальное самоотождествление и самоидентификация граждан Австрийской Республики, являясь значимым аспектом дискурсивного конструирования идентичности, находят отражение во многих видах дискурса. Они представляют собой совокупность исторических, территориальных, политических, этнических и языковых факторов, влияющих на сознание людей и на их восприятие себя в неразрывной связи с окружающей их действительностью. Четко прослеживаемую взаимосвязь между значительными историческими, общественно-культурными событиями и формами национальной идентичности отмечают в ряде фильмонимов [12, с. 882].

Национальная идентичность может быть реализована в дискурсе различными языковыми средствами. Так, ученая выделяет три основных уровня конструирования идентичности, среди которых содержательный, дискурсивный и лингвистический [8, с. 150]. По мнению Р. Водак, **содержательный уровень** отражает выраженные в языке ценности и убеждения индивида и подчеркивает его этнокультурную принадлежность к определенному народу или нации, имеющих общий исторический фон и культуру как совокупность человеческих достижений в производственном, общественном и культурном отношении. Сюда относятся указания на исторические факты и личности, на географические и культурные реалии, являющиеся как национальным достоянием, так и частью общественной жизни и повседневной культуры („*Sissi – Schicksalsjahre einer Kaiserin*“ (1957); „*Happy End am Wörthersee*“ (1964); „*Liebesgrüße aus Tirol*“ (1964); „*Mozart*“ (1955); „*Café Elektrik*“ (1927)).

На **дискурсивном уровне** идентичность конструируется при помощи так называемых дискурсивных стратегий, призванных сформировать национальную идентичность посредством языкового стимулирования солидарности и единства идентификации. Достижение данного эффекта при помощи использования лозунгов, призывов и восклицаний можно проследить в различных фразах и в заголовках, а в нашем случае – в номинациях кинолент – фильмонимах („*Mit Gott für Kaiser und Reich*“ (1916); „*Pause! (Unterbrechung!)*“ (1977)).

Кроме того, национальная идентичность конструируется также на **лингвистическом уровне** с помощью многочисленных лингвистических средств. Рассмотреть и подтвердить данный тезис относительно конструирования идентичности нации мы также

можем на примере австрийского кинодискурса. Здесь нам нередко встречаются местные региональные диалекты или примеры использования австрийского национально-го варианта немецкого языка в заглавиях кинолент („*Das Annerl von Aussee*“ (1929); „*Der Dorftrottel*“ (1911); „*Der schönste Tag mein Lebens*“ (1957); „*Mariandl*“ (1961); „*Raffl*“ (1985)).

Для более полного раскрытия специфики лингвокультурного конструирования национальной идентичности австрийцев в кинодискурсе предлагаем ввести собственную классификацию уровней, на которых с помощью языковых средств может конструироваться идентичность.

Во-первых, на *географическом уровне*, относящиеся к которому наименования составляют самую большую группу как среди документальных, так и среди художественных австрийских кинофильмов. Здесь нам встречаются многочисленные топонимы, т. е. названия определенной местности или реально существующего объекта на карте („*Liebeshotel in Tirol*“ (1978); „*Helden in Tirol*“ (1997); „*Nordwand*“ (2008)).

Большое внимание австрийские режиссеры также уделяли природным богатствам родного края, о чем свидетельствуют нередко встречающиеся киноленты с наименованиями знаменитых водоемов или горных массивов, на сегодняшний день являющихся не только национальным достоянием австрийцев, но и самой настоящей визитной карточкой страны („*Alpensaga – Liebe im Dorf*“ (1976); „*Hochzeit am Neusiedler See*“ (1963); „*Urlaub am Wörthersee*“ (1963); „*Happy End am Wörthersee*“ (1964); „*Unsere verrückten Tanten in der Südsee*“ (1964); „*Außer Kontrolle am Wolfgangsee*“ (1972)).

Особую группу таких заглавий составляют кинофильмы, содержащие в себе отсылку к австрийским городам. Самым частым по употреблению стало название столицы Австрийской Республики – Вены („*Geschichten aus dem alten Wien*“ (1923); „*Wien, Stadt des Liedes*“ (1923); „*Unter den Dächern von Wien*“ (1931); „*Wiener Walzer*“ (1951); „*'38 - Wien vor dem Fall*“ (1987); „*Ich liebe Wien*“ (1991); „*Qualtingers Wien*“ (1997)).

Кроме того, при анализе фильмонимов нам также встретились и названия других крупных городов и федеральных земель Австрии, таких как Зальцбург и Тироль („*Saison in Salzburg*“ (1952); „*Liebesgrüße aus Tirol*“ (1964)).

Во-вторых, национальная идентичность австрийцев может быть сконструирована на *историческом уровне*. Данная группа фильмонимов следует по частотности употребления за топонимами. Здесь используются имена собственные, обозначающие и отсылающие к различным историческим личностям или значимым событиям, имеющим непосредственное отношение к истории развития и формирования современной Австрии и ее национального языкового варианта и нашедшим свое отражение в австрийском кино („*Kaiser Joseph II*“ (1912); „*Mit Gott für Kaiser und Reich*“ (1915); „*Das Schicksal der Habsburger*“ (1928); „*Erzherzog John*“ (1929)).

В-третьих, национальная идентичность конструируется также на *культурном уровне*, где ее фиксаторами выступают релевантные для австрийской нации и известные на весь мир деятели культуры, музыканты, композиторы и художники, оказавшие большое влияние на ее национальное становление („*Mozart*“ (1955); „*Johann Strauß: Der König ohne Krone*“ (1987); „*Opernball*“ (1998); „*Klimt*“ (2006); „*Mozart in China*“ (2008)).

Гастрономическая культура Австрии также уникальна своим разнообразием и важна для формирования национальной идентичности. Австрийцы отмечают важность существующего в Республике гастрономического разнообразия, а в частности наличия уникальных национальных блюд, сладостей и даже собственной культуры питья кофе, которая нашла свое отражение не только в литературе, но и в кинематографе [5, с. 7] („*Café Elektrik*“ (1927); „*Café Malaria*“ (1982)).

В-четвертых, национальная идентичность австрийцев проявляется и прослеживается на *языковом уровне*, т. е. в языке, который является зеркалом любой культуры. Многочисленные диалекты и австрийский национальный вариант немецкого языка так-

же нашли отражение в фильмонимах австрийских картин. Примером тому могут служить заголовки, содержащие яркую лексико-грамматическую особенность австрийского национального варианта, а именно суффикс „-erl“: („*Das Annerl von Aussee*“ (1929); „*Der Dorftrottel*“ (1911); „*Schrammeln*“ (1944)).

Таким образом, следует заключить, что при анализе кинематографического дискурса Австрии, а в частности австрийских фильмоимов, особое внимание следует уделять тем компонентам и тем реалиям, которые хранят в себе историческую память и национально-культурные черты австрийского народа. Такие черты проявляются в многочисленных лингвокультурных аспектах и встречаются на различных уровнях, но неизменной остается значимость каждого из них для представителей австрийской нации, а также неразрывная взаимосвязь между историей, культурой, языком и географическим ландшафтом страны, которые в своей совокупности и позволяют нам составить и зафиксировать полноценный и достоверный портрет национальной идентичности современного австрийца.

В результате проведенного исследования было установлено, что лингвокультурные реалии, отражающие национальную идентичность австрийцев, наиболее ярко актуализируются в кинематографическом дискурсе. Так, анализ наименований австрийских кинолент, фильмоимов позволил установить лингвокультурные доминанты Австрии в их диахроническом аспекте.

Установлено, что основными константами в австрийских фильмонимах на протяжении всего взятого нами временного отрезка являются такие темы, как историческая память, восхваление национальных природных богатств, деятелей культуры и культурных объектов Австрии. Кроме того, в ходе анализа был выявлен наиболее часто актуализируемый маркер – географический – одинаково репрезентативно представленный как среди художественных, так и среди документальных кинолент Австрии всех анализируемых периодов.

Таким образом, подводя итоги исследования, следует заключить, что австрийские фильмонимы несут в себе чрезвычайно важную информацию о прошлом, настоящем и будущем народа, заключающуюся в употреблении определенных лексических единиц, выполняющих функцию репрезентантов уникальных черт и свойств национального характера и менталитета представителей Австрии.

Список литературы

1. Горшкова В.Е. Название фильма как единица перевода и составляющая образа-смысла // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2014. № 10. С. 12–18.
2. Заболотских Л.В. Ключевые концепты австрийской культуры // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. 2010. № 1-2. С. 26–32.
3. Иванова С.И. Национальная идентичность: определение понятия // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2018. № 2. С. 39–46.
4. Ленец А.В., Овсиенко Т.В. Динамика лингвокультурных констант в современном немецкоязычном пространстве (Австрии, Германии, Швейцарии) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 71. С. 70–90.
5. Оришев А.Б. Австрийцы: социокультурный портрет // Вестник экспериментального образования. 2019. № 1(18). С. 1–12.
6. Солеймани С. Концепция культурной идентичности в социологии // Теория и практика общественного развития. 2017. № 6. С. 37–39.
7. Beckermann R. Notizen zum österreichischen Film // Mitteilungen des Instituts für Wissenschaft und Kunst. 1990. № 1(2). P. 45–49.

8. Cillia de R., Reisigl M., Wodak R. The discursive construction of national identities // *Discourse and Society*. 1999. № 12(2). P. 149–173.
9. Cillia de R., Wodak R. Österreichisches Deutsch und die Konstruktion österreichischer Identitäten in Gruppendiskussionen 1995–2015 (187–206). In *Ceci n'est pas une festschrift*. Berlin, 2017.
10. Csúri K., Kóth M. Österreichische Identität und Kultur. Wien, 2007.
11. Forchtner B., Wodak R. Critical discourse studies: A critical approach to the study of language and communication (135–150). In *The Routledge handbook of language and politics*. London, 2018.
12. Lenets A. Discourse national identity construction in Austrian movie // *European Proceedings of Social and Behavioral Sciences EPSBS. Proceedings of the X International Conference*. Chelyabinsk, 2020. P. 880–885.
13. Mai M. Filme und kulturelle Identität // In *Handbuch Filmsoziologie*. Wiesbaden, 2018. P. 1–17.
14. Murschetz P. Film und Kino in Österreich. Entwicklungsstand und Perspektiven // *SWS-Rundschau*. 2002. № 3. P. 267–292.

* * *

1. Gorshkova V.E. Nazvanie fil'ma kak edinica perevoda i sostavlyayushchaya obraza-smysla // *Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politehnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki*. 2014. № 10. S. 12–18.
2. Zabolotskih L.V. Klyuchevye koncepty avstrijskoj kul'tury // *Mezhdunarodnyj aspirantskij vestnik. Russkij yazyk za rubezhom*. 2010. № 1-2. S. 26–32.
3. Ivanova S.I. Nacional'naya identichnost': opredelenie ponyatiya // *Sovremennye problemy gumanitarnyh i obshchestvennyh nauk*. 2018. № 2. S. 39–46.
4. Lenec A.V., Ovsienko T.V. Dinamika lingvokul'turnyh konstant v sovremennom nemeckoyazychnom prostranstve (Avstrii, Germanii, Shvejcarii) // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2021. № 71. S. 70–90.
5. Orishev A.B. Avstrijcy: sociokul'turnyj portret // *Vestnik eksperimental'nogo obrazovaniya*. 2019. № 1(18). S. 1–12.
6. Solejmani S. Konceptiya kul'turnoj identichnosti v sociologii // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2017. № 6. S. 37–39.

Language and culture as the factors of designing the national identity in the film discourse (based on the Austrian filmonyms)

The article deals with the study of the implementation of the national and cultural dominants in the titles of the Austrian films, that allow to design the national identity of the citizens of Austria. There are considered the concepts of the national identity and the filmonym. The author presents the basic stages of the development of the national identity of the Austrians in the Austrian film discourse. The analysis of the titles of the Austrian films – the filmonyms – allowed to define the linguocultural dominants of Austria in their diachronic aspect.

Key words: *Austrian, designing, film discourse, national identity, linguoculture.*

(Статья поступила в редакцию 19.03.2023)

**ВЕНГЕРСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ: ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕРСИИ
НА ФОНЕ СЛАВЯНСКИХ АНАЛОГОВ И АССОЦИАЦИЙ**

Рассмотрены этимологические версии венгерских фразеологизмов на фоне славянского языкового материала. Показано использование структурно-семантического моделирования, анализа исторического контекста возникновения и литературного контекста функционирования фразеологизмов с целью уточнения истории их происхождения. Проанализированы факторы, обуславливающие венгерско-русскую фразеологическую интерференцию. Намечены перспективы лексикографической разработки материала.

Ключевые слова: венгерский язык, фразеология, этимология, историко-этимологический комментарий, структурно-семантическое моделирование, межъязыковая фразеологическая интерференция.

Венгерская фразеология и паремиологические единицы основательно изучены в историко-этимологическом аспекте. Это направление исследований в той или иной степени прослеживается на всем протяжении развития венгерской фразеологической науки от середины XVIII в. до наших дней [19, с. 15–96]. Как основные достижения последнего времени можно отметить фундаментальную работу Ласло Хадровича (Hádrovics László) [17], которая в конце XX в. представляет историю происхождения венгерских фразеологических единиц (ФЕ) с позиций структурно-семантического подхода, сложившегося к тому времени. А в начале XXI столетия Тамашем Форгачем (Forgács Tamás) разработана детализированная многомерная классификация способов венгерского фразеомообразования с учетом современных динамических процессов в данной сфере [15].

Лексикографическое историко-этимологическое комментирование венгерских паремий и фразеологизмов также имеет давние традиции и сопровождает словарную репрезентацию этих языковых единиц уже на протяжении полутора столетий: от эпизодических замечаний этимологического характера в сборниках конца XIX – начала XX в. Петера Пелко (Pelkó Péter) [21] и Яноша Берзе Надя (Berze Nagy János) [14] до специализированного этимологического фразеологического словаря Вилмоша Бардоши (Bárdosi Vilmos) [13] и научно-популярного сборника фразеологических этимологий Тамаша Форгача (Forgács Tamás) [16], изданных в последнее десятилетие.

Непревзойденным популяризатором истории фразеологии является Габор О. Надь (O. Nagy Gábor), чья книга о происхождении венгерских фразеологизмов «Mi fán terem?» («На каком дереве это растет?») [20], написанная в 1965 г., выдержала уже 14 изданий и не раз становилась источником материала для этимологических разысканий венгерских и российских авторов [4; 7; 15]. Рассмотрение этимологических историй, представленных в этой знаменитой книге, на фоне славянской фразеологии позволяет сделать ценные в лингвокультурологическом и лингвометодическом плане выводы.

Так, в традициях фольклорно-этнографического подхода, характерного для венгерской фразеологической этимологии в прошлом веке, Габор О. Надь, вслед за европейскими исследователями, квалифицирует фразеологизм *megmossa a fejét valakinek* (буквально: *мыть голову кому-либо*) – ‘ругать, отчитывать’ как «странствующую европейскую поговорку» (*európai vándorszólás*) и связывает его со средневековым обычаем мытья головы едким раствором щелочи в лечебных и гигиенических целях (так

делали по совету знахарей). Щелочь разъедала кожу головы и шеи, попадала в глаза. Это неприятное, болезненное воздействие стало мотивирующим признаком при формировании фразеологического значения. К тому же неприятные последствия такой процедуры связывали и с колдовскими действиями ведьм. Габор О. Надь отмечает, что обычай мытья головы щелочью был широко распространен среди венгров, поэтому, как он считает, не исключено и венгерское происхождение оборота [20, с. 165–166]. Применение метода структурно-семантического моделирования позволяет раскрыть механизм образования данного фразеологизма, опираясь исключительно на языковой материал. Так, анализируя обороты со значением ‘бить/избить, ругать/отругать кого-либо’ в славянских языках, В.М. Мокиенко выделяет несколько продуктивных структурно-семантических моделей, по которым строятся ФЕ. Одна из таких моделей реализует образ интенсивного физического воздействия руками (трения, очистки) на какую-либо часть тела: *теребить, тереть, чистить, мыть* + наименование части тела = ‘бить, ругать, отчитывать кого-либо’. В эту модель укладывается и русский фразеологизм *вымыть (намылить) голову* наряду с такими ФЕ, как *намылить шею (холку)* и зафиксированными в народных говорах оборотами *вытереть (протереть) бока, теребить рожу*, а также чешскими *vyprášit záda* (буквально: *вытрясти спину*), *namydliť kosti* (буквально: *намылить кости, скелет*) [3, с. 54]. Продуктивность модели подтверждает и современный сленговый материал: *начистить репу (жбан), прочистить (начистить) клюв, протереть портрет (фейс), пригладить причу кому* (в молодежном сленге: *репа, жбан* – ‘голова’, *клюв* – ‘нос’, *портрет, фейс* – ‘лицо’, *прича* – ‘прическа’) [5, с. 78, 586–591]. Другие образные реализации идеи воздействия на часть тела подтверждают вывод об образовании рассматриваемых ФЕ по модели без какого-либо этнографического подтекста: *разбить, сломать* какую-либо часть тела = ‘избить’ (*обломать бока, расквасить нос*); резко ударять, попадать в какую-либо часть тела = ‘избить’ (*дать в глаз, заехать в рожу*); мять, сдавливать какую-либо часть тела = ‘избить’ (*намять холку, промять бока*) [3, с. 53–54].

На следующем примере продемонстрируем, как привлечение русского фразеологического материала дает основания сомневаться в фольклорном происхождении немоделируемых венгерских фразеологизмов. Так, общепризнанная этимологическая версия связывает происхождение фразеологизма *szegény tatár* (буквально: *бедный татарин*) с анекдотом, отражающим события 1694 г., когда многочисленная татарская вооруженная группировка, базировавшаяся на молдавских землях, совершила опустошительный набег на исторический округ Чик, входивший в состав Венгерского королевства (в настоящее время – территория Румынии). Герой анекдота, один из местных жителей, увидев, как татарский воин уводит его ненавистную, злую жену, якобы вздохнул: «Бедный татарин, если бы ты знал, кого забираешь, ты бы прошел мимо» [20, с. 456]. Так бедным татаринoм стали называть несчастного, достойного жалости человека – в этом значении с пометой «шутл.» (*tréf.*) фразеологизм *szegény tatár* (*бедный татарин*) зафиксирован в Базе данных венгерских пословиц и поговорок 2012 г. [12, с. 819]. Венгерская песня «Бедный татарин» (*Szegény tatár*), которую составители песенников и фольклорных сборников квалифицируют как народную балладу [11, с. 23; 18, с. 16–17], позволяет поставить под сомнение связь фразеологизма с историческим анекдотом. Здесь образ несчастного татарина представлен в другом ключе – это человек, жалующийся на свое бедственное материальное положение: *Mit kezdjek én szegény tatár, hisz egy fityingem sincsen* (Что мне делать, бедному татарину, ведь у меня нет ни гроша); <...> *Üres már a szekrényem is, nincsen másom csak egy ingem* (Мой шкаф пуст, у меня нет ничего, кроме одной рубашки); <...> *Egy vén kabátom még akad de bánatában elszakadt* (Есть еще старенькое пальто, но и оно разорвалось от тоски); <...> *Szobámban sincs már semmi sem, üresség árad ottan, csak rozsdás régi*

fringiám bámul réám unottan (В моей комнате ничего нет, оттуда струится пустота, только моя ржавая фрингия (сабля марки «Fringia») грустно смотрит на меня [11, с. 23]. Такие жалобы от лица татарина представляются несколько неестественными, ведь в фольклоре и фразеологии разных народов, контактировавших и контактирующих с представителями данного этноса, татарин – это, помимо прочих качеств, предприимчивый, расчетливый, состоятельный человек, например, по мнению белорусов: *Татары – добрыя гаспадары* (буквально: *Татары – хорошие хозяева*) [8, с. 509], в современной русской речи: *Где татарин прошел, там еврею делать нечего; Когда татарин родился, еврей плакал* (Записки 2021 г.). А на мотиве притворных татарских жалоб построен русский фразеологизм *казанская сирота*: татарские князья после взятия Казани Иваном Грозным в 1552 г. старались приспособиться к новой власти, писали царю челобитные, в которых жаловались на свою горькую судьбу и называли себя сиротами [2, с. 47]. Эта нарочито уничижительная самоидентификация и стала основой иронического фразеологизма *казанская сирота*, который используют применительно к людям, прикидывающимся бедными, несчастными, чтобы вызвать жалость, сострадание. Не является венгерское *бедный татарин* (*szegény tatár*) адаптацией русского фразеологизма, а его возведение к историческому анекдоту актом народной этимологии? Ответ на этот вопрос требует дополнительного исследования паремиологического материала, и пока нашу версию мы оставляем в статусе гипотезы.

Лингвометодический аспект темы раскроем на материале фразеологизма *csütörtököt mond* (буквально: *сказать «четверг»* – 1/ ‘сломаться, не сработать, не состояться’; 2/ ‘не выполнить обещание, подвести кого-либо’). Этот оборот стал источником ассоциаций, обусловивших межъязыковую фразеологическую венгерско-русскую интерференцию при восприятии и попытках использования русского фразеологизма *после дождика в четверг* – ‘никогда; неизвестно когда’.

Материалы опроса студентов Дебреценского университета, изучающих русский язык (2018 г.), свидетельствуют о том, что этот оборот опознается как фразеологизм, студенты отмечают, что встречались с ним в текстах на русском языке, однако компонент *четверг* отсылает их языковое сознание к венгерскому фразеологизму с этим образным стержнем, который к тому же является славянизмом в венгерском языке (*csütörtök* – ‘четверг’), что только подкрепляет ошибочные образно-семантические параллели. В результате возникают интерференционные контаминации типа: **Обещал, но не сделал, сказал четверг после дождика*, где структурно-семантически калькируется венгерский фразеологизм, а компонент *дождик*, воспринятый, видимо, как интенсификатор, используется с этой же целью. В попытке семантизации русского фразеологизма также видим ложную аналогию с родным языком и интерпретацию отсутствующего в венгерском фразеологизме компонента как элемента контекста, задающего ситуацию дождливой погоды: **После дождика в четверг – сломалось что-то, может, зонт?*

В данном случае историко-этимологический комментарий поможет осознать особенности развития фразеологического значения и роль компонента *четверг* – *csütörtök* в образной структуре оборота. Так, венгерский фразеологизм построен на звуковых ассоциациях. Как отмечает Габор О. Надь, в одной из профессионально ориентированных книг по охотничьему делу 1847 г. встречается обозначение холостого выстрела устойчивым словосочетанием с использованием звукоподражания: *csöttöt mond (a puska)*, буквально: *(ружье) говорит «чётт»*. Таким образом, дальнейшее развитие фразеологического значения вполне укладывается в метафорическую модель: холостой выстрел → неосуществление чего-либо, подобное холостому выстрелу. Что касается звукоподражательного компонента *csött (чётт)*, то в диалектах отмечено его активное фонетическое варьирование, что могло привести и к включению в состав фразеологиз-

ма созвучного компонента *csütörtök* (*четверг*) с целью усиления комического эффекта [20, с. 110].

Происхождение русского фразеологизма *после дождичка в четверг*, как известно, связано с языческими представлениями славян и молениями о дожде, обращенными к верховному богу Перуну, днем которого считался четверг. С принятием христианства к языческим богам стали относиться скептически, бесполезность обращения к ним и отражает фразеологизм [1, с. 162].

В серии двуязычных фразеологических словарей Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии Псковского университета, адресованных школьникам младших и средних классов [6; 9; 10], при комментировании ФЕ *после дождичка в четверг* и других фразеологизмов дается этимологическая версия авторитетного источника, адаптированная с учетом возрастных особенностей и языковой подготовки адресата. А разрабатываемая концепция двуязычного фразеологического словаря для компетентной аудитории студентов и специалистов-лингвистов предполагает использование всех представленных выше типов привлечения межъязыковых аналогов и ассоциативных параллелей в этимологической параметрической зоне словарной статьи. Таким образом, материалы, раскрывающие моделируемый характер фразеологизмов, этнокультурную специфику фразеологического образа, уточняющие или опровергающие официальную этимологическую версию, повысят ценность словаря как лингвокультурологического источника.

Список литературы

1. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб., 1998.
2. Мокиенко В.М. Образы русской речи. Историко-этимологические очерки фразеологии. СПб., 1999.
3. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М., 1980.
4. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Русско-венгерские паремиологические параллели (в поисках национальной специфики) // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2019. № 64(Вып. 1). С. 85–102.
5. Никитина Т.Г. Ключевые концепты молодежной культуры. Тематический словарь сленга. СПб., 2013.
6. Никитина Т.Г., Роголёва Е.И., Бурешова Б., Рыковска М. Учебный словарь русской фразеологии на русском и чешском языках. Пльзень, 2013.
7. Пачаи И. Общие элементы в татарской и венгерской фразеологии, отражающие древние культурные и языковые контакты // *Tatarica*. 2015. № 2(5). С. 23–46.
8. Прыказкі і прымаўкі: у 2 кн. / склад. М.Я. Грынблат. Мінск, 1976. Кн. 1.
9. Роголёва Е.И., Никитина Т.Г., Желибтер Т., Пёшо М.-П. Фразеологизмы в нашей речи. Учебный словарь с комментариями на французском языке. Псков, 2015.
10. Роголёва Е.И., Никитина Т.Г., Лиепиня Л. Фразеологизмы в нашей речи. Учебный словарь с комментариями на латышском языке. Псков, 2020.
11. A magyar nép adomái. Összegyűjte Jókai M. Második. 150 új adomával bővített kiadás. Pest, 1857.
12. Bárdosi V. Magyar szólások, közmondások adatbázisa. 14000 szólás, közmondás, helyzetmondát magyarázata stilisztikai jelzéssel, a típus feltüntetetésével, fogalomköri szómutatóval. Budapest, 2012.
13. Bárdosi V. Szólások, közmondások eredete: frazeológiai etimológiai szótár. Budapest, 2015.
14. Berze Nagy J. Magyar szólásaink és a folklóre. A szerző dedikációjával. Budapest, 1932.
15. Forgács T. Történeti frazeológia. Akadémiai doktori értekezés. Szeged, 2018.
16. Forgács T. Történeti frazeológia. A történeti szólás- és közmondáskutatás kézikönyve. Tinta Kiadó, Budapest, 2021.

17. Hadrovics L. Magyar frazeológia: Történeti áttekintés. Budapest, 1995.
18. Mi nótáink. Kivonatos szövegek. Sopron, 1943.
19. Nagy O.G. A magyar frazeológiai kutatások története. Budapest, 1977.
20. Nagy O.G. Mi fán terem? Magyar szólásmondatok eredete. Budapest, 1993.
21. Pelkó P. Eredeti magyar közmondások és szólások. Rozsnyó, 1864.

* * *

1. Birih A.K., Mokienko V.M., Stepanova L.I. Slovar' russkoj frazeologii. Istoriko-etimologicheskij spravocnik. SPb., 1998.
2. Mokienko V.M. Obrazy russkoj rechi. Istoriko-etimologicheskie ocherki frazeologii. Spb., 1999.
3. Mokienko V.M. Slavyanskaya frazeologiya. M., 1980.
4. Mokienko V.M., Nikitina T.G. Russko-vengerskie paremiologicheskie paralleli (v poiskah nacional'noj specifiky) // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. 2019. № 64(Vyp. 1). S. 85–102.
5. Nikitina T.G. Klyuchevye koncepty molodezhnoj kul'tury. Tematicheskij slovar' slenga. SPb., 2013.
6. Nikitina T.G., Rogalyova E.I., Bureshova B., Rykovska M. Uchebnyj slovar' russkoj frazeologii na russkom i cheshskom yazykah. Plzen', 2013.
7. Pachai I. Obshchie elementy v tatarskoj i vengerskoj frazeologii, otryazhayushchie drevnie kul'turnye i yazykovye kontakty // Tatarica. 2015. № 2(5). S. 23–46.
8. Prykazki i pryayki: u 2 kn. / sklad. M.Ya. Grynblat. Minsk, 1976. Kn. 1.
9. Rogalyova E.I., Nikitina T.G., Zhelibter T., Pyosho M.-P. Frazeologizmy v nashej rechi. Uchebnyj slovar' s kommentariyami na francuzskom yazyke. Pskov, 2015.
10. Rogalyova E.I., Nikitina T.G., Liepinya L. Frazeologizmy v nashej rechi. Uchebnyj slovar' s kommentariyami na latyshskom yazyke. Pskov, 2020.

The Hungarian phraseological units: the etymological versions at the background of the Slavic analogues and associations

The article deals with the etymological versions of the Hungarian phraseological units at the background of the Slavic linguistic material. There is demonstrated the use of the structural and semantic modelling, the analysis of the historical context of the origin and the literary context of functioning the phraseological units, aimed at the specification of the history of their origin. The author analyzes the factors, providing the Hungarian and Russian phraseological interference. There are nominated the prospects of the lexicographical development of the material.

Key words: *Hungarian, phraseology, etymology, historical and etymological commentary, structural and semantic modelling, interlinguistic phraseological interference.*

(Статья поступила в редакцию 04.03.2023)

**ФУНКЦИИ ОБРАЗНОГО СРАВНЕНИЯ В НОВЕЛЛЕ
РОБЕРТА МУЗИЛЯ «ГРИДЖИЯ»**

Установлен доминантный статус краткого сравнения в новелле Роберта Музиля «Гриджия». Определены основные функции сравнения в данном художественном произведении: характерологическая, художественно-изобразительная, оценочная. Посредством реализации этих функций актуализируется авторская коммуникативная интенция.

Ключевые слова: *новелла, текстовый пассаж, протагонист, функция, сравнение, краткое сравнение, образ.*

Художественно-выразительные ресурсы языка – один из традиционных и вместе с тем не теряющих своей притягательной силы исследовательских феноменов. Постоянное обращение ученых к изучению явления художественной изобразительности обусловлено в первую очередь его значительным прагматическим потенциалом, большими перлокутивными возможностями, равно как и эстетикой воздействия на сознание человека. А.В. Гулыга справедливо замечает: «Художественный язык создает эмоциональное напряжение, в нем заключено авторское переживание, он вызывает у публики (читателя или зрителя) аналогичное переживание» [2, с. 160].

Умение нестандартного использования художественно-выразительных ресурсов языка, имеющее своим результатом не только эстетические «следы» в читательском сознании, но и глубинные когнитивные изменения в нем, – свидетельство таланта мастера художественного слова. Посредством исследования художественно-выразительного арсенала идиолекта, как показывает обзор специальной литературы [1, с. 92–95; 4; 9; 7, с. 121–136], не только устанавливается специфика его носителя, но и выявляются особенности мировосприятия, мироощущения homo loquens. К числу художественно-выразительных ресурсов языка относится сравнение, уже многократно становившееся исследовательским объектом [3; 4; 11], в том числе и в лингвопрагматическом аспекте, вместе с тем, однако, сохраняющее свою fascinaцию. Мы солидарны с мнением Г.Л. Денисовой, которая замечает: «Являясь отражением когнитивного механизма, играющего важную роль в познании человеком окружающего мира, сравнение как языковой феномен позволяет выявить своеобразие его мировидения» [3, с. 5].

В предлагаемой читателю статье решаются следующие задачи: а) установить наиболее часто используемые структурные типы сравнений в новелле Р. Музиля «Гриджия» («Grigia»); б) определить их функции в указанном произведении.

Мы придерживаемся дефиниции сравнения А.П. Квятковского, определения, ставшего, как кажется, классическим: «Образное выражение, построенное на сопоставлении двух предметов, понятий или состояний, обладающих общим признаком, за счет которого усиливается художественное значение первого предмета» [6, с. 280]. Иными словами, состав сравнения формируют субъект, объект и их определенный общий признак. Существуют различные классификации сравнений [8, с. 34–42; 11; 12; 13]. Одна из них – структурная. С точки структуры сравнения принято типологизировать на три группы – закрытые, расширенные и краткие [4; 15]. Согласно результатам исследователей краткие образные сравнения отличаются максимальной частотностью употребления в художественном тексте [4].

Анализ новеллы «Гриджия» позволяет констатировать следующий лингвистический факт: статус доминирующих в этом произведении у кратких сравнений. Значительно реже используются расширенные и закрытые сравнения. Можно с уверенностью предположить, что этот структурный тип сравнения обладает в целом максимально высоким индексом частотности употребления в языке. Краткие сравнения составляют 81% случаев использования в «Гриджии», остальные структурные типы 19%. В состав немецких сравнительных оборотов и конструкций входят следующие слова *wie*, *als*, *als ob*, *ebenso wie*, *gleichsam*. В интересующей нас новелле в качестве компонентов структуры сравнений выступают обычно маркеры *wie* (43 случая употребления) и *als* (соответственно, 17 случаев использования). Выявленные в указанном произведении сравнения в основном образны, что легко объяснимо с учетом специфических коммуникативных задач, решаемых автором художественного текста. В этой связи заслуживают внимания слова И.А. Солодиловой: «Обращение к средствам образности (тропам) как текстовым элементам актуализации скрытых смыслов обусловлено их природой. Несовпадение внутренней и внешней стороны образа позволяет выражать с помощью образных средств дополнительные смыслы, которые, согласно авторскому замыслу, не могут быть представлены вербально, в результате чего образные средства характеризуются как экономный способ выражения мысли, отличающийся при этом повышенной выразительностью, образностью и эмоциональностью» [10, с. 14]. Роберт Музил, вне сомнений, относится к писателям, создавшим посредством оригинальных фигур речи обладающее большой суггестивной силой и энергетикой художественное полотно, вызывающее у читателя эмоциональную реакцию, глубокий отклик, равно как и стимулирующее его к глубоким размышлениям о смысле жизни, взаимоотношениях между людьми, иначе говоря – в целом об экзистенциальных проблемах человечества. Австрийский прозаик не только признанный мастер художественного слова, но и глубокий психолог, психоаналитик, умеющий приоткрыть занавес тайны чувственной сферы жизни человека.

Художественное освоение действительности сознанием человека сопряжено с его психическими переживаниями, разнообразными эмоциями и чувствами. Без них трудно представить себе художественное творчество. Апеллирование автора художественного текста к чувственной сфере читателя нацелено на решение задачи воздействия на его сознание, на провокацию в нем определенных эмоционально-психических и, следовательно, когнитивных изменений.

Высокий индекс частотности использования сравнений, в особенности кратких образных, можно, как кажется, отнести к идиостилевой черте Р. Музиля. При этом релевантно, по крайней мере, применительно к «Гриджии» следующее обстоятельство – сюжетная канва и композиция новеллы. Опция сравнения жизни протагониста Гомо до и после его переезда на заработок в Венето проходит красной нитью в тексте произведения. Отношения Гомо с женой остаются в прошлом, завязавшиеся любовные отношения с другой женщиной проводят яркую демаркационную линию в биографии протагониста между «до» и «после». Персонаж психологически заиклен на постоянном сравнении жены и любовницы. Возможно, данным жизненным фактом одного из протагонистов объясняется и столь широкое употребление сравнений как фигуры речи в новелле. Подчеркнем еще раз: значение сюжета важно для раскрытия идеи произведения, коммуникативного замысла его автора. Его реализации служит определенная последовательность действий персонажей. В.И. Карасик предлагает специальный термин «моделирование сюжетной программы», под которой понимается «тематически заданная модель развития событий, определяющих содержание художественного нарратива. <...> Тема повествования определяет логику его развития» [5, с. 184]. Сюжетная программа, предлагаемая ученым, сопоставима по своей сути со сценарным фреймом.

Анализируя отдельные части текста, заметим, что Р. Музиль образцово точно и глубоко выражает конкретные идеи в каждом отрывке и мастерски строит переход от одного сюжета повествования к другому. В новелле два главных героя – Гомо, образованный человек, геолог, и Лене Мария Ленци (по прозвищу Гриджия), неграмотная крестьянка. Гомо, оставивший жену и ребенка, чтобы работать в горнодобывающей компании, все более и более отдаляется от своей прошлой жизни и завязывает любовные отношения с крестьянкой Гриджией. Особенно ярко в новелле, на наш взгляд, актуализируются две экзистенциальные темы – тема любви и тема смерти, сопровождающие протагонистов на протяжении всего произведения. Эти две ключевые темы постепенно переплетаются и образуют некую мотивационную базу, которая оказывается существенным структурным элементом новеллы. Принимая во внимание композицию произведения, можно заметить, что оно делится на отдельные пассажи, объединенные общими смыслами в качестве одних из возможных интерпретаций текста.

Особенно значимы, как кажется, первые два предложения новеллы, поскольку именно в них, т. е. в самом начале, автор указывает на несчастье (*Unglück*), случившееся с протагонистом. Начало произведения дает понять, что все последующее происходит вне темпоральных рамок определенности, контрастируя с тем, что описано в тексте: «Es gibt im Leben eine Zeit, wo es sich auffallend verlangsamt, *als zögerte es weiterzugehen oder wollte seine Richtung ändern. Es mag sein, daß einem in dieser Zeit leichter ein Unglück zustößt*» [14] (Здесь и далее курсив наш. – К.Р., Н.К.). Посредством слов *als* и *zögern* характеризуется некий этап в жизни человека, период жизни, сопоставляемый с ему предшествующими. Тем самым Р. Музиль умело реализуется характерологическая функция сравнения. Заметим еще раз, что уже само начало повествования как бы подсказывает читателю ожидаемую трагедию, которая неизбежна. Ключевое здесь слово – это субстантив *ein Unglück* (несчастье), акцентирующий читательское внимание на предстоящей трагической развязке, с одной стороны, и способствующий созданию интриги, с другой. При этом отстраненная и безличная повествовательная установка Роберта Музиля остается решающей для реализации коммуникативных целей новеллы. Она элиминирует индивидуальность персонажа, о чем, кстати, красноречиво свидетельствует и само имя протагониста *Homo*, которое может обозначать любого человека. Выбор австрийским писателем этого имени, как видим, не случаен.

Реализацию характерологической функции сравнения мы еще более очевидно наблюдаем в следующем текстовом пассаже: «Es kam ihm vor, als würde er dadurch zu lange von sich getrennt, von seinen Büchern, Plänen und seinem Leben. Er empfand seinen Widerstand *als eine große Selbstsucht, es war aber vielleicht eher eine Selbstauflösung*, denn er war zuvor nie auch nur einen Tag lang von seiner Frau geschieden gewesen» [14]. Главный герой новеллы характеризуется посредством использования субстантивов *Selbstsucht* (эгоизм) и *Selbstauflösung* (самоуничтожение). В приведенном предложении подчеркнуто противоречие в характере протагониста: сначала он полагает, что его поступок в высшей мере эгоистичен (отъезд в дальние края на заработки), однако в тот же момент начинает испытывать уже к себе самому жалость из-за предстоящей разлуки. Ранее он со дня начала совместной жизни ни дня не проводил без жены. Жена протагониста и ее больной сын проводят лето в санатории. Гомо же добровольно отправляется в итальянскую долину Валле-ди-Лаго, чтобы принять участие в экспедиции.

Краткие образные сравнения выполняют в новелле, помимо характерологической, и художественно-изобразительную функцию: «... <...> aber diese Liebe war durch das Kind trennbar geworden, *wie ein Stein*, in den Wasser gesickert ist, das ihn immer weiter auseinander treibt» [14]. Одним из структурных элементов сравнения выступает субстантив *Stein* (камень), символизирующий твердость, жизнестойкость любви. Ребенок упо-

добляется воде, просочившейся (*gesickert*) в камень и медленно его разрушающей. Приведенный выше фрагмент текста – размышления главного действующего персонажа, воспринимающего его отношения с женой как близкие к краху.

Во многих текстовых пассажах, в которых используются сравнения, находят свое воплощение одновременно художественно-изобразительная и оценочная функции. Они выступают единым, сложноорганизованным комплексом. Показателен в этой связи, на наш взгляд, следующий отрывок из новеллы: «...weil die Bäume das Laub nicht abwarfen, war Welk und Neu durcheinandergeflochten *wie in Friedhofskränzen*, und kleine rote, blaue und rosa Villen staken, sehr sichtbar noch, wie verschieden gestellte Würfel darin, ein ihnen unbekanntes, eigentümliches Formgesetz empfindungslos vor aller Welt darstellend» [14]. Здесь читателю предстает мастерски исполненное писателем описание пейзажа в долине. Посредством краткого образного сравнения *wie in Friedhofskränzen* Р. Музиль сопоставляет нарождающееся новое и уже увядшее старое. Думается, что в данном высказывании артикулируется тема смерти – *Friedhofskränzen* (кладбищенские венки). Этим словом эксплицируется богатый ассоциативный ряд персонажа при виде венков (его предчувствие близкой гибели). В приведенном текстовом пассаже, кроме сравнения, значительна роль и номинантов цветовой гаммы. Красный, желтый и зеленый цвета указывают на то, что весна уже наступила, но зима осталась по-прежнему столь же красочной, яркой. Именно благодаря образной и эстетической насыщенности стилистического приема использования символа зима в данном контексте представляет собой прежнюю жизнь Гомо, которую он оставляет, а весенние «зеленые» элементы метафоризируют начало иной жизни, жизни в новом мире, в который он, повинувшись своим чувствам, входит и в нем остается навсегда.

Не менее ярко, на наш взгляд, реализуется художественно-изобразительная функция посредством краткого образного сравнения и в нижеприведенном примере: «... und diese unheimlich schönen Märchengebilde verstärkten noch mehr den Eindruck, daß sich unter dem Aussehen dieser Gegend, das so fremd vertraut flackerte *wie die Sterne* in mancher Nacht, etwas sehnsüchtig Erwartetes verberge» [14]. Дадим краткий комментарий. Экспедиция прибывает в живописную итальянскую деревушку, напоминающую сказку. Гомо поражен великолепием местной природы и гор, которые при этом, как ему кажется, таят в себе надвигающуюся угрозу (*unheimlich, verbergen*). В данном случае в сознании протагониста сравниваются сказочная местность со звездами. Оба элемента сравнения обладают интегрирующим признаком пламени (*flackerte*).

В ходе анализа материала мы пришли к выводу, что через сравнения в новелле «Гридгия» частотно реализуется оценочная функция. Приведем соответствующий пример: «Sie hatten es nur getan, weil sie die Zeit totschiagen mußten, und wenn sie auch keiner von ihnen je wirklich gelebt hatte, kamen sie sich doch roh *wie die Schlächter* vor und waren gegeneinander erbittert» [14]. В этом текстовом пассаже выражены оценочные суждения протагониста Гомо о жизни золотоискателей, их времяпровождении. Участники экспедиции сравниваются с мясниками, озлобленными друг на друга.

В новелле выявлен ряд ярко выраженных индивидуально-авторских сравнений. Их применение реализует прежде всего художественно-изобразительную функцию. Так, в частности, сравнение крупного рогатого скота со скрипичными ключами достаточно оригинально: «Man durchschritt ihren Kreis wie den einer dämmrigen erhabenen Existenz, und wenn man von oben zurückblickte, sahen sie *wie weiß hingestreute stumme Violinschlüssel* aus, die von der Linie des Rückgrats, der Hinterbeine und des Schweifs gebildet wurden» [14].

В качестве резюме отметим следующее. Во-первых, сравнение, судя по количественным показателям, имеет значительные позиции в новелле «Гридгия» Роберта Музиля. Во-вторых, в этом произведении наиболее распространены краткие образные срав-

нения. В-третьих, базовыми функциями, выполняемыми данным типом сравнения, являются художественно-изобразительная, характерологическая и оценочная. Во многом именно через реализацию этих функций раскрывается идея произведения, актуализируется авторская коммуникативная интенция.

Список литературы

1. Выстропова О.С. Гипербола и сравнение как способы репрезентации индивидуально-авторского концепта «любовь» в творчестве Р. Бёрнса // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». 2013. № 1(76). С. 92–95.
2. Гулыга А.В. Эстетика в свете аксиологии. СПб., 2000.
3. Денисова Г.Л. Когнитивный механизм сравнения в немецком языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Самара, 2009.
4. Захарова Е.М. Структурные, семантические и прагматические характеристики сравнения в индивидуально-авторской картине мира Германа Гессе: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2019.
5. Карасик В.И. Языковые картины бытия: монография. М., 2020.
6. Квятковский А.П. Поэтический словарь. М., 1966.
7. Красавский Н.А., Москалев И.Ю. Эпитет и метафора как художественно-выразительные средства идиостиля Артура Шницлера // Мир лингвистики и коммуникации. 2021. № 2. С. 121–136.
8. Крылова М.Н. Сравнительная конструкция в пространстве современного художественного текста // Вестник Кемеровского государственного университета Культуры и искусств. 2013. № 22-2. С. 34–42.
9. Маслова В.А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой. Учебное пособие. М., 2004.
10. Солодилова И.А. Скрытые смыслы и их языковое выражение в словесно-образной системе Роберта Музиля: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000.
11. Черноусова О.Н. Функционирование образных сравнений в региональной художественной прозе и устной речи диалектоносителей: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2014.
12. Brandes M.P. Stilistik der deutschen Sprache. M., 1990.
13. Moenninghoff B. Stilistik. Philipp Reclam jun. Stuttgart, 2009.
14. Musil Robert. Grigia [Electronic resource]. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/musil/grigia/grigia.html> (дата обращения: 25.10.2022).
15. Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik. M., 1975.

* * *

1. Vystropova O.S. Giperbola i sravnenie kak sposoby reprezentacii individual'no-avtorskogo koncepta «lyubov'» v tvorchestve R. Byornsa // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Filologicheskie nauki». 2013. № 1(76). S. 92–95.
2. Gulyga A.V. Estetika v svete aksiologii. SPb., 2000.
3. Denisova G.L. Kognitivnyj mekhanizm sravneniya v nemeckom yazyke: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Samara, 2009.
4. Zaharova E.M. Strukturnye, semanticheskie i pragmaticheskie harakteristiki sravneniya v individual'no-avtorskoj kartine mira Germana Gesse: dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2019.
5. Karasik V.I. Yazykovye kartiny bytiya: monografiya. M., 2020.
6. Kvyatkovskij A.P. Poeticheskij slovar'. M., 1966.
7. Krasavskij N.A., Moskalev I.Yu. Epitet i metafora kak hudozhestvenno-vyrazitel'nye sredstva idioshtilya Artura Shniclera // Mir lingvistiki i kommunikacii. 2021. № 2. S. 121–136.
8. Krylova M.N. Sravnitel'naya konstrukciya v prostranstve sovremennogo hudozhestvennogo teksta // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta Kul'tury i iskusstv. 2013. № 22-2. S. 34–42.
9. Maslova V.A. Poet i kul'tura: konceptosfera Mariny Cvetaevoj. Uchebnoe posobie. M., 2004.
10. Solodilova I.A. Skrytye smysly i ih yazykovoe vyrazhenie v slovesno-obraznoj sisteme Roberta Muzilya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. SPB., 2000.
11. Chernousova O.N. Funkcionirovanie obraznyh sravnenij v regional'noj hudozhestvennoj proze i ustnoj rechi dialektonositelej: dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2014.

*The functions of the figurative comparison in the novel
“Grigia” by Robert Musil*

The article deals with the determination of the dominant status of the short comparison in the novel “Grigia” by Robert Musil. There are defined the basic functions of the comparison in this fictional work: characterological, figurative artistic and evaluative. By the means of the implementation of these functions there is actualized the author’s communicative intention.

Key words: novel, text passage, protagonist, function, comparison, short comparison, image.

(Статья поступила в редакцию 03.03.2023)

А.С. ГОРБАТОВСКИЙ
Краснодар

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ОППОЗИЦИИ «PROTESTANTISCH –
KATHOLISCH» В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОМАНА
Д. КЕЛЬМАНА «TYLL»**

Рассматриваются лингвокультурные особенности вербализации оппозиции «protestantisch – katholisch» («протестантский – католический») в культурном пространстве романа Даниэля Кельмана «Tyll», сюжет которого происходит на фоне событий Тридцатилетней войны. В процессе анализа языковых единиц, воссоздающих в тексте противопоставленные политические и религиозные центры католичества и протестантизма, учитываются семантические характеристики лексем, определяющие взаимосвязь элементов культурного пространства.

Ключевые слова: Культурное пространство, художественный текст, модель культурного пространства художественного текста, элемент культурного пространства, Даниэль Кельман.

Культурный компонент художественного текста все чаще становится предметом современных лингвистических исследований [5; 8; 12]. Привлечение теории пространства как внутритекстовой категории к анализу культурно значимой информации художественного произведения значительным образом способствовало обогащению методов лингвокультурологического исследования [6; 7; 9]. Применение метода лингвистического моделирования культурного пространства текста позволяет выявить, описать и систематизировать элементы культуры, вербализованные автором. При этом актуальной представляется проблема влияния лексических характеристик языковых единиц на воссоздание культурного пространства в художественном тексте.

С опорой на интерпретацию культуры как совокупности результатов и форм человеческой деятельности в качестве культурного пространства нами рассматривается система взаимосвязанных культурно значимых объектов и явлений. Из этого следует, что

культурное пространство художественного текста представляет собой фрагмент реального культурного пространства, обособленный автором и обуславливающий развитие сюжета произведения [1; 4; 10]. Формирование модели культурного пространства осуществляется исследователем при помощи семантического, контекстуального и лингвокультурологического типов анализа культурно-маркированных языковых единиц. Моделирование культурного пространства художественного текста нацелено на выявление культурно значимых элементов, установление взаимосвязей между ними и определение их лингвокультурной специфики [2]. При этом использование лингвистического моделирования как метода лингвокультурологического исследования художественного текста позволяет изучить взаимосвязи между отдельно взятыми элементами культурного пространства произведения.

В центре нашего исследования находятся лингвокультурные особенности функционирования языковых средств вербализации оппозиции «*protestantisch – katholisch*» («протестантский – католический»), занимающей особое место в модели культурного пространства романа Даниэля Кельмана «*Tyll*». В данном произведении сюжет описывает жизнь бродячего шута Тилля Уленшпигеля на фоне событий Тридцатилетней войны. Основным катализатором военных действий послужило противостояние католиков и протестантов, повлиявшее на культуру описываемой автором эпохи. Конфликт между двумя враждующими сторонами обозначается с первых страниц романа, на которых Тилль поет балладу о событиях военных лет:

/1/ «*Er sang eine Spottballade über den armen dummen Winterkönig, den Pfälzer Kurfürsten, der gemeint hatte, er könne den Kaiser besiegen und von den Protestanten Prags Krone annehmen, doch sein Königtum war noch vor dem Schnee getaut. Auch vom Kaiser sang er, dem immer kalt war vom Beten, dem Männlein, das in der Hofburg zu Wien vor den Schweden zitterte...*» [13, S. 11]. – «Он запел насмешливую балладу о курфюрсте Пфальцском – бедном глупом Зимнем короле, который думал, что сумеет одолеть императора и принять от протестантов пражскую корону, да только растаяло его королевство еще раньше первого снега. Потом Тилль спел и об императоре, маленьком человечке, что неустанно молился в своем венском Хофбурге, дрожа от холода и от страха перед шведом...» [3, с. 18].

В данном фрагменте представлено первое упоминание противостояния католиков и протестантов в тексте. Лексема «*Spottballade*» («насмешливая баллада») определяет ироничный окрас и негативное коннотативное значение языковых единиц, описывающих главные действующие лица. Пфальцкий курфюрст как представитель протестантов описан при помощи эпитетов «*arm*» («бедный») и «*dumm*» («глупый»), император – при помощи лексемы «*das Männlein*» («маленький человечек»). Негативное восприятие народом представителей власти как католической части империи, так и протестантской унии является не только значимой частью сюжета, но и важным элементом культурного пространства романа.

В ходе нашего исследования интерес представляют особенности взаимосвязи между католическими и протестантскими силами как вербализованными элементами культурного пространства в романе «*Tyll*»:

/2/ «*In katholischen Landen behauptete man, dass sie mit jedem Edelmann von Prag geschlafen hatte, das wusste sie schon lange*» [13, S. 207]. – «В католических землях утверждали, что она переспала с каждым аристократом в Праге, она давно об этом знала» [3, с. 208].

В приведенном отрывке представлены рассуждения Марии Стюарт о собственном образе, сформированном в ходе событий Тридцатилетней войны. Анализ денотативного значения и пресуппозиционного компонента лексем примера /2/ способствует выявлению таких элементов культурного пространства, как «католические земли», «жители католических земель», «королева Богемии»/«Зимняя королева», «пражские аристократы» и др. Важным в ходе анализа представляется употребление лексем «*man*» (без-

личное местоимение, здесь «man behauptete»: «утверждали») и «alle» («все»), способствующих генерализации передаваемой информации. Посредством обобщения анализируемое предложение приобретает статус стереотипа. С одной стороны, героиня как представительница протестантов сама формулирует стереотип о том, что в католических землях о ней распускают слухи. С другой стороны, королева озвучивает негативный стереотип католиков о ее личной жизни. Таким образом, данный фрагмент текста содержит генерализированную коннотативно маркированную информацию как устойчивое представление о членах «другой» социальной группы.

В романе Д. Кельмана «Tyll» стереотипы о католиках и протестантах выделяются не только большим количеством, но и многообразием форм вербализации. Поскольку одним из важных признаков стереотипа является его повторяемость, его имплицитный характер вызывает эффект суггестии. Стереотипизация в процессе передачи информации способствует формированию противоборствующих образов католиков и протестантов, что представляется особо важным в процессе воссоздания культурного пространства текста. Несмотря на то, что выявленные в тексте стереотипы представляют различные понятия, все они являются со-гипонимами относительно двух гиперонимов, выраженных лексемами «katholisch» («католический») и «protestantisch» («протестантский»). Рассмотрим следующие примеры:

/3/ «<...> aber nachts sollte man nicht in seiner Nähe liegen, denn das Messer ist immer unter seinem Kissen, und in seinen Träumen schwärmen protestantische Schinder aus» [13, S. 89]. – «<...> только вот ночью лучше не лежать с ним рядом – нож у него всегда под подушкой, а в его снах по лесу рыщут протестантские живоде́ры» [3, с. 94].

Пример /3/ передает образ иезуита Освальда Тесимонда, описанный его сподвижником Афанасием Кирхером. Как исторические личности, образ которых воссоздан автором, эти персонажи являются значимыми элементами культурного пространства романа. Важным в ходе анализа представляется взаимосвязь эпитета «protestantisch» («протестантский») и лексемы «Schinder» («живоде́р»), передающая негативное отношение доктора Кирхера как католика к отрядам протестантов. В данном случае понятие «отряды протестантов» выступает в качестве гипонима относительно понятия «protestantisch» («протестантский»)/«Protestantismus» («протестантизм»). Из этого следует, что гипероним «protestantisch» («протестантский») приобретает дополнительную негативную коннотацию в модели культурного пространства романа.

/4/ – «Es gibt doch keine Jesuiten in England. Meine Großtante hat sie fortgejagt!
– Ein paar gibt es noch. Sie verstecken sich. Einer der schlimmsten heißt Tesimond» [13, S. 198]. –
– «Но в Англии же нет иезуитов. Моя двоюродная бабушка их всех прогнала!
– Не всех. Они скрываются. Одного из самых страшных зовут Тесимонд» [3, с. 200].

Данный фрагмент текста описывает отношение английской знати к доктору Тесимонду. Анализ пресуппозиционного компонента словосочетания «einer der schlimmsten» («один из самых страшных») способствует выявлению отношения к иезуитам, которое подразумевает существование «страшных» и «самых страшных» представителей католического ордена. Таким образом в тексте формируется стереотип, описывающий негативное восприятие не только иезуитов, но и самого католицизма, выступающего в данном контексте в качестве гиперонима.

Анализ отобранных в тексте примеров показал, что большинство автостереотипов в тексте обладают положительной коннотацией, в то время как гетеростереотипы являются негативно коннотированными:

/5/ «Jedes Mal haben wir gesiegt, weil sie schwach sind und keine Ordnung haben. Weil sie nicht wissen, wie man die Leute drillt. Ich weiß das aber» [13, S. 241]. – «Каждый раз мы побеждали, потому что они слабые и воюют без порядка. Не знают, как людей муштровать. А я знаю» [3, с. 242].

Пример /5/ содержит сравнение военной тактики католических и протестантских лидеров, сформулированное в романе шведским королем Густавом II Адольфом. Военные силы католической империи обозначены такими лексемами, как «*schwach*» («слабый») и «*keine Ordnung haben*» («сражаются без порядка»/«не имеют порядка»), что способствует формированию негативного гетеростереотипа. При этом анализ противопоставления «*sie wissen nicht*» – «*ich weiß das aber*» («они не знают» – «но я знаю») обуславливает выявление коннотативного значения, положительно определяющее военные силы католической Швеции. Подобное противопоставление позволяет провести параллель между оппозицией «протестантский – католический» и дихотомией «свой – чужой». Согласно теории межкультурной коммуникации, «свое» рассматривается представителями того или иного социума как положительное явление, в то время как «чужое» вызывает отторжение и негативное отношение [11]. Рассмотрим в качестве примера следующие фрагменты текста:

/6/ «*Dich werde ich besiegen, du bist schlau, ich bin schlauer, du bist stark, ich bin stärker, deine Truppen lieben dich, meine lieben mich mehr, du hast den Teufel auf deiner Seite, aber ich hab Gott*» [13, S. 243]. – «Ты меня не одолеешь! Ты умен, а я умнее, ты силен, а я сильнее, тебя твои солдаты любят, а меня мои любят больше, за тебя черт, а за меня Бог» [3, с. 243].

Пример /6/ содержит оценочное суждение о двух полководцах – шведском протестанте Густаве II Адольфе, которому принадлежит приведенная в качестве примера реплика, и имперском католике. Полководец империи описан шведским королем такими лексемами, как «*schlau*» («хитрый»), «*stark*» («сильный»), «*deine Truppen lieben dich*» («твои солдаты любят тебя»). Несмотря на положительную коннотацию, данные языковые единицы противопоставлены описанию лидера протестантов: «*schlauer*» («хитрее»), «*stärker*» («сильнее»), «*meine [Truppen] lieben mich mehr*» (меня мои [солдаты] любят больше). Дихотомизация сравнения двух полководцев обостряется посредством антитезы «*du hast den Teufel auf deiner Seite, aber ich hab Gott*» («за тебя черт, а за меня Бог»).

/7/ «*Wollen sie mich töten?*»
«*Schlimmer. Erst müsst Ihr konvertieren, und dann setzen sie Euch auf den Thron*» [13, S. 243]. –
– «Меня хотят убить»
– Хуже. Они хотят заставить вас принять католичество, а затем усадить вас на трон» [3, с. 199].

В примере /7/ семантический анализ лексемы «*schlimmer*» («хуже») способствует выявлению системы, выраженной на уровне пресуппозиции: отношение к убийству представлено менее плохим, чем смена своей религии, имплицитно обладающей положительной коннотацией, на чужую, представленную в негативном свете. Таким образом, оппозиция «*protestantisch – katholisch*» воссоздает в тексте дихотомию «свое – чужое» как элемент культурного пространства романа.

Особо значимыми в процессе анализа лингвокультурной специфики вербализации взаимоотношений между католиками и протестантами представляются фрагменты текста, в которых противостояние враждующих сторон играет второстепенную роль, что способствует обособлению других элементов культурного пространства, например:

– Окончание войны и установление мира как первоочередная ценность.

/8/ «*Das bringe ich nach Rom und verarbeite es mit meinen Assistenten zum Heilmittel gegen den Schwarzen Tod, welches dann an den Papst und den Kaiser und die katholischen Fürsten... <...> sowie vielleicht an jene Protestanten, die es verdienen, verabreicht wird. An wen genau, das wird auszuhandeln sein. Vielleicht können wir so den Krieg beenden* [13, S. 289]. – «Я привезу кровь в Рим и с помощью ассистентов переработаю ее в медикамент против Черной Смерти, каковой будет отправлен Папе Римскому, императору и католическим правителям... <...> а также, возможно, наиболее достойным из правителей протестантских. Кому именно, подлежит обсуждению. Может быть, таким образом будет окончена война» [3, с. 289].

– Безразличие обеих сторон конфликта к тяготам жизни простого народа.

/9/ «Immer wieder waren in den Jahren Soldaten ins Kloster eingefallen: Die kaiserlichen Truppen hatten genommen, was sie brauchten, dann waren die protestantischen Truppen gekommen und hatten genommen, was sie brauchten. Dann hatten die Protestanten sich zurückgezogen, und die Kaiserlichen waren wiedergekommen und hatten genommen, was sie brauchten <...>» [13, S. 163]. – «Он рассказывал, как солдаты грабили монастырь: сперва войска императора взяли то, что хотели, потом пришли протестантские войска и тоже взяли, что хотели. Потом протестанты ушли, и снова пришли войска императора и снова взяли, что хотели <...>» [3, с. 165].

– Уникальный, внесистемный образ Тилля Уленшпигеля.

/10/ «So vieles habe man verfallen sehen, <...> aber dass einer wie Tyll Ulenspiegel einfach verderben solle, ob Protestant oder Katholik – denn was er eigentlich sei, scheine keiner zu wissen –, das komme nicht in Frage» [13, S. 147]. – «Столь многое пришло на их веку в упадок, <...> но чтобы зря пропадали такой уникам, как Тилль Уленшпигель, будь он протестант или католик, – а кто он есть, кажется, никому не известно – об этом не может быть и речи» [3, с. 150].

В данных примерах лексемы, вербализующие оппозицию «protestantisch – katholisch», при помощи компонента модальности (пример /8/), иронии (пример /9/) и сравнения (пример /10/) способствуют воссозданию системы внутри культурного пространства романа. Анализ данных фрагментов позволил установить взаимосвязь между такими элементами культурного пространства, как «католики», «протестанты», «война», «народ», «Тилль Уленшпигель» и др.

Таким образом, анализ эмпирического материала позволил прийти к следующим выводам: оппозиция «protestantisch – katholisch» («протестантский – католический») занимает важное место в модели культурного пространства романа Даниэля Кельмана «Tyll». Коннотативное значение языковых единиц, вербализующих исследуемую оппозицию, формирует в культурном пространстве текста положительные автостереотипы (например, католики о католиках) и негативные гетеростереотипы (например, католики о протестантах). Лингвокультурологический анализ выявленного соотношения стереотипов свидетельствует о формировании в тексте дихотомии «свое – чужое», расширяющей культурное пространство романа. При помощи контекстуального анализа выявляется взаимосвязь оппозиции «protestantisch – katholisch» с другими сюжетно значимыми элементами культурного пространства текста.

Список литературы

1. Горбатовский А.С. К вопросу о соотношении понятий «культурное пространство» и «культурная картина мира» в лингвокультурологии // Германистика в современном научном пространстве: Материалы VII Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2021. С. 38–44.
2. Горбатовский А.С., Олейник М.А. Лингвокультурологическая специфика лексико-семантических средств моделирования культурного пространства // Вестник Пятигорского государственного университета. 2022. № 1. С. 69–72.
3. Кельман Д. Тилль / пер. с нем. А. Берлиной. М., 2022.
4. Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры: основы психолингвокультурологии. М., 2016.
5. Кузнецова А.В. Прагматика культурных кодов в художественном тексте // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 3. С. 233–242.
6. Кузнецова А.В. Топос иронии в рецептивно-интерпретативном пространстве художественного текста постмодерна // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 2. С. 125–132.
7. Левченко М.Н. Роман Г. Бёлля «Глазами клоуна» и его языковое пространство // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 2. С. 15–23.

8. Лучинская Е.Н. Язык культуры в дискурсе постмодерна // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 2. С. 34–42.
9. Олейник М.А., Горбатовский А.С. Моделирование культурного пространства как метод лингвокультурологического исследования художественного текста (на материале романа Д. Кельмана «Тыл») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 10. С. 3336–3339.
10. Сараф М.Я., Сараф С.М. Культурные слои в едином культурном пространстве // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 4(90). С. 21–28.
11. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
12. Филиппов А.К., Филиппов К.А. Асимметрия культурных концептов в оригинальном и переводном художественных текстах // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2021. № 202. С. 193–206.
13. Kehlmann D. Tyll. Reinbek, 2017.

* * *

1. Gorbatovskij A.S. K voprosu o sootnoshenii ponyatij «kul'turnoe prostranstvo» i «kul'turnaya kartina mira» v lingvokul'turologii // Germanistika v sovremennom nauchnom prostranstve: Materialy VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Krasnodar, 2021. S. 38–44.
2. Gorbatovskij A.S., Olejnik M.A. Lingvokul'turologicheskaya specifika leksiko-semanticheskikh sredstv modelirovaniya kul'turnogo // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. № 1. S. 69–72.
3. Kel'man D. Tyll / per. s nem. A. Berlinoj. M., 2022.
4. Krasnyh V.V. Slovar' i grammatika lingvokul'tury: osnovy psiholingvokul'turologii. M., 2016.
5. Kuznecova A.V. Pragmatika kul'turnyh kodov v hudozhestvennom tekste // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2021. № 3. S. 233–242.
6. Kuznecova A.V. Topos ironii v receptivno-interpretativnom prostranstve hudozhestvennogo teksta postmoderna // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2020. № 2. S. 125–132.
7. Levchenko M.N. Roman G. Byollya «Glazami klouna» i ego yazykovoe prostranstvo // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. 2019. № 2. S. 15–23.
8. Luchinskaya E.N. Yazyk kul'tury v diskurse postmoderna // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki. 2020. № 2. S. 34–42.
9. Olejnik M.A., Gorbatovskij A.S. Modelirovanie kul'turnogo prostranstva kak metod lingvokul'turologicheskogo issledovaniya hudozhestvennogo teksta (na materiale romana D. Kel'mana «Tyll») // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2022. T. 15. № 10. S. 3336–3339.
10. Saraf M.Ya., Saraf S.M. Kul'turnye sloi v edinom kul'turnom prostranstve // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2019. № 4(90). S. 21–28.
11. Stepanov Yu.S. Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya. M., 1997.
12. Filippov A.K., Filippov K.A. Asimetriya kul'turnyh konceptov v original'nom i perevodnom hudozhestvennyh tekstah // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2021. № 202. S. 193–206.

The linguocultural aspect of the opposition “Protestantism – Catholicism” in the cultural space of the novel “Tyll” by D. Kehlmann

The article deals with the linguocultural peculiarities of the verbalization of the opposition “Protestantism – Catholicism” in the cultural space of the novel “Tyll” by Daniel Kehlmann, its plot happens in the background of the events of the Thirty Years’ War. In the process of the analysis of the linguistic units, reconstructing the opposed political and religious centres of Catholicism and Protestantism, there are considered the semantic characteristics of the lexical units, defining the interrelation of the elements of the cultural space.

Key words: *cultural space, fictional text, model of cultural space of fictional text, element of cultural space, Daniel Kehlmann.*

(Статья поступила в редакцию 19.03.2023)

**МЕСТО ФИЕСТЫ В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ КАРТИНЕ ИСПАНСКОЙ
МЕНТАЛЬНОСТИ**

*Рассматривается этноязыковая специфика понятия *fiesta*. Выявлены смысловые и ценностные компоненты феномена *fiesta* в испанской лингвокультуре. Определено место *фиесты* в лингвокультуре Испании наряду с понятиями «коррида» и «фламенко».*

Ключевые слова: *испанская фиеста, картина мира, когнитивное пространство культуры, лингвокультура, национальная картина мира.*

Феномен праздника занимает одно из ключевых мест в испанской лингвокультуре и во многом объясняет специфику испанского менталитета. Данное понятие выступает ядром этноязыковой и этнокультурной картины мира носителей испанского языка.

Дж. Лакоффом и М. Джонсоном выдвинута теория языковых гештальтов, детально раскрывающих сущность и содержание языковой картины мира. «Гештальты представляют собой особые глубинные содержательные единицы языка», – полагают известные ученые [11, с. 51]. Гештальты, в определении Т.С. Сорокиной, представляют собой «интегрированные и единые концептуальные структуры с широким значением» [16, с. 243]. Рассматриваемый нами феномен испанской *фиесты* может быть отнесен к таким гештальтам.

Не вызывает возражений точка зрения В.А. Масловой о том, что каждый язык отражает определенный способ восприятия и концептуализации действительности. Данный способ концептуализации действительности «в чем-то универсален, в чем-то национально специфичен, поскольку носители каждого конкретного языка видят мир через призму данного языка» [14, с. 81].

По мнению А.Н. Леонтьева, имеет место специфическое «пятое квазиизмерение», в котором человеку представлена окружающая действительность; «данное измерение представляет собой своеобразное смысловое поле или систему национально-культурных значений и, таким образом, картина мира реализуется как система образов» [12, с. 68].

В.Б. Касевич придерживается позиции, согласно которой «картина мира, закодированная средствами языковой семантики, со временем может оказываться в той или иной степени пережиточной, реликтовой, лишь традиционно воспроизводящей былые оппозиции в силу естественной недоступности иного языкового инструментария; с помощью последнего создаются новые смыслы, для которых старые служат своего рода строительным материалом. Иначе говоря, возникают расхождения между архаической и семантической системой языка и той актуальной ментальной моделью, которая действительна для данного языкового коллектива и проявляется в порождаемых им текстах, а также в закономерностях его поведения» [7, с. 19]. Таким образом, язык должен не просто предоставить пользователю определенную лексическую единицу, но вложить в нее нужный смысл, тем самым обеспечив верное понимание.

В настоящее время в лингвистике существует большое количество направлений и подходов к интерпретации языковой картины мира, каждое из которых делает акцент на определенных сторонах этого понятия. Согласно широкой трактовке языковая картина мира есть «субъективный образ объективного мира как средство репрезентации концептуальной картины мира, полностью, однако, не охватывающее ее, как результат

языковой, речемыслительной деятельности многопоколенного коллектива на протяжении ряда эпох» [8; 9; 17]. Языковая картина мира включает в себя совокупность представлений о действительности. «Эти представления, складывающиеся в единую систему взглядов и предписаний, входят в значения языковых единиц в неявном виде, так что носитель языка принимает их на веру, не задумываясь и сам того не замечая», – замечает И.В. Андреева [1]. Согласно более узкой трактовке, излагаемой Е.С. Яковлевой, языковая картина мира представляет собой «зафиксированную в языке и специфическую для данного языкового коллектива схему восприятия действительности» [18, с. 47].

Мы разделяем взгляды представителей широкого подхода и рассматриваем языковую картину мира как исторически сложившуюся и закреплённую в языке совокупность представлений о мире, способ восприятия и концептуализации действительности. Каждый язык отражает окружающую действительность по-своему. Отличительными признаками создаваемой картины мира выступают пейоративность (отрицание непримлемых и несвойственных характеристик) и антропоцентричность (ориентация картины мира на человека).

В содержании лексических единиц языка закодирована картина мира этноса, которая выступает основой для формирования культурных стереотипов.

Среди факторов, которые выступают причиной и основой появления в любой картине мира национально-окрашенной лексики, следует назвать условия жизни и быта народа, его историю и сформировавшиеся на протяжении нее традиции, национальный психологический тип личности, миропонимание и мировоззрение, а также особенности строения языковой системы, отражающей окружающую действительность. В этой связи представляется значимым выделить базовые мислеобразы народа, вербализуемые языком. По мнению Г.Д. Гачева, «национально-своеобразные образы (символы) отражают особенности идиоэтнического мировосприятия и обусловлены психологией народа, его образом жизни, условиями проживания, национальными традициями и т. п.» [5, с. 181].

В.В. Красных разграничивает лингвистические и психологические штампы, которые имеют разную онтологическую природу: «если в языке на первый план выходит значение, то в мышлении – семантико-когнитивные ассоциации» [10, с. 146]. Образ жизни народа выступает источником для формирования ключевых стереотипов мышления.

Образы мира получают различное воплощение в национальных картинах мира. «Нельзя на естественном языке описать “мир как он есть”: язык изначально задает своим носителям определенную картину мира, причем каждый язык – свою» [4, с. 179]. Мир отражается через систему каждого языка по-разному; когнитивное пространство, создаваемое языком, обязательно имеет национальную окраску.

В каждой национальной культуре имеется целый ряд базовых понятий, которые оказали самое существенное воздействие на ее формирование, аккумулируют в себе ее суть и составляют ее основу. Концептуальное пространство любой культуры формируется двумя группами понятий: «космические», философские категории (универсальные сущности: время, пространство, причина, следствие и т. п.) и социальные категории (культурные сущности: свобода, право, справедливость, богатство, собственность и т. п.). Национальная языковая картина мира является отображением в языке элементов специфического национального способа миропонимания.

Этноязыковое сознание выступает частью и константой сознания национального. Вслед за И.В. Приваловой под этноязыковым сознанием мы понимаем «культурно обусловленный инвариантный образ мира, соотносённый с особенностями национальной культуры и национальной психологии» [15, с. 6]. Заслуживает всестороннего осмысления позиция автора в том плане, что «этноязыковое сознание не соразмерно с языковой картиной мира; оно представляет собой набор когнитивно-эмотивных и аксиологических национально-маркированных единиц» [Там же, с. 7].

По мнению С.В. Лурье, каждый этнос адаптируется к окружающему миру, и при этом «задается определенная система координат, в которой будет действовать в мире представитель данной этнической культуры и формируется образ мира, который является основополагающей компонентой культуры этноса» [13, с. 221]. «Система этнических констант и является той призмой, сквозь которую человек смотрит на мир» [Там же, с. 228].

Е.В. Головнева выделяет в структуре этноязыкового сознания когнитивную, ценностно-регулятивную и эмоционально-волевою составляющие. Когнитивная составляющая образует ядро этноязыкового сознания; это сложная система знаний представителей этноса о своей этнической общности, ее культуре и языке. Ценностно-регулятивная составляющая включает ценности, нормы и идеалы этнической группы. И, наконец, эмоционально-волевая составляющая включает стандартные схемы эмоционального реагирования представителей этноса на определенные вещи или ситуации. Данная составляющая четко прослеживается в этническом темпераменте – «стабильной форме поведения представителей разных поколений одного этноса, складывающийся под влиянием климатической среды, образа жизни, рода занятий этносов, специфики этнической культуры» [6, с. 172].

В любой этнокультуре представляется возможным выделить набор ценностных доминант. В ценностной картине мира представителей этноса получают номинацию наиболее важные предметы и явления жизни народа. Для испанской лингвокультуры и представителей испаноязычного этноса к числу таких ценностных доминант относятся когнитивные компоненты, связанные с понятием праздник (*fiesta*): праздник, карнавал, развлечение, искусство отдыхать и умение получать удовольствие от отдыха и т. п.

М.М. Бахтин рассматривал любой праздник как «важную первичную форму человеческой культуры» [3, с. 11]. По мнению исследователя, его специфика состоит в том, что в нем отражаются как универсальные черты (присущие разным типам цивилизаций и культур), так и черты специфичные для определенной национальной культуры.

Праздник – неотъемлемый компонент образа Испании. Лексическая единица «*fiesta*» выступает в качестве номинации первой ассоциации при упоминании об Испании. Испанский праздник выступает символом страны, своеобразным национально-специфичным архетипом.

Испанскую лексическую единицу *fiesta* можно трактовать в узком смысле, рассматривая ее смысловое наполнение как «праздник», «празднование», и это будет до определенной степени верно. Но только до определенной степени. Тогда как в русском языке праздник есть противопоставление состоянию работы, торжество, ритуальное событие или действо, в испанской лингвокультуре и, соответственно, в испанском языке, находим более широкую трактовку данного феномена.

В Словаре «*Diccionario de la lengua española*» даются следующие определения понятия *fiesta*: а) *día en que, por disposición legal, no se trabaja* (день, когда по закону работа не ведется); б) *día que una religión celebra con especial solemnidad dedicándolo a Dios o conmemorando un hecho o figura religiosos* (день, который почитается/отмечается церковью с особой торжественностью, посвящая его Богу или вспоминая какой-либо религиозный факт или личность); в) *acto o conjunto de actos organizados para la diversión o disfrute de una colectividad* (мероприятие или ряд мероприятий, организованных для веселья или наслаждения коллективом); г) *reunión de gente para celebrar algo o divertirse* (собрание людей, чтобы отпраздновать или веселиться); д) (разг.) *descanso laboral que se hace en un día que no es festivo* (рабочий перерыв, который делается в день, который не является праздничным); е) (pl.) *sucesión de varios días de fiesta en que se celebra una solemnidad* (последовательность нескольких праздничных дней, в которые проходит торжественная церемония) [19] (Перевод наш. – А.О.).

Испанская лексическая единица «fiesta» восходит к лат.: *festa* – *собрание для выражения радости*. Рассмотрение синонимического ряда испанской лексической единицы «праздник» позволяет полнее осознать и интерпретировать значимость феномена «праздник» для испанцев: *descanso* (*отдых*), *festejo* (*празднество*), *festín* (*праздник, пир, банкет*), *festividad* (*праздник, празднество*), *celebración* (*празднование*), *convite* (*вечеринка, большой праздник*), *velada* (*вечер, мероприятие*), *vacación* (*отпуск, праздники, каникулы*), *juerga* (*вечеринка, веселье*), *verbena* (*празднество, ночное веселье накануне некоторых праздников*), *espectáculo* (*спектакль, шоу*), *entretenimiento* (*развлечение*), *distracción* (*развлечение, забава, безделье*), *efemérides* (*знаменательная дата, годовщина*).

Испанский праздник выступает сложным образованием, а потому любой праздник вызывает и заставляет пережить кардинально разные эмоции, такие как, например, радость и тоска, веселье и апатия, свобода полета и страдание и т. п. Именно поэтому «принято говорить о «дуализме» испанского праздника» [2, с. 51]. По мнению Е.В. Астаховой, в испанском национальном характере есть «таинственная», «магическая» сила – это мир *duende*. «Duende – испанский рок, судьба, “край бездны”, ощущение Бога. Скрытая сила и темперамент испанского характера, гордость, самопожертвование, самодостаточность, стойкость в страданиях, национальное пение, танец, великая живопись, поэзия – все это есть *duende*. Duende выступает как оборотная сторона праздника» [Там же, с. 57].

Сами испанцы признают, что в их этнической культуре принято делать акцент не на труд и результаты труда, а на получение радости от жизни. Если русскую картину мира характеризуют такие константы, как «душа», «судьба», «тоска» [4, с. 78], то в испанской картине ценностей центральное место отведено таким понятиям, как «наслаждение жизнью», «искусство жить».

Три, безусловно, специфичных компонента, константы, составляющих испанскую картину мира – *fiesta* (фiesta), *flamenco* (фламенко) и *toreo* (коррида). Фламенко стало своего рода символом Испании, соединившим в себе страсть, красоту и исторический трагизм испанской нации. Центральным лейтмотивом фламенко выступает сочетание свободы и борьбы. Фламенко выступает невербальным выражением сущности испанского характера. Считается, что оно представляет собой особый язык, особый вид коммуникации, в которой каждый невербальный компонент несет смысл, который может быть вербализован в виде этнокультурных концептов испанской лингвокультуры.

Центральными компонентами *toreo* (корриды) выступают азарт, радость, которые репрезентируются в двух полярных экспликациях (радость :: восторг и радость :: отвлечение). Актуализация данного понятия эксплицирует как положительные (любовь, страсть, гордость), так и отрицательные (страх, гнев) эмоции. Коррида представляет собой особый праздник, который испанская нация воспринимает как воплощение национального духа.

На наш взгляд, *фiesta* (*fiesta*) может быть рассмотрена как некое общее понятие, тогда как фламенко и коррида выступают его составными частями, формируя в конечном счете своеобразную, специфическую картину испанской этноязыковой картины мира, сконцентрированной и разворачивающейся вокруг испанского праздника.

Если схематично представить данные три доминанты испанской национальной культуры, их можно изобразить в виде пересекающихся полей – испанская коррида и фламенко выступают феноменами, так или иначе, входящими в единое концептуальное поле испанского праздника.

Перспективами исследования может стать выявление функциональной специфики данных этнокультурных констант и установление специфических способов их языковой актуализации.

Список литературы

1. Андреева И.В. Ценностная картина мира как лингвистическая и философская категория [Электронный ресурс] // Аналитика культурологии. 2006. № 2(6). URL: <http://tsu.tmb.ru/culturology/journal/6/index.html> (дата обращения: 12.03.2021).
2. Астахова Е.В. Праздник как ключевой концепт испанской лингвокультуры // Иберо-американские тетради. Институт Международных исследований. 2015. № 1(7). С. 49–68. URL: https://www.vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/98?locale=ru_RU (дата обращения: 24.02.2023).
3. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990.
4. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.
5. Гачев Д.Г. Космо-психо-логос. Национальные образы мира. М., 2015.
6. Головнева Е.В. Истоки и компоненты этнического самосознания как социокультурного феномена // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2012. № 3(104). С. 169–175.
7. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.
8. Климова Л.А. Нижегородская микропонимия в языковой картине мира. Арзамас, 2007.
9. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003.
10. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2002.
11. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А.Н. Баранова и А.В. Морозовой; под ред. А.Н. Баранова. М., 2004.
12. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
13. Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1997.
14. Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2007.
15. Привалова И.В. Языковое сознание: этнокультурная маркированность (теоретико-экспериментальное исследование): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006.
16. Сорокина Т.С. Репрезентация языковых концептов в синхронии и диахронии // Функционально-когнитивные аспекты актуализации грамматических форм и структур в синхронии и диахронии (на материале английского языка). М., 2019. С. 241–266.
17. Шушарина И.А. Семиотика и лингвистика. Курган, 2011.
18. Яковлева Е.С. К описанию русской языковой картины мира // Русский язык за рубежом. 1996. № 1-2-3(156-157-158). С. 47–56.
19. Diccionario de la lengua española. Real Academia Española. 22-a ed. Madrid, 2001.

* * *

1. Andreeva I.V. Cennostnaya kartina mira kak lingvisticheskaya i filosofskaya kategoriya [Elektronnyj resurs] // Analitika kul'turologii. 2006. № 2(6). URL: <http://tsu.tmb.ru/culturology/journal/6/index.html> (data obrashcheniya: 12.03.2021).
2. Astahova E.V. Prazdnik kak klyuchevoy koncept ispanskoj lingvokul'tury // Iberoamerikanskije tetradi. Institut Mezhdunarodnyh issledovaniy. 2015. № 1(7). S. 49–68. URL: https://www.vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/98?locale=ru_RU (data obrashcheniya: 24.02.2023).
3. Bahtin M.M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa. M., 1990.
4. Vezhbickaya A. Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov. M., 2001.
5. Gachev D.G. Kosmo-psiho-logoS. Nacional'nye obrazy mira. M., 2015.
6. Golovneva E.V. Istoki i komponenty etnicheskogo samosoznaniya kak sociokul'turnogo fenomena // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. 2012. № 3(104). S. 169–175.
7. Kasevich V.B. Semantika. SintaksiS. Morfologiya. M., 1988.
8. Klimkova L.A. Nizhegorodskaya mikrotoponimiya v yazykovoj kartine mira. Arzamas, 2007.
9. Kornilov O.A. Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacional'nyh mentalitetov. M., 2003.
10. Krasnykh V.V. Etnopsiholingvistika i lingvokul'turologiya. M., 2002.
11. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafori, kotorymi my zhivem / per. s angl. A.N. Baranova i A.V. Morozovoj; pod red. A.N. Baranova. M., 2004.

12. Leont'ev A.H. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. M., 1975.
13. Lur'e S.V. Istoricheskaya etnologiya. M., 1997.
14. Maslova V.A. Lingvokul'turologiya. M., 2007.
15. Privalova I.V. Yazykovoe soznanie: etnokul'turnaya markirovannost' (teoretiko-eksperimental'noe issledovanie): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2006.
16. Sorokina T.S. Reprezentaciya yazykovyh konceptov v sinhronii i diahronii // Funkcional'no-kognitivnye aspekty aktualizacii grammaticheskikh form i struktur v sinhronii i diahronii (na materiale anglijskogo yazyka). M., 2019. S. 241–266.
17. Shusharina I.A. Semiotika i lingvistika. Kurgan, 2011.
18. Yakovleva E.S. K opisaniyu russkoj yazykovoj kartiny mira // Russkij yazyk za rubezhom. 1996. № 1-2-3(156-157-158). S. 47–56.

***The place of 'fiesta' in the ethnocultural picture
of the Spanish way of thinking***

The article deals with the ethno-lingual specific features of the concept 'fiesta'. There are revealed the semantic and value-based components of the phenomenon 'fiesta' in the Spanish linguistic culture.

The author identifies the place of 'fiesta' in the linguoculture of Spain, parallel with the concepts of 'corrida' and 'flamenco'.

Key words: *Spanish fiesta, world picture, cognitive space of culture, linguoculture, national world picture.*

(Статья поступила в редакцию 18.04.2023)

ХРОНИКА И РЕЦЕНЗИИ

В.И. СУПРУН
Волгоград

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ РУСИСТОВ В КАЗАНИ

Со 2-го по 8-е апреля в Казани на базе института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета (КФУ) прошел международный форум «Русский язык и литература как средство формирования российской идентичности и международной интеграции». Форум проходил под эгидой Министерства науки и высшего образования РФ, кабинета министров Республики Татарстан (РТ) и комиссии при раисе РТ по русскому языку, Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), ассоциации «Российское общество преподавателей русского языка и литературы» (РОПРЯЛ) и Ассоциации союзов писателей и издателей России (АСПИР).

Ключевыми докладчиками (в программе они названы спикерами) были ректор Казанского федерального университета Линар Ринатович Сафин, советник Президента РФ, председатель Совета при Президенте РФ по русскому языку, президент МАПРЯЛ и РОПРЯЛ Владимир Ильич Толстой, заместитель премьер-министра РТ Лейла Ринатовна Фазлеева, проректор Московского государственного университета (МГУ) им. М.В. Ломоносова, академик Российской академии образования (РАО), член президиума РАО Татьяна Владимировна Кортава, председатель АСПИР, первый заместитель председателя комитета по культуре Государственной Думы Федерального Собрания РФ Сергей Александрович Шаргунов, первый проректор Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы Юлия Николаевна Эбзеева, заместитель председателя совета Ассамблеи народов РТ, председатель правления региональной общественной организации «Русское национально-культурное объединение РТ» Ирина Алексеевна Александровская, директор института филологии и межкультурной коммуникации (ИФМК) КФУ профессор Радиф Рифкатович Замалетдинов.

Основными мероприятиями форума стали Международная научно-практическая конференция «Русский язык как иностранный: история, современность и будущее», выездное заседание правления РОПРЯЛ и межрегиональная творческая мастерская АСПИР для писателей Приволжского федерального округа.

Конференция по проблемам русского языка как иностранного (РКИ) была организована несколько необычно: первые заседания секций предшествовали торжественному открытию и пленарному заседанию. Секции проводились в двух форматах: очном и дистанционном. Всего в конференции приняли участие 207 докладчиков из 7 стран (Белоруссия, Казахстан, Китай, Россия, Таджикистан, Турция, Узбекистан). Россия была представлена научными центрами из 27 городов: Владивосток, Волгоград, Воронеж, Донецк, Екатеринбург, Зеленодольск, Ижевск, Казань, Калининград, Красноярск, Москва, Набережные Челны, Одинцово, Псков, Ростов-на-Дону, Рязань, Самара, Санкт-Петербург, Саратов, Симферополь, Томск, Тула, Тюмень, Уфа, Челябинск, Якутск, Ярославль. Кроме того, к конференции могли подключиться, заранее зарегистрировавшись, слушатели из разных стран и городов России, всего было зарегистрировано 215 человек.

На торжественном открытии международного форума с приветственными речами выступили ректор КФУ Л.Р. Сафин, советник Президента РФ, президент МАПРЯЛ и РОПРЯЛ В.И. Толстой, проректор МГУ им. М.В. Ломоносова Т.В. Кортава, директор ИФМК КФУ Р.Р. Замалетдинов, представители зарубежных делегаций и общественных организаций РТ. Студенты КФУ подготовили концертную программу «Серебряный век русской литературы сквозь призму современности». На пленарном заседании с научными докладами выступили В.М. Шаклеин, Л.П. Клобукова, Сюй Чуаньхуа, Т.В. Васильева, Т.И. Попова, Д.Ю. Ильин (Волгоград), Н.В. Габдреева.

На первой секции (руководители Н.В. Габдреева, И.А. Садыкова и др.) рассматривались проблемы межкультурной коммуникации и диалога культур. Семантике и прагматике колоронимов в русском, французском и китайском языках были посвящены доклады А.В. Агеевой, А.О. Патрикеевой, А.А. Кайбияйнен и Цинь Сяобинь. Языковые контакты в полилингвальном социуме рассмотрела Д.Р. Джуманова. Анализ изменений в русской лексике под влиянием языка военной коммуникации посвятила свой доклад Е.И. Голованова. Особенности перевода финских драматических произведений на русский язык стали объектом анализа Н.С. Братчиковой. Современные эргонимы Астаны проанализировали Ж.А. Джамбаева и К.М. Абдрахманова. Опытом межкультурной коммуникации на кафедре редакционно-издательских технологий Белорусского технологического университета поделился В.И. Куликович. В докладе В.И. Супруна (Волгоград) был рассмотрен язык произведений А.Н. Островского в лингводидактическом аспекте. О.Т. Носиров проанализировал универсальные (общечеловеческие) и национально-специфические средства выражения концептосферы «времени года» в русской и узбекской языковых картинах мира. Языковые средства создания образа Таиланда в интернет-коммуникации рассмотрел Д.С. Скнарев.

На заседаниях второй секции (руководители Т.И. Галеев и А.В. Спиридонов) анализировались вопросы информационных технологий в преподавании русского языка и культуры. В.Б. Куриленко и Ю.Н. Бирюкова рассмотрели технологии искусственного интеллекта в развитии умений профессионального общения иностранных студентов-медиков. О.В. Ширяева-Ширинг проанализировала медиатекст в преподавании РКИ и компетентностный подход в сфере высшего образования. Н.А. Томиленко (Волгоград) остановилась на развитии навыков аудирования при обучении РКИ на материале художественных текстов. Т.А. Демешкина сообщила о возможностях использования языковой платформы «Спикрус» для преподавания РКИ. О функционале образовательной платформы RuLingva для практики преподавания РКИ доложили Э.В. Гафиятова и М.И. Солнышкина. В докладе Г.Ф. Лутфуллиной говорилось об использовании корпуса русского языка в практике преподавания РКИ в техническом вузе. Л.А. Дунаева представила современный учебник РКИ в цифровом измерении.

Третья секция называлась «Русская литература и культура в практике преподавания РКИ» (руководители Т.Н. Бреева и А.Р. Салахова). В докладе Н.В. Изотовой говорилось об изучении канонических и трансформационных моделей художественного диалога. В.М. Калинин рассмотрел имена собственные (антропонимы) как средство поэтики в русской художественной литературе. К.Р. Нургалеева проанализировала жанр фэнтези в детской литературе Казахстана. Р.Ф. Мухаметшина рассмотрела изучение русских народных сказок в контексте диалога культур. В докладе С.М. Петровой была рассмотрена русская литература в практике преподавания РКИ. В.В. Воробьев в докладе сделал акцент на сопоставлении прикладной лингвокультурологии и методики преподавания РКИ. Л.Е. Бушканец остановилась на проблемах понимания иностранцами комического в литературе (на материале рассказа А.П. Чехова «Толстый и тонкий»). Е.К. Маранцман осветила технологии изучения иностранными студентами романа И.А. Гончарова «Обломов». С учебно-методическим обеспечением курса «Мастер-класс по ли-

тературоведческому анализу текста» познакомила участников секции О.Н. Гибралтарская. Об изучении современной иерейской прозы в иностранной аудитории сообщила Е.В. Суровцева.

На четвертой секции (руководители Т.Г. Бочина, Ю.В. Агеева и др.) основное внимание было уделено проблемам истории и современному состоянию методики преподавания РКИ. Т.Г. Бочина остановилась на основных направлениях учебно-методической деятельности кафедры РКИ КФУ. Ю.В. Дорофеев рассмотрел преподавание РКИ в контексте функциональной парадигмы. А.Н. Рудяков посвятил свой доклад орфографии и сохранению единства устной и письменной речи. Л.В. Куликова представила мультимедийный подход в практике преподавания РКИ. В докладе Е.Н. Стрельчук освещался педагогический инструментарий современного преподавателя РКИ. Ю.В. Агеева рассмотрела формирование навыков научной речи у иностранных студентов-филологов в процессе изучения стилистики русского языка. И.Б. Авдеева сопоставила отечественные и западные традиции в изучении иностранных языков и РКИ в исторической перспективе. Е.Л. Бархударова сообщила об истории разработки лингводидактических основ национально-ориентированного обучения русскому произношению в МГУ им. М.В. Ломоносова. Т.Г. Никитина и Е.И. Рогалёва представили современные учебные словари в практике преподавания РКИ. Развитие навыков словообразовательного анализа в китайской аудитории рассмотрела в своем докладе Н.И. Файзуллина.

Пятая секция была посвящена проблемам и перспективам довузовской подготовки иностранных граждан (руководители Р.Н. Сафин, Л.В. Владимирова и др.). А.Н. Ременцов и Н.А. Ременцова рассмотрели дополнительную подготовку иностранных граждан к освоению российских образовательных программ. Р.Н. Сафин проанализировал использование традиций Казанской школы дериватологии при преподавании РКИ. А.В. Богданова представила предметно-языковую подготовку будущих специалистов на довузовском этапе обучения РКИ. Об использовании словообразовательного критерия при отборе слов для лексических минимумов говорил А.С. Кулигин.

Доклады участников шестой секции (руководители А.В. Бастрыков и Е.М. Бастрыкова), ориентированной на молодых исследователей, были посвящены анализу актуальных проблем методики РКИ. В докладе Н.В. Габдеевой, А.Р. Хабибрахмановой и С.В. Кочуровой были представлены новые эмпирические данные в словаре композитов русского языка. На секции выступили также аспиранты и магистранты вузов России.

В рамках форума были проведены мастер-классы: «Читаем, говорим, пишем по-русски: уроки Льва Толстого» (Е.Г. Штырлина), «Лингвистические и экстралингвистические аспекты изучения кинофильма на уроке РКИ» (А.Р. Салахова). Состоялось также заседание круглого стола (руководитель Е.Г. Штырлина), на котором были рассмотрены различные аспекты преподавания русского языка и литературы иностранным студентам-филологам.

На межрегиональной творческой мастерской для писателей Поволжского федерального округа прошли семинары прозы, поэзии, детской литературы, критики и публицистики, заседания секций подкаста, телеграм-канала, продвижения книг. В. Дмитриевой была прочитана лекция по редактуре «Основы саморедактирования: как улучшить свой текст». Под руководством А.С. Афанасьева был проведен круглый стол «Литературное образование в России: настоящее и будущее».

Международный форум «Русский язык и литература как средство формирования российской идентичности и международной интеграции» в Казани прошел на весьма высоком уровне. В ходе всех заседаний и мероприятий отмечалось, что в современных условиях все возрастает роль русского языка и русской культуры в решении вопросов патриотического и духовно-нравственного воспитания современной российской молодежи, формирования единого социокультурного пространства и общей лингвальной

ситуации нашей страны, укрепления позиций российских ученых в мировой научно-образовательной среде, расширения сети партнерских связей и профессиональных контактов между русистами разных стран, закрепления тенденций создания благоприятного образа России в мировом сообществе.

(Статья поступила в редакцию 28.04.2023)

Е.В. КУЗНЕЦОВА

Волгоград

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«СТАЛИНГРАДСКАЯ ГВОЗДИКА»**

С 19 по 21 апреля 2023 г. в Волгограде в рамках V Международного форума «Золотая звезда», посвященного 80-летию победы в Сталинградской битве, состоялись VI Международная научная конференция и I Студенческая научно-практическая конференция «Сталинградская гвоздика». Мероприятие проходило на базе Волгоградского государственного социально-педагогического университета под эгидой Министерства просвещения РФ, ассоциации «Российское общество преподавателей русского языка и литературы» (РОПРЯЛ) и при содействии Волгоградского центра гражданского образования.

В этом году впервые в конференции приняли участие молодые исследователи. Грандиозное научное мероприятие началось с работы I Студенческой научно-практической конференции «Сталинградская гвоздика».

На открытии конференции с приветственным словом ко всем ее участникам обратились Евгения Валентиновна Брысина, доктор филологических наук, профессор, директор Института русского языка и словесности Волгоградского государственного социально-педагогического университета, член-корреспондент РАН Сергей Алексеевич Мызников, а также эксперт студенческой конференции профессор Московского государственного областного педагогического университета Олег Викторович Никитин. По сложившейся традиции на открытии конференции также выступил профессорско-магистрантский ансамбль Института русского языка и словесности ВГСПУ «Слово славное», исполнивший песни на славянских языках.

Научные доклады на I Студенческой научно-практической конференции «Сталинградская гвоздика» представили 70 студентов из 9 регионов РФ (10 вузов). Тематика студенческих выступлений была весьма разнообразна: от исследований в области истории русского языка и литературы до анализа современных тенденций русской филологии. Значительное количество докладов было посвящено вопросам методики преподавания русского языка и литературы в школе, что вполне закономерно, поскольку студенты представляли в том числе и педагогические вузы России.

В рамках студенческой конференции работали три пленарных и два секционных заседания, которыми руководили член-корреспондент РАН Сергей Алексеевич Мызников, профессор Олег Викторович Никитин, профессор Зулейхан Кимовна Беданова, профессор Вячеслав Исаевич Теркулов, доцент Татьяна Викторовна Мосейчук.

VI Международная научная конференция «Сталинградская гвоздика» началась с приветственных слов Кристины Ивановны Декатовой, доктора филологических наук, доцента, заведующей кафедрой русского языка и методики его преподавания Волго-градского государственного социально-педагогического университета, Инны Анатольевны Прихожан, президента Волгоградского центра гражданского образования, кандидата философских наук. В дистанционном формате с приветствием к участникам конференции обратились также представители вузов России, Белоруссии, Азербайджана, Казахстана, Киргизии, Молдовы, Словакии, Вьетнама, Ирана, Турции и Китая.

В работе конференции приняли участие 104 докладчика из 18 городов РФ (Волгоград, Москва, Донецк, Петрозаводск, Самара, Сызрань, Элиста, Тверь, Астрахань, Майкоп, Ярославль, Саранск, Тюмень, Тула, Белгород, Борисоглебск, Саратов, Воронеж) и 16 стран ближнего и дальнего зарубежья (Азербайджан, Турция, Иран, Белоруссия, КНР, Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Словакия, Молдова, Чехия, Индия, Вьетнам, Нигерия, Куба, Монголия). Участники конференции представили 56 образовательных и научно-исследовательских организаций России и зарубежья.

На первом пленарном заседании (руководители Е.В. Брысина и Т.В. Черницына) выступили представители российских и зарубежных образовательных и научно-исследовательских организаций. С.А. Мызников рассказал о ходе работы над «Словарем русских народных говоров» и его месте в современной русской лексикографии. В.И. Теркулов представил свою концепцию истории восточнославянского единства. Методике подготовки к вступительным испытаниям по русскому языку в Республике Беларусь посвящен доклад Т.В. Мосейчук. Н.В. Маркова на материале рассказа Короленько «Река играет» проанализировала функционирование диалектного слова *колоколо*. О.А. Васильева рассматривала тексты библиографического характера как средство обучения русскому языку иностранных военнослужащих. Т.В. Демидович посвятила свое выступление «Сталинградскому курсу» Военно-морской медицинской академии. Е.В. Брысина проанализировала проблемы картографирования слов ландшафтной тематики в Лексическом атласе русских народных говоров. К.И. Декатова и Е.В. Каунова в совместном докладе обосновали актуальность формирования читательских умений обучающихся как способ защиты от манипулятивного воздействия СМИ. А.А. Гаджиев рассказал о том, как представлена современная русская литературы в азербайджанском вузе. Т.В. Черницына проанализировала языковые особенности произведений В.М. Шукшина. Ю.Ф.Ш. Пашаева рассказала об особенностях преподавания русского языка турецким студентам. Доклад В.П. Москвина был посвящен методике анализа темных мест в стихотворном тексте. Л.А. Шестак рассуждала в выступлении о наследии Великой Победы в современном русском языке. Выступление М. Искандари было посвящено месту и функционированию русского языка в Иране. Е.Б. Никифорова проанализировала лексические инновации в современном русском языке.

Тематика докладов второго пленарного заседания (руководители К.И. Декатова и Е.В. Каунова) также охватывала широкий круг вопросов современной филологии. О.В. Никитин посвятил свой доклад Д.Н. Ушакову как языковой личности (к 150-летию со дня рождения ученого). Е.А. Болтовская проанализировала эволюцию морфологических норм современного русского языка. Доклад А.Е. Осипчук был посвящен компонентам институционального военного дискурса. М.Н. Панчехина рассмотрела тематическое поле «Уголь» в поэзии метареализма. Е.А. Кривченко на материале анекдотов проанализировала убеждающую речь врача в ходе оказания медицинской помо-

щи. Д.И. Борозенец в своем докладе представила принципы моделирования семантического поля в синхронии и диахронии. О.В. Салынова проанализировала этнокультурные маркеры в рекламных текстах Калмыкии. Проблеме семантизации терминов физики в учебном словаре для аудитории РКИ был посвящен доклад Д.Г. Персиковой. В.В. Анищенко с литературоведческой точки зрения рассмотрела феномен бессонницы в русской поэзии XIX в. Т.Л. Чернышова посвятила свое выступление симулякрам в пространственно-временной организации прозы Е.Г. Водолазкина. Вэн Цзятун рассказала о китаизмах *жемчуг, чай, женьшень* в русской поэзии. Истории и современному состоянию русского языка в Казахстане был посвящен доклад Г.Б. Мадиевой. У.К. Кадыркулова и З.З. Абдуманова в совместном выступлении рассказали о новшествах в преподавании русского языка в Кыргызстане. Разговорности в лирике А.А. Вознесенского было уделено внимание в выступлении Т.Н. Колокольцевой. Лексические средства выражения эмотивности в повседневной коммуникации проанализировали Н.А. Кичикова и Э.Б. Манджиева.

На третьем пленарном заседании (руководители Е.И. Алещенко и А.А. Кудрявцева) докладчики осветили следующий круг вопросов. Е.И. Алещенко посвятила свое выступление актуальной проблеме воспитания современных школьников на основе литературы о Великой Отечественной войне. Ю.Н. Сысоева – проблеме читательской рецепции переводного текста на уроках литературы в старших классах. В совместном докладе Ю.Г. Семикиной, Д.Ю. Буренковой и И.И. Скачковой анализировались перспективы продвижения русского языка на постсоветском пространстве. А.А. Кудрявцева также посвятила выступление методике преподавания русского языка в школе и вузе и рассказала о новых тенденциях в этой сфере. Е.В. Кузнецова рассмотрела проблему взаимодействия диалектных, просторечных и разговорных элементов в лексике современного провинциального города. С.В. Ракитина рассказала о формировании у студентов системы знаний об особенностях работы с учебно-научным текстом в полиэтнических классах начальной школы. Е.О. Алексенцева рассмотрела особенности функционирования синтаксических средств выражения категории разговорности в лирике А.А. Вознесенского, Е.А. Евтушенко, Р.И. Рождественского. Концептосфере «времена года» в русской и узбекской языковых картинах мира был посвящен доклад О.Т. Носирова. Вопросы русской орфографии, связанные со Сталинградской битвой, рассмотрела в своем докладе В.В. Каверина. Совместный доклад Л.Л. Косташ и Л.В. Пашун был посвящен организации производственной практики студентов кафедры теории и практики перевода. Б.М. Раметова проанализировала функции ударения в каракалпакском языке. Н.В. Кривошапова посвятила доклад лингвистическому анализу приднестровской литературы военной тематики. С.М. Рудомётова рассказала об актуальности лингвокультурологического подхода при изучении мещерских говоров Волгоградской области. Лингвистической подготовке студентов к анализу фразеологической семантики в условиях полиэтнической начальной школы посвятила выступление Т.В. Гриднева. В.В. Дашинский проанализировал имена собственные в художественном пространстве произведений Е.Ю. Лукина.

Четвертое пленарное заседание (руководители В.П. Москвин и О.С. Храмушина) также было актуальным по тематике докладов и широким по географии выступающих. Совместный доклад Е.В. Кауновой и К.И. Декатовой был посвящен проблеме формирования читательской грамотности на уроках русского языка. О.А. Трофимова в своем выступлении проанализировала художественные средства выразительности в репрезентации количественного значения в фольклорных текстах донского казачества. Ю.Г. Семикина рассказала о способах художественного осмысления реальности в романе Петрушевской «Нас украли. История преступлений». В докладе И.А. Митронова рассматривался онтогенез речевого акта «клятва». В.С. Меркурьева говорила о формировании читательской грамотности в проектной деятельности учащихся. П. Чеснокова рассмот-

рела новые явления в русской геортонимии. Ономастика произведения Низамиддина Шами «Зафарнаме» была рассмотрена в выступлении Д.Т. Ибрахимовой. Т.В. Сенькевич осветила современные тенденции в изучении курса русской литературы. Э. Колларова рассказала слушателям о новом учебнике русского языка для словацких студентов. Л. Гузи – о состоянии и перспективах русистики в современной Словакии. Е.В. Сирота рассмотрела в своей работе когнитивные и лингвокультурологические аспекты изучения русской фразеологии. Й. Свободова рассказала о проблемах преподавания русского языка в Чехии в современных условиях. Ю.С. Брегадзе проанализировала синтаксический строй произведений Е.Г. Водолазкина. К.Р. Нургали посвятила свое выступление казахской литературе фэнтези для детей.

Доклады пятого пленарного заседания (руководители М.Ф. Шацкая и Е.В. Кузнецова) были посвящены следующим вопросам филологии. З.К. Беданова рассмотрела русскую этноязыковую картину мира в интернет-пространстве. А.С. Бурляй говорила о языковой личности донецкого журналиста в условиях кросс-медийности. А.Н. Стебунова посвятила свое выступление вопросам преподавания курса «Русский язык и культура речи» в современном образовательном пространстве высшей школы Донецкой Народной Республики. Н.В. Гладкая проанализировала интерактивный характер мема как мультимодальной единицы в интернет-коммуникации. Теме военного детства в цикле рассказов С.Н. Синякина «Сталинградские зернышки» посвящен доклад Л.Н. Савиной. Доклад С.В. Переваловой – русской «лейтенантской» прозе последней трети XX в. М.Ф. Шацкая рассмотрела пропозиции с лексемой НЕТ в контексте комического. Л. Банерджи рассказала о месте русской литературы в индийском обществе. В.И. Супрун посвятил выступление православной теме в драматургии А.Н. Островского. В докладе И.И. Чеснокова говорилось о дискурсивной тактике поругания, прямых формах объективации в русской и чешской лингвокультурах. А.М. Мезенко рассказала об урбанонимии и виконимии Беларуси в диахронии и синхронии. Фу Хэжэнь – о социальных аспектах языка рекламы. Совместный доклад Фам Тхи Лан Ань и Буй Тхи Ван посвящен активным методам преподавания русского языка вьетнамским школьникам. Р.В. Разумов в своем выступлении осветил проблемы и перспективы лексикографического представления русской урбанонимии. В.И. Куликович говорил о межкультурной коммуникации в учебном процессе.

На заседании секции № 1 (под руководством Т.Н. Колокольцевой и С.М. Рудометовой) участники рассуждали на следующие темы. Семантическая классификация диалектизмов в русских говорах Мордовии была представлена в докладе Н.И. Ершовой. Мессенджер Telegram как средство организации образовательного пространства при обучении РКИ рассмотрела А.М. Ильина. Совместный доклад А.А. Соколова и Н.А. Фатеева посвятили актуальной проблеме патриотизма в современных реалиях. Н.А. Красовская проанализировала заголовки в региональной прессе военного периода. Л.Н. Верховых рассмотрела отантропонимные микротопонимы в воронежских говорах. Е.С. Казютина рассуждала в докладе об идиостилевой специфике памяти в художественных текстах Б. Васильева. Черты импрессионизма в малой прозе В. Шаповалова рассмотрела в своей работе О.В. Дудинских. Т.И. Синкевич рассказала слушателям о современной белорусской лимнонимии. Проблемам преподавания русской грамматики в китайской аудитории был посвящен доклад Сюй Сюэцзюань. Проблемам дистанционного обучения при преподавании русского языка как иностранного – доклад З. Шахин. Р.И. Сайдуллаева рассмотрела онимы произведения Низамиддина Шами «Зафарнаме». Доклад Ду Сянь был посвящен заимствованным междометиям в современном русском языке. Уде Фрайдэй Эменка проанализировал современное состояние научного описания нигерийских языков.

Выступления на секции № 2 (под руководством Е.Б. Никифоровой и И.В. Силаева) освещали следующий круг вопросов. Приемы создания аттрактивных заголовков

в электронных СМИ проанализировала А.В. Дегальцева. Жанровый синтез в славянской религиозной драме XVII–XVIII вв. рассмотрела Т.П. Плахтий. Роли памяти в публицистическом тексте был посвящен доклад Т.С. Жигулиной. О гиперболе в политической поэзии В.В. Маяковского рассказал И.В. Силаев. О роли средств массовых коммуникаций в организации топонимических коммеморативных практик – С.А. Попов. Доклад Дуань Сужон касался проблем перевода произведений Виктории Токаревой на китайский язык. С.Н. Абдуллаев рассказал о современных процессах в киргизской топонимии. Нгуен Суан Хоа – о переводах произведений русских писателей во Вьетнаме. Б.Х. Сеспедес проанализировал современное состояние преподавания русского языка на Кубе. Чжоу Цзин в докладе рассмотрела тенденции изучения русского языка на севере Китая. М. Бичитра посвятил доклад творчеству А.П. Чехова. Совместный доклад Д. Батдорж и С.М. Трофимовой касался родства монгольского и калмыцкого языков. А.О. Халабузарь рассмотрела в своем выступлении модели аббревиатурной группы «Авиа».

VI Международная научная конференция и I Студенческая научно-практическая конференция «Сталинградская гвоздика» прошли на высоком уровне. В ходе всех заседаний был рассмотрен широкий круг актуальных вопросов, связанных с русской филологией в ее собственно научном и методическом аспектах. Кроме того, неоднократно отмечалась особая роль русского языка и русской культуры в современном мире и при решении вопросов патриотического и духовно-нравственного воспитания современной российской молодежи. Как несомненно важные аспекты научного взаимодействия участники отметили формирование единого социокультурного пространства и общей лингвальной ситуации в нашей стране, укрепление позиций российских ученых в мировой научно-образовательной среде, расширение сети партнерских связей и профессиональных контактов между русистами разных стран, закрепление тенденций создания благоприятного образа России в мировом сообществе.

(Статья поступила в редакцию 27.04.2023)

В.И. КАРАСИК
Москва

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Е.В. САВИЦКОЙ «КОГНИТИВНЫЙ СУБСТРАТ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВОГО МЫШЛЕНИЯ» (Самара: СГСПУ, 2021).

Рецензируемая монография посвящена актуальной проблеме когнитивной семантики и лингвокультурологии – комплексной характеристике оснований языковой картины мира. Центральным понятием работы является когнитивный субстрат языкового мышления, понимаемый как «совокупность выработанных в ходе культурного развития народа, устоявшихся в общественной практике, закрепленных в исторической семантике этноязыка коллективных представлений о действительности, а также ком-

плекс познавательных установок, лежащих в основе языковой картины мира, служащих культурными кодами в процессе коммуникации и в той или иной степени обуславливающих поведение людей в общенародном и индивидуальном масштабе» (с. 118). Для описания этого феномена автор последовательно анализирует функции языка, особенности разных типов мышления, соотношение между традиционной обиходной и современной научной картинами мира, способы взаимовлияния мышления на язык и языка на мышление.

Книга состоит из трех глав, посвященных соответственно основным понятиям концепции когнитивного субстрата, сенсорной основе абстрактного языкового мышления и его грамматическому субстрату.

В первой главе монографии обсуждаются фундаментальные вопросы общего языкознания – соотношение функций языка, научной и «наивной» картин мира, понимание внутренней формы языковых единиц, определение когнитивных паттернов как способов интерпретации реальности, зафиксированной в лексико-фразеологической и грамматической семантике. Автор приводит веские аргументы в пользу неразрывной взаимосвязи коммуникативной, мыслеформирующей и моделирующей функций в функциональном спектре языка. Важным является тезис о том, что моделирование реальности обусловлено прагматически, т. е. с точки зрения, значимой для субъекта. При этом важные для носителей языка характеристики реальности взаимодополняют друг друга в содержании языковых единиц. Не менее существенным следует признать тезис автора о том, что «ребенок получает сведения о мире не **из** словесного языка как такового, а **вместе** с ним – в рамках лингвокультуры» (с. 33).

Обсуждая характеристики языковой картины мира, Е.В. Савицкая критически анализирует позиции разных ученых по этому вопросу и приходит к выводу о том, что «языковая картина мира содержится не только во внутренней форме языка, но также в семантике языковых единиц, в первую очередь в тех его значениях, которые заключают в себе не строго научные, а так называемые “обыденные” понятия» (с. 40). В совокупной картине мира наших современников уживаются, казалось бы, противоречивые представления о разных объектах, например, о звездах как о ярких точках на ночном небе (обиходное сознание) и небесных телах во Вселенной (научное сознание).

Интересен раздел работы, посвященный лакунам. Эти своеобразные нулевые знаки представляют собой, как отмечает автор, «отсутствие собственной единицы или формы в норме и узусе языка при ее наличии в схеме языка» (с. 63–64). Заслуживает внимания приведенное в работе обсуждение вопроса о внутренней форме языка, составляющей «нижний (образный) слой языковой картины мира; это тот субстрат, на котором зиждется ее верхний (понятийный) слой» (с. 90). В книге подчеркивается, что языковое мышление отталкивается от наглядно-действенного и проявляется в дискурсивно-логическом и образном, при этом образная составляющая концептов является фундаментом для понятийной и ценностной составляющих. Эвристически ценным следует признать используемое в книге понятие «когнитивный паттерн» – структура определенного класса объектов (с. 125). Читатели обратят внимание на противопоставление когнитивных паттернов как объективных фиксаций опыта и фреймов, трактуемых в работе как модели такой фиксации.

Во второй главе книги уточняются характеристики сенсорной основы абстрактного языкового мышления на материале когнитивных паттернов пространства, времени, физических параметров предметов, зафиксированных в англоязычной лингвокультуре. Весьма интересны описанные в работе «этапы семиозиса, через которые проходят культурные реалии в процессе их превращения в знаки: просто вещь → осмысленная (значимая) вещь → вещь-символ. В ходе семиотизации реалии принимают участие в формировании содержания текстов» (с. 214).

Понимание различных сюжетов характеризуется принципиальной множественностью их осмысления, или полиинтерпретативностью. Показательны приведенные автором сюжеты, в которых излагается содержание известных произведений мировой литературы («Гамлет» У. Шекспира, «Собственник» Дж. Голсуорси, «Вся королевская рать» Р.П. Уоррена и др.). Представляется перспективным использование введенного автором понятия «вектор когниции», т. е. установление аналогии нового со старым (с. 225). Весьма интересен раздел работы, в котором говорится о генеративном потенциале лексико-семантической системы языка, в которой сосуществуют реальные, лакунарные и потенциальные концепты.

В третьей главе монографии рассматриваются влияние строя предложения на языковое мышление, безличные конструкции, порядок слов и другие морфолого-синтаксические характеристики английского языка. Автор делает обоснованный вывод о том, что если «лексикон языка обусловлен культурой на каждый данный момент своего существования, то грамматика <...> далеко не в такой мере подчинена культуре. Она более «своенравна»; у нее свои законы» (с. 337).

Подводя итоги, подчеркну, что рецензируемая монография является весомым вкладом в теорию языка, содержит множество оригинальных обоснованных идей, объясняющих природу языкового мышления, и несомненно заслуживает высокой оценки.

(Статья поступила в редакцию 13.03.2023)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Бобырева
Екатерина Валерьевна* – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: new_life@mail.ru
- Гарькуша
Анастасия Александровна* – аспирант кафедры языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: garkusha_anastasia@mail.ru
- Горбатовский
Александр Сергеевич* – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры немецкой филологии, Кубанский государственный университет. E-mail: alexgorbatovsky@mail.ru
- Джамбинова
Надежда Садрыковна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания, русской и зарубежной литературы, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова. E-mail: sawh@mail.ru
- Йегни Ханан* – аспирант кафедры английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: ilenagabriel.ig@gmail.com
- Карасик
Владимир Ильич* – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
- Катермина
Вероника Викторовна* – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Кубанский государственный университет. E-mail: veronika.katermina@yandex.ru
- Красавский
Николай Алексеевич* – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: nkrasawski@yandex.ru
- Кривченко
Елена Александровна* – преподаватель Центра мировых языков и профессиональной коммуникации, Волгоградский государственный медицинский университет. E-mail: lenagannova@mail.ru
- Кузнецова
Елена Валентиновна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: Kev7-78@mail.ru
- Ленец
Анна Викторовна* – доктор филологических наук, заведующий кафедрой немецкой филологии, Южный федеральный университет. E-mail: annalenets@sfedu.ru
- Москвин
Василий Павлович* – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: vasmoskvin@yandex.ru

<i>Никитина Татьяна Геннадьевна</i>	– доктор филологических наук, профессор кафедры образовательных технологий, Псковский государственный университет. E-mail: cambala2007@yandex.ru
<i>Никодимова Анна Дмитриевна</i>	– кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: baas-tet@mail.ru
<i>Оганесян Анна Оганесовна</i>	– старший преподаватель кафедры романской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: oganesyananna1994@mail.ru
<i>Панченко Надежда Николаевна</i>	– доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: panchnn@yandex.ru
<i>Рябух Ксения Вадимовна</i>	– ассистент кафедры немецкого языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: @ksyu.ryabukh.98@mail.ru
<i>Сирота Елена Владимировна</i>	– кандидат филологических наук, доцент кафедры славистики, Бельцкий государственный университет имени Алеку Руссо
<i>Супрун Василий Иванович</i>	– доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: suprun@vsru.ru
<i>Тихонова Екатерина Алексеевна</i>	– аспирант кафедры языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет.
<i>Туманова Анастасия Владимировна</i>	– E-mail: tav9910@mail.ru
<i>Фелькина Ольга Антоновна</i>	– кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания, Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина. E-mail: felkina@yandex.ru
<i>Чэнь Юйлин</i>	– аспирант, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: www.1005348739@qq.com
<i>Штеба Алексей Андреевич</i>	– кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: alexchteba@yandex.ru
<i>Шулятева Элеонора Вадимовна</i>	– ассистент кафедры романской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: elleshy@mail.ru
<i>Юрлов Владислав Сергеевич</i>	– ассистент кафедры межкультурной коммуникации и перевода, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: yoyrlov.vlad12@gmail.com

INFORMATION ABOUT AUTHORS

<i>Aleksandr Gorbatovskiy</i>	– PhD (Philology), Lecturer, Department of German Philology, Kuban State University, E-mail: alexgorbatovsky@mail.ru
<i>Aleksey Shteba</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of Romance Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: alexchteba@yandex.ru
<i>Anastasiya Garkusha</i>	– Post Graduate Student, Department of Language Studies, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: garkusha_anastasia@mail.ru
<i>Anastasiya Tumanova</i>	– E-mail: tav9910@mail.ru
<i>Anna Lenets</i>	– Advanced PhD (Philology), Head of the Department of German Philology, Southern Federal University, E-mail: annalenets@sfsedu.ru
<i>Anna Nikodimova</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of Romance Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: baas-tet@mail.ru
<i>Anna Oganesyan</i>	– Senior Lecturer, Department of Romance Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: oganesyananna1994@mail.ru
<i>Chen Yulin</i>	– Post Graduate Student, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: www.1005348739@qq.com
<i>Ekaterina Bobyрева</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of English Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: new_life@mail.ru
<i>Ekaterina Tihonova</i>	– Post Graduate Student, Department of Language Studies, Volgograd State Socio-Pedagogical University
<i>Elena Krivchenko</i>	– Lecturer, Center of World Languages and Professional Communication, Volgograd State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, E-mail: lenagannova@mail.ru
<i>Elena Kuznetsova</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of Russian Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: Kev7-78@mail.ru
<i>Elena Sirota</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of Slavic Studies, Alecu Russo State University of Bălți.
<i>Eleonora Shulyateva</i>	– Assistant, Department of Romance Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: elleshy@mail.ru
<i>Hanane Yeghni</i>	– Post Graduate Student, Department of English Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: ilenagabriel.ig@gmail.com
<i>Kseniya Ryabukh</i>	– Assistant, Department of German Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: @ksyu.ryabukh.98@mail.ru

<i>Nadezhda Dzhambinova</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of Russian Language and General Language Studies, Russian and Foreign Literature, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, E-mail: sawh@mail.ru
<i>Nadezhda Panchenko</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Language Studies, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: panchnn@yandex.ru
<i>Nikolay Krasavskiy</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of German Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: nkrasawski@yandex.ru
<i>Olga Felkina</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of General and Russian Language Studies, Brest State University named after A.S. Pushkin, E-mail: felkina@yandex.ru
<i>Tatyana Nikitina</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Educational Technologies, Pskov State University, E-mail: cambala2007@yandex.ru
<i>Vasiliy Moskvina</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Russian Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: vasmoskvina@yandex.ru
<i>Vasiliy Suprun</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Russian Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: suprun@vspu.ru
<i>Veronika Katermina</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of English Philology, Kuban State University, E-mail: veronika.katermina@yandex.ru
<i>Vladimir Karasik</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of General and Russian Language Studies, Pushkin State Russian Language Institute
<i>Vladislav Yurlov</i>	– Assistant, Department of Intercultural Communication and Translation, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: yoyrlov.vlad12@gmail.com

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Н.А. Красавский, д-р филол. наук, проф.

Зам. главного редактора:

К.И. Декатова, д-р филол. наук, доц.

Редакционная коллегия:

Е.В. Брысина, д-р филол. наук, проф.

С.Г. Воркачёв, д-р филол. наук, проф. (Краснодар)

А.Х. Гольденберг, д-р филол. наук, проф.

Л.В. Жаравина, д-р филол. наук, проф.

В.И. Карасик, д-р филол. наук, проф. (Москва)

А.А. Кораблев, д-р филол. наук, проф. (Донецк)

О.А. Кравченко, д-р филол. наук, доц. (Донецк)

Л.П. Крысин, д-р филол. наук, проф. (Москва)

М.Ч. Ларионова, д-р филол. наук, доц. (Ростов-на-Дону)

О.А. Леонтович, д-р филол. наук, проф.

Г.Б. Мадиева, д-р филол. наук, проф. (Алматы, Казахстан)

В.М. Мокиенко, д-р филол. наук, проф. (Санкт-Петербург)

Н.Н. Панченко, д-р филол. наук, проф.

С.В. Перевалова, д-р филол. наук, доц.

Л.Н. Савина, д-р филол. наук, доц.

В.И. Супрун, д-р филол. наук, проф.

Н.Е. Тропкина, д-р филол. наук, проф.

А.А. Фокин, д-р филол. наук, доц. (Ставрополь)

Цзиньлин Ван, д-р филол. наук, проф. (Чанчунь, КНР)

Э.Ф. Шафранская, д-р филол. наук, доц. (Москва)

СОСТАВ НАУЧНО-РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

А.М. Коротков, председатель совета, член-корр. РАО, ректор ВГСПУ, д-р пед. наук, проф.

Н.А. Красавский, д-р филол. наук, проф.

М.В. Великанов, отв. секретарь редколлегии